

В.И. Семёнов

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ ИЗ ЕВРОПЫ В СИБИРЬ

ЕНИСЕЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1893 ГОДА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛУ,
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

с чувством глубочайшей преданности посвящает

автор

С.-ПЕТЕРБУРГ
1894.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.....	2
Глава II.....	30
Глава III	46
Глава IV.....	74
Карта.....	107

I

Прибытие в Англию. — Состав экспедиции. — Изготовление судов к плаванию. — Шотландские шхеры. — Переход Немецким морем. — Берген — Норвежские шхеры от Бергена до Вардэ.

27-го июня 1893 года английский товаро-пассажирский пароход «Rinaldo» готовился к отплытию из Петербурга в Hull.

В этот день, несмотря на праздник, его палуба и прилегающая к нему часть набережной морского канала представляли собою оживлённую, не совсем обычную картину. В мирном царстве торговли, среди груд ящиков и тюков мелькали фигуры офицеров и матросов военного флота, у борта теснились казённые баржи, и сновали паровые катера.

Сегодня выступали из Петербурга главные силы Енисейской экспедиции — 6 офицеров, доктор и 43 человека команды. Провожающих было немного — близкие родственники, да несколько товарищей моряков. В воздухе стоял смутный гул голосов, отрывочных вопросов, недосказанных ответов, тех неясных и ничего, и весьма много значащих разговоров, которые неизбежно возникают перед всякой серьёзной разлукой, когда говорят часто совсем не то, что думают, когда не любят смотреть друг другу в глаза и словно все стараются что-то припомнить.

Но вот смолк грохот лебёдок, догружавших последние ящики; баржи оттянулись от борта; адмирал, простившись с командой и офицерами, уехал. Все спустились в кают-компанию, чтобы за стаканом вина пожелать отъезжающим доброго пути. Один из провожавших, пожилой человек, по виду старше всех присутствующих, сказал коротенькую речь: — «Господа моряки! от души желаю вам счастливо и успешно поработать на славу русского имени и возвратиться домой».

Крикнули «ура!». Начались поспешные объятия и поцелуи...

— Пароход сейчас отваливает!

Публика заторопилась. Наверху уже отдавали швартовы и готовились снять сходню. Помощник капитана охриплым голосом выкрикивал с мостика какие-то приказания рабочим на смешанном, англо-русском языке; в машине шипели продуваемые цилиндры. Глухо плеснул о воду

последний отданный перлинь¹ и «Rinaldo» медленно тронулся вниз по каналу. Кучка людей на берегу заволновалась; замелькали платки, шляпы, фуражки, вспыхнуло «ура!». Посылались последние приветствия, пожелания... и у каждого где-то в далёком уголке сердца шевелилась беспокойная дума — может быть в самом деле последние... Тем не менее всеми было замечено, что отплытие состоялось при самых благоприятных предзнаменованиях: никого не ушибло; ничего не потеряли; ни одна снасть не заела. Погода стояла чудная, какая редко бывает в Петербурге даже летом, и лёгкий столб дыма и пара над трубой, подгоняемый чуть заметным попутным ветром, подымался совершенно вертикально.

В то время, как «Rinaldo» проходил Малый Кронштадтский рейд, на крейсере «Азия», завидев наши белые фуражки, послали команду по вантам и дружное «ура!» — последний товарищеский привет, проводило нас из пределов России. Хотя мы были не более как пассажиры, но сейчас же, по выходе в море, завели на пароходе свои, военные, порядки. По приказанию старшего команда, расписанная на 4 отделения, стояла днём дежурство, а ночью или в тумане — вахту; причём вахтенный был обязан о всяком особом случае докладывать, не медля, дежурному офицеру.

Странное впечатление испытывал я, первый раз в жизни находясь в открытом море и не принимая никакого участия в управлении судном. По правде, я не позавидовал путешественникам: один, другой день — ничего, а потом скучно и однообразно. Впрочем, у меня и других штурманов нашлось сразу довольно много серьёзного дела — заботы о хронометрах, испытание и поверка инструментов, которыми была щедро снабжена экспедиция.

На второй день плавания начались знакомства с пассажирами; учредилась по вечерам партия винта, но в общем наша маленькая компания жила своей собственной жизнью. Сошлись люди по большей части ранее знакомые — кто ещё с корпуса, кто плавал на одном судне, кто в составе той же эскадры в Тихом океане. Собираясь вместе за столом, редко загадывали о далёком будущем; вспоминали прошлые плавания, спорили о разных способах определения места, о пригодности инструмен-

¹ Перлинь — пеньковый корабельный трос толщиной от 10 до 15 см по окружности. — прим. OCR.

тов, толковали об особенностях высоких широт в астрономическом отношении, но никто не задавал праздных вопросов — удастся или не удастся экспедиция.

Часто во время моих прогулок по верхней палубе заходил я в кормовую часть парохода, где помещались матросы, прислушивался к их разговорам и с глубоким интересом вглядывался в грубые, загорелые лица, стараясь угадать, каковы будут эти не столько подчинённые, сколько помощники в нашем предприятии. Мои наблюдения обыкновенно давали самые утешительные результаты. Наша команда — все охотники, вызвавшиеся идти в экспедицию по доброй воле, крепкий, здоровый народ, побывавший в дальних плаваниях, привыкший к слепому повиновению и твёрдой вере, что пока «господа» ходят и приказывают — всё обстоит благополучно. На них, мне казалось, можно было вполне надеяться.

Немецкое море встретило нас по обычаю серенькой погодой и свежим ветром. В первый же день по выходе из проливов к обеду из числа пассажиров явился один, и только наш стол был в полном составе, к видимому неудовольствию буфетчика, привыкшего в таких случаях к экономии провизии.

На 7-й день утром открылись берега Англии, а в 5-м часу пополудни «Rinaldo» стал на якорь у набережной Hull'a.

Ехать немедленно дальше оказалось невозможно. На завтра было воскресенье, а в Шотландии — цели нашего путешествия — так строго соблюдается праздничный отдых, что в этот день между Глазго и Думбартоном даже железнодорожные поезда прекращают движение. Приходилось ждать понедельника.

Команда осталась жить на пароходе; все же офицеры, за исключением дежурного, перебрались на берег в отель.

На другой день, утром, расспросив о дороге, я отправился в урочный час на пароход завести и сличить оставленные там хронометры. Многолюдный город словно вымер. Вчера шумные, полные праздным, веселящимся народом улицы были пусты. Гигантские трубы заводов не выбрасывали густых облаков дыма; не гудели свистки, не громыхали по мостовой тяжёлые повозки; бесчисленные магазины и кафе были закрыты, и только саженные, пёстро раскрашенные объявления на стенах и заборах по-прежнему назойливо лезли в глаза, крича о небывалом мыле и папиросах, каких больше никогда не будет. Благополучно до-

бравшись до порта, я совсем затерялся среди мрачных, закоптелых зданий торговых складов, среди спусков, подъёмов, то широких, то узких проходов, искрещённых рельсовыми путями. И вправо, и влево из-за чёрных крыш подымался целый лес мачт, но в какой стороне следовало искать «Rinaldo» — я решительно не мог дать себе отчёта. Моё беспокойство и затруднение увеличивались ещё тем, что до момента завода хронометров оставалось весьма немного времени. Наконец, блуждая наугад, я заметил на железнодорожном мосту какую-то одинокую фигуру и с надеждой устремился туда. Подойдя ближе, я увидел невысокого, слегка сутуловатого человека с бритым, загорелым лицом, который, расставив ноги и зажав в зубах коротенькую трубку, сердито чиркал одну за другой видимо отсыревшие спички. Он был одет в засаленную кожаную куртку, длинные порыжелые сапоги, и только морская фуражка, обшитая тремя галунами, которые в Англии никто не посмеет одеть произвольно, обличала в нём капитана океанского парохода.

— Капитан, могу предложить вам огня? — проговорил я, подходя к нему.

— Благодарю, сэр, — ответил он и, убеждённый, что никто не станет попусту терять время для оказания услуги, прибавил, возвращая спички, — чем могу быть вам полезен?

— Я ищу Александровский док и в нём пароход «Rinaldo».

— Очень хорошо. Мне по дороге; пойдёмте вместе.

Мой спутник видимо не привык к многословию. Некоторое время мы шли рядом, молча, потом он заговорил, не поворачивая головы, словно выбрасывая отрывистые фразы.

— «Rinaldo». Вильсон и К°. Пришёл вчера из России... Вы пассажир?

— Да, сэр, — ответил я в тон ему.

— Пассажиры съехали вчера... вчера была таможня... Вы оставили что-нибудь на пароходе?

— Там мои хронометры.

— О! — проговорил капитан, на мгновение останавливаясь, — может быть, вы русский офицер?

— Да. Лейтенант.

— Очень рад встрече, — оживился он, — знаю... Вы едете в Думбартон... Енисейская экспедиция? — не лёгкое дело! Вот вам «Rinaldo» — вот эти две мачты! а тут и мой пароход, — указал он на темно-зелёного гиганта, — не зайдёте ли выпить чашку чая или рюмку хереса?

Я поблагодарил и отказался, говоря, что хронометры не ждут.

— Ну да, конечно! очень жаль. Счастливого пути, сэр; вы взялись за трудное дело, чёрт возьми! желаю успеха!

И старый морской волк, широко улыбаясь, дружески тряс мою руку...

— Однако, думал я, возвращаясь в гостиницу, вот что значит морская, промышленная страна — в Петербурге, когда, собираясь в путь, я заезжал кой к кому из знакомых проститься, огромное большинство и не подозревало, и не интересовалось тем, что под боком снаряжалась наша экспедиция.

На следующий день экспресс уже мчал нас на север. В Йорке, где поезд стоял 12 минут, и где мы выскочили наскоро позавтракать, произошло маленькое повторение моей Hull'ской встречи, но ещё более характерное. Там мной заинтересовался капитан парохода, весьма естественно следивший за всеми морскими предприятиями, здесь же к доктору подошёл пожилой солидный gentleman, очень хорошо одетый, и, указывая на наши вагоны прямого сообщения в Думбартон и на матросов, выглядывавших в окна, спросил: верна ли его догадка, и не есть ли это экипаж Енисейской экспедиции? Когда доктор ответил утвердительно и сказал, что он сам из числа участников, старый gentleman с величайшим интересом начал расспрашивать о предполагаемом дне отплытия из Англии, о числе команды и офицеров на судах — их величина и снабжение уже были ему известны, — желал успеха, спрашивал не может ли он быть чем-нибудь полезен в данную минуту — словом, выказал необыкновенное участие и доброжелательство. Получив от него некоторые практические советы, весьма пригодившиеся нам в пути, мы понеслись дальше. Быстро замелькали мимо великолепно возделанные поля, пышные пастбища; вот на мгновение словно вынырнул из лощины живописно раскинувшийся по склонам холмов Дургэм; развалины старого замка мрачно смотрят с вершины скалы на теснящийся у её подножия город. Вот богатый Ньюкасл, весь окутанный дымом, чёрный, закоптелый, с целым лесом фабричных труб. Поезд с грохотом проносится по высокому мосту, оставляя далеко под собой быструю реку и лепящиеся по крутым скатам домики. За Бервиком дорога идёт почти вдоль берега; погода тихая, но неугомонное Немецкое море катит крупную зыбь и взмётывает высокие буруны на отмелях и рифах.

«Как-то оно встретит наши речные пароходики?» мелькает в голове неотвязная мысль, и глаза пытливо вглядываются в синеющую даль, словно стараясь угадать, что будет здесь через месяц.

От Эдинбурга мы круто свернули на запад. С утра характер окружающей местности совершенно изменился. Мы были в Шотландии. Населённые места стали не так часты и выглядели беднее; реже попадались обработанные поля; по склонам гор, усыпанным валунами, лепился хвойный лес; на кочковатых полянах, поросших можжевельником, пасся невзрачный скот; чувствовался север... точно едешь где-то у нас в Финляндии, а низко нависшее серое небо ещё усиливало сходство.

Наконец, в десять часов времени, пролетев почти всю Англию, мы у цели.

— Думбартон! — крикнул кондуктор, распахивая дверцы вагона, и я проворно выскочил на платформу, с наслаждением расправляя затёкшие ноги.

На станции нас встретил начальник экспедиции, живший здесь уже третью неделю для наблюдения за постройкой судов, и, недавно приехавший в помощь ему, командир баржи. Судостроительный завод Дэни находился отсюда в расстоянии нескольких минут ходьбы, и раньше, чем идти обедать в отель, все торопливо направились к гавани посмотреть свои пароходы «в натуральную величину».

Здесь считаю своевременным сообщить читателям краткие сведения о судах экспедиции и их экипаже.

Двухвинтовой буксирный пароход «Лейтенант Овцын», длина 116 футов, ширина 23 футов, углубление 8 футов, вооружение — 2 мачты с косыми парусами. Скорость на пробе свыше 10 узлов. Командир — он же начальник экспедиции, два офицера, доктор и 19 человек команды.

Колёсный буксирный пароход «Лейтенант Малыгин», длина 165 футов, ширина 22 футов, углубление 3½ футов, вооружение — одна мачта с косыми парусами. Скорость на пробе свыше 9 узлов. Три офицера, фельдшер и 17 человек команды.

Баржа «Лейтенант Скуратов», на время перехода вооружённая, как шхуна, т.е. две мачты — одна с прямыми, другая с косыми парусами¹. Длина 115 футов, ширина 17 футов, углубление 8 футов. Три офицера и 12 человек команды.

На другой же день июля мы начали кампанию, и затем пошла та хлопотливая, непонятная посторонним людям работа, которая вызывается изготовлением к плаванию совсем нового судна; мелочная война с

¹ То есть, на самом деле — бригантина. — прим. OCR.

представителями завода из-за лишнего обуха, крючка, полки, кинкетки¹ и т.п. Параллельно с этим принимались и грузились запасы провизии на 14 месяцев в предвидении возможной зимовки. Покупались по совету бывалых людей всякие тёплые и непромокаемые вещи, из которых впоследствии многое пришлось просто выбросить за борт; но в то время нельзя было пренебрегать никакими указаниями.

Собираясь по вечерам за общим обеденным столом в гостинице, делились впечатлениями дня, сердились на медленность работ — с 1-го по 10-е на заводе был праздник и рабочих весьма ограниченное число. Затем, за бесконечным чаем, приводившим в ужас английскую прислугу, шли обсуждения наших частных офицерских запасов платья, вещей и провизии, а к 11-ти часам все расходились спать, так как на следующий день надо было с утра опять бегать, принимать, считать и спорить. Так в непрерывных хлопотах быстро мелькали дни за днями, и приближалось время ухода.

На «Малыгине» по нашему настоянию был сделан временный деревянный фальшборт в носовой части до кожухов, чтобы, хотя бы немного, защитить себя от вкатывания волн, а затем завод, по собственному почину, не рассчитывая при сравнительно большой длине и малом углублении парохода на его продольную крепость, положил нам вдоль бортов по верхней палубе 12-ти дюймовые деревянные брусья.

— Дно вполне надёжно, — пояснял по этому поводу один из инженеров, — какая бы ни была волна, вы не можете переломиться носом и кормою вниз. Вот носом и кормою вверх — это другое дело.

Оставалось только благодарить за любезное предупреждение.

Изменчивая погода, частые дожди сильно мешали окраске и наведению той чистоты и порядка, которыми должно блистать всякое судно, носящее военный флаг.

Наконец, в субботу 17-го июля, спешная нагрузка, достигшая накануне своего апогея и продолжавшаяся часть ночи, была окончена; рабочие исчезли с палубы; офицеры уже не бегали по заводу в поисках за нужными людьми; команда не занималась перевозкой запасов — все

¹ Кинкетка (кинкет) — масляная лампа, изобретенная в 1780 году и производимая в Швейцарии А. Аргандом (поэтому также называлась «Аргандова лампа») и имеющая специальную систему подачи воздуха в зону горения фитиля, что давало в несколько раз более яркий свет. Во Франции была усовершенствована фармацевтом Арну Кинкэ и получила название *Quinquet* в его честь. Часто снабжалась абажуром. Применительно к осветительным приборам на кораблях кинкетками также назывались любые лампы (в т.ч. свечи и электрические лампы) снабженные подвеской в двух плоскостях и грузом снизу для сохранения вертикального положения во время качки. — прим. OCR.

были дома, приводили себя в порядок, прибирались в трюмах... Говоря морским языком — «суда готовились к походу».

Около часа пополудни приехал из Лондона наш морской агент в Англии, сделал смотр команде, опросил претензии; затем прибывший вместе с ним посольский священник отслужил на палубе «Малыгина» — как самой просторной — напутственный молебен, окропил все суда, вымпела и флаги святой водой, и... мы были готовы. Остаток дня прошёл тихо. С вечера приняли лоцманов и на следующий день, в воскресенье 18-го июля, в 11-м часу утра начали отдавать швартовы. Первым вышел из гавани «Овцын», ведя на буксире «Скуратова», а следом за ними «Малыгин». Небольшая кучка провожающих собралась на углу набережной. Оттуда неслись английские пожелания счастливого плавания. Мы послали команду по вантам; разменялись с ними прощальным «ура!», и через несколько минут высокий берег Клайда скрыл от нас обширные эллинги со строящимися судами и длинные здания мастерских и складов.

Зеркальная гавань, родина наших судов, осталась позади. Предстояло вести их к другой тихой пристани, но она была так далеко, где-то в центре Сибири, за бурным морем и неведомым океаном с его полярными льдами, что даже странно казалось загадывать об этой конечной цели нашего путешествия.

В первый же день плавания привелось до известной степени ознакомиться с морскими качествами наших судов. От устья Клайда мы должны были спуститься миль на 40 к югу, чтобы обогнуть полуостров Кэнтайр, протянувшийся вдоль берега. Дул довольно свежий NW. Пока шли заливом, волна была незначительна, и, хотя наши скорлупы покачивало, но так слабо, что после года, проведённого на берегу, я не без удовольствия пробовал свои морские ноги, расхаживая взад и вперёд по мостику. Ввиду безопасности плавания в населённых шхерах с «Овцына» было приказано «идти по способности, рандеву Арднамурах». В девятом часу вечера обогнули южную оконечность Кэнтайра и повернули на север. С наветра, через широкий прорыв между островами, волна шла прямо из Северного Атлантического океана. Здесь была первая проба. Здесь в первый раз услышали мы, как при сильных размахах площадки кожухов бьют о воду, как грохочет волна, ударяя в колёса, и прислушиваясь и приглядываясь к свойствам качки, морским чутьём старались угадать, каков будет пароход в шторм. Мои выводы оказались благоприятными, и надежда дойти благополучно значительно окрепла.

Разумеется, высказываться было преждевременно, но, взглянув на командира, стоявшего рядом, я убедился, что наши мнения сходятся.

— Дойдём, если кожухи выдержат и их не снесёт, — проговорил он, словно отвечая на мою мысль. — Пройти Немецкое море — полдела сделано.

Видя, что всё обстоит благополучно, я спустился в каюту, чтобы отдохнуть до вахты, и скоро, заклинившись¹ в койке, спал крепким сном моряка, которому предстоит «собака»². В полночь, принимая вахту от командира, с удивлением и неудовольствием заметил я, что мы всё ещё толчёмся около маяка, бывшего на траверзе в 9 часов вечера; изменился и ровный океанский характер волны. Она стала неправильной; в кожухи било чаще и сильнее. Мы попали на встречное, очень быстрое отливное течение и двигались вперёд не больше 3-х узлов. «Овцын» со «Скуратовым» сильно отстали, но в бинокль можно было ясно видеть их отличительные огни и утешиться тем, что их тоже изрядно мотает.

Однако, как всему бывает конец, так кончился и открытый плёс, ослабело течение; улеглась толчая. На рассвете мы шли глубокими, узкими проливами, среди живописных, поросших лесом гор. Волна исчезла — ей негде было разойтись. День наступил ясный, тёплый, но не жаркий, благодаря не стихавшему холодному ветру. В полдень «Малыгин» прибыл к месту назначенного randevu и отдал якорь против городка Табермори.

Какой резкий контраст представляло собой это скромное местечко с шумными торговыми центрами Англии. Небольшая группа чистеньких белых домиков, полузакрытых зеленью, теснилась вокруг стройного шпица кирки; как в зеркале отражаясь в неподвижных водах бухты, протянулась высокая стенка набережной, не засыпанная углём, не оживляемая шумом разгружающихся пароходов; позади тёмным фоном подымался крутой, лесистый склон горы, и над всем раскинулось светло-голубое небо с лёгкими, словно тающими, облаками — точный оригинал старинных акварельных пейзажей, полный идиллического спокойствия, далёкий от суеты кипучей городской жизни.

В 5-м часу пришёл «Овцын» со «Скуратовым». Запаслись свежей провизией и тронулись дальше.

¹ Заклиниться во время качки значит выбрать такое положение, чтобы толчки её были наименее ощутимы.

² Собачья вахта или просто «собака» — вахта с 12 до 4 часов ночи.

Ночь миновала благополучно. 20-го проходили пролив Слит-Зунд — чудная природа, великолепная в своей дикости. Море словно пробило себе здесь узкий коридор между двумя горами в 2.000 футов; странные, старо-шотландские названия, напоминающие мусульманский восток: Бен-Миолари и Скур-на-Гур.

К вечеру шхеры были пройдены, и снова началась качка. Мы приближались к северо-западной оконечности Шотландии. Солнце село; на западе догорали последние отблески зари; дымные тучи заволакивали небо, но, благодаря полной луне, не было совершенной тьмы, и слабый белесоватый свет разливался по горизонту, позволяя различать очертание берега. Вот он грозный Cape Wrath, — мыс кораблекрушений. Чёрная громада утёса, с изрытыми боками и тупой вершиной, отвесной стеной выступила в море; седой туман клубится в лощинах и ползёт по склонам; полоса пены и взлётов брызг могучего прибоя зловеще белеет у его подножия; кроме маяка, ни одного огонька не светится на диких обнажённых скалах; море так же пустынно, как земля, и только наши суда дерзко нарушают безмолвие и одиночество старого утёса.

— Славное место для Старого Ника!¹ — говорит лоцман, оглядываясь туда, и вдруг, словно испугавшись своих слов, быстро отворачивается и согнувшись над поручнем, пытливо высматривает что-то в неясной туманной дали.

21-го утром обогнули северо-восточную оконечность Шотландии и пошли на юг. Тучи рассеялись. Ветер совсем стих. Какой-то маяк, вероятно удивлённый странной флотилией, спросил сигналом: какой нации суда? И, я думаю, ещё больше удивился, когда мы подняли русские военные флаги. В 10-м часу суда экспедиции стали на якорь в бухте Вик на восточном берегу Шотландии. Здесь отпустили лоцманов, пополнили запасы свежей провизии и, пользуясь солнечным днём, занялись уничтожением девиации компасов на предстоящий переход. Грозное Немецкое море лежало перед нами, как зеркало.

— Неужто удастся пройти до Норвегии таким мёртвым штилем? Хотелось верить, но не верилось. Мы все были хорошо знакомы с этим морем, знали, что оно не только бурно, но и капризно. Действительно к 6-ти часам вечера, когда, окончив сборы и приготовления, мы начали сниматься с якоря, небо заволокло тучами; барометр медленно тронулся

¹ Старый Ник — злой дух.

вниз, и с севера пошла зыбь. Ночью поднялся лёгкий ветер от SO, постепенно свежая и разводя волну, сменившую прежнюю зыбь.

Заря была красная; солнце встало среди клочковатых, разорванных облаков, окрашивая их и пенистые гребни бегущих волн ярко-багровым цветом — картина прекрасная для художника, но весьма неутешительная для моряка.

— Будет игра! — думал я, посматривая на барометр, который медленно, но упорно падал.

Низкие растрёпанные тучи быстро неслись над головой. В полдень едва удалось определиться, ловя солнце между ними. Наблюдения показали, что мы находимся как раз на полпути между Виком и Бергенем. Некуда было укрыться от видимо приближавшейся непогоды. С каждым часом ветер свежел, постепенно меняя направление по часовой стрелке.

После полудня барометр стремительно пошёл вниз. Несколько рыбацких ботов пересекли нашу дорогу, они форсировали парусами и, лёжа совсем на боку, уходили на юг по направлению к Догер-банке, где обыкновенно отстаиваются во время штормов. За день мы отстали от «Овцына», но к вечеру снова нагнали его и пошли почти рядом, так как он должен был убавить ходу из опасения за целостность буксира при разыгравшемся волнении.

От нас жутко было смотреть на «Скуратова». Казалось, он поминутно черпает бортами и вот-вот опрокинется. Хорошо, что буксир был не стальной или пеньковый, какие обыкновенно употребляются, а травяной (кой-роп). Он хотя обладает меньшею относительной крепостью, почему его приходится делать очень толстым и тяжёлым, но зато необычайно эластичен, толчки и удары принимает на себя, как пружина, не расшатывает кормы буксирующего и даёт ему возможность управляться.

Взаимно наши товарищи с «Овцына» и «Скуратова» глядя на «Малыгин», со страхом ждали его гибели. Иногда весь он скрывался в облаке пены и брызг, но через несколько мгновений на гребне волны снова появлялись труба и кожухи, выбрасывающие фонтаны воды. Мы, его обитатели, были уверены, что будем целы, пока... будут целы кожухи: но выдержат ли они? To be, or not to be? that is the question...

А выдерживать им приходилось немало. Стремительность размахов была такова, что, казалось, не будет предела для крена и пароход перевернётся, но вот раздаётся страшный удар кожуховых площадок о воду,

удар, от которого дрожит весь корпус судна, трещат переборки, скрипит мачта, и гудят стальные бакштаги трубы... «Малыгин» останавливается и с той же бешеной скоростью перебрасывается на другой борт. Величина размахов достигла 27°. Наступившая темнота только усиливала впечатление. Ни одного огонька, ни одного судна не виднелось по горизонту; кругом — пустыня. Случись несчастье, неоткуда было ждать помощи. «Овцын» с баржей на буксире находился в положении немногим лучше нашего. Ветер отошёл к S и, сбивая старую волну новой, уничтожил её правильность, ещё увеличивая толчки и удары. Теперь временами оголялось самое днище и грузно шлёпалось о встречную волну. На палубе и на мостике не было сухого местечка. Мы сами, несмотря на дождевики, промокли до костей. Три раза внезапным ударом останавливалась машина, потому что обнажались кингстоны циркуляционной помпы, прекращалось питание холодильника, и пустота его падала на 0 д.

А барометр всё шёл вниз и вниз... Нельзя было ждать перемены к лучшему. По-прежнему клубились тучи; гудели снасти; вздымались из тьмы пенистые гребни, и грохотала волна в колёсах. Расставив ноги, ухватившись рукой за поручень, чтобы не слететь за борт, я с фонарём уместился против кренометра с целью наблюдать величину размахов для записи в вахтенный журнал, но от толчков его маятник беспомощно стучался о стенки прибора...

Временами сквозь гул и рёв слышались с бака удары часового колокола, звонившего от качки, и как-то особенно зловеще в окружающей темноте разносились эти неправильные, то частые, то редкие, звуки. Тяжёлая выдалась ночь. Однако наружно все сохраняли полное спокойствие и ни словом, ни жестом не выдавали глубоко затаённой тревоги. В обычные часы происходила, как и всегда, обстоятельная смена вахты; вахтенный начальник следил за курсом, делал замечания рулевому, отдавал приказания в машину... и матросы, видя начальство на местах, собирались под мостиком — в их носовом помещении спать было невозможно — заклинились по углам и мирно беседовали о своих делах, о погоде... В душе я невольно позавидовал их неведению.

Во втором часу ночи, убедившись, что волна уже не увеличивается в высоту и становится отложе, что кожухи, хотя и скрипят, и трещат, но всё же выдерживают удары, я, промокший, измученный, спустился в каюту, одел сухое платье, бросился на койку и заснул так крепко, что глубоко изумился, когда вошедший матрос разбудил меня словами:

«Вашбродь! без пяти минут четыре часа!» Мне казалось, сон продолжался несколько мгновений. Поспешно выскочив наверх, я принял вахту от командира, который в свою очередь пошёл отдохнуть, и первым делом обратился к барометру: он подымался!.. Начинало светать. На побелевшем горизонте, милях в трёх впереди, обрисовывались, отчаянно мотавшиеся «Овцын» и «Скуратов». Ветер ещё не стихал, но всё отходил и становился почти попутным, а всякий, бывавший в море, знает, какое различное впечатление производит той же силы ветер, дующий в лоб, или — в корму. Однако вместе с ветром менялось и направление волнения. Скоро явилось новое затруднение — волна догоняла нас, ударяла в правую раковину и отбрасывала лёгкую корму. Пароход переставал слушаться руля и становился лагом... Следующий гребень обрушивался на палубу и перекатывался через неё, смывая за борт всё, что плохо лежит, грозя снести наши две шлюпки, помещавшиеся на юте; у кожухов образовывалось что-то вроде буруна, и в течение полуминуты, и даже больше, пока, снова забрав ход, мы приводили на курс, ничего нельзя было ни видеть, ни слышать, а только крепче держаться, чтобы не быть сбитым с ног резкими, неправильными толчками. Оставалось одно средство — попробовать уходить от волны. Мы поставили паруса; в машине дали самый полный ход, и «Малыгин» ринулся вперёд со скоростью, больше той, которую он дал на пробе. Манёвр удался. Волны рушились позади нас, не достигая кормы. Качка ещё увеличилась, но стала правильнее, пароход дрожал всем корпусом, но слушался руля — можно было править по курсу. Вот, сквозь поредевшие облака, прорвались косые лучи солнца; мелькнул клочок голубого неба; посинело мрачное серо-свинцовое море; ярче забелела пена. На мостик уже не поддавало. Я скинул дождевик и зюйд-вестку¹, и под влиянием этого света, этой правильной размашистой качки, без толчков и ударов, этого быстрого хода вперёд — исчезла усталость, воскресли силы; вчерашний день и пережитая ночь казались чем-то смутным и далёким, смелая уверенность, гордая радость вскипали на сердце. На этот раз мы победили! Наша скорлупа оказалась достаточно крепкой для борьбы с непогодой.

Как солдату вера в его оружие, так моряку вера в своё судно дают возможность смело глядеть вперёд и твёрдо идти навстречу неожиданным опасностям будущего.

¹ Зюйд-вестка — широкополая, непромокаемая шляпа.

Внизу, на обсыхающей палубе, весело завтракали матросы. Ко мне доносились их непритязательные остроты на юмористические случаи минувшей ночи — кого окатило с головы до ног, кого сбросило с трапа, кто шлёпнулся в угол — и когда шальная волна, ударив о борт, обдавала их брызгами и разбавляла чай солёной водой, её встречали шутками и дружным смехом.

В 7½ часов утра прямо по курсу открылись горы Норвегии. В течение всей ночи, пока ветер не изменился, берег был «наветренным». Под ним волна не успела ещё разойтись, и теперь каждая пройденная миля приносила чувствительное облегчение в качке. Мы свернули на S и, отыскивая вход в Корс-Фиорд, ведущий к Бергену, пошли вплотную вдоль линии островов, стараясь по их форме и относительному расположению угадать, где мы находимся. Несомненно, что за ночь нас снесло в сторону от курса, но куда и насколько?..

«Овцын» убавил ходу и держался мористее, видимо намереваясь дождаться полудня и определиться по обсервации. Но у нас на «Малыгине» команда была так измучена, сам пароход так жалобно скрипел и стонал, словно просясь в тихую пристань, что всякая проволочка казалась нам бесцельной и жестокой. Гаданье увенчалось успехом. В 10 часов утра я мог с торжеством показать командиру на карте десяток сошедшихся в одной точке, пеленгов разных мысов и островов. Место было известно. Вахтенный начальник получил точный курс, и мы спустились в кают-компанию завтракать. Идти после поворота приходилось снова против волны и ветра, но мы уж притерпелись и, хотя палуба дрожала под ногами, переборки вокруг нас скрипели, а ножи и вилки прыгали по столу, я редко ел с таким аппетитом и в таком весёлом настроении духа.

Около полудня мы были у входного маяка Марстен, подняли лоцманский флаг и скоро увидели небольшой парусный бот, прыгавший по волнам и нёсшийся нам навстречу. Застопорили машину. Бот прошёл у нас под носом, чрезвычайно искусно сделал поворот за кормой, лёг на другой галс и взял курс вплотную вдоль нашего левого — подветренного — борта с очевидным намерением высадить лоцмана на кожуховую площадку, не останавливаясь. К несчастью, старик не успел выскокить вовремя; пришлось задержаться, потерять ход — и шлюпка очутилась в крайне опасном положении. Наш высокий кожух отнимал ветер у её бессильно хлопавших парусов. Она стояла на месте, а между тем лёгкий, но высокий над водой «Малыгин» медленно несло вбок, нажимая

на неё. Уйти, дать ход вперёд мы не могли из опасения раскрошить и шлюпку, и людей лопастями колёс. Пока команда бросилась доставать шесты, чтобы оттолкнуть их от борта, мы принуждены были оставаться безучастными зрителями потрясающей картины. Вот «Малыгин» грузно мотнулся влево. Раздался зловещий треск — буртик кожуха ударил по борту шлюпки и погрузил его в воду. Идя назад, он подцепил её снизу и взбросил вверх так, что она едва не опрокинулась. Новый размах — новый удар... Поплыла щепка, мелкие обломки дерева... Старик-лоцман с бешеными проклятиями рвался из рук державших его матросов, пытаясь выскочить за борт на помощь — экипаж бота были его два сына. Младший, с помертвевшим от ужаса лицом, упал навзничь, глухо стонал и выкрикивал что-то, призывая Бога... но старший — живой портрет отца — метался, как тигр в клетке, и даже в эту ужасную минуту возбуждал восхищение своей ловкостью. Англичане бы ему аплодировали. Рискуя ежесекундно разmozжить себе голову, он оглядывал повреждения борта, пробовал действовать рулём и парусами, пытался оттолкнуться... Если бы он хотел спастись сам, ему стоило бы только схватиться за один из концов, брошенных от нас, но шлюпка — всё достояние бедного норвежца, и он защищал её, как герой, несмотря на то, что, попав глубже под колёса, она бы несомненно погибла с ними вместе. Глубокий вздох облегчения вырвался у меня, когда наконец появились шесты. Как мячик, отлетев от рокового кожуха, ботик снова запрыгал по волнам, направляясь к чуть заметному проливу между прибрежными скалами. Мы ещё могли видеть, как старший из братьев прибавлял парусов и клал шлюпку почти на бок, чтобы выше поднять над водою проломленный борт, и восхищались его сноровкой и лихостью. Старый лоцман, бледный от волнения, смотрел вслед удаляющимся детям, одобрительно кивал головой и что-то шептал побелевшими губами.

— Хороший моряк! смелый малый! — проговорил командир, обращаясь к нему и указывая рукой на шлюпку.

— Да, да! — встрепнулся тот, и его серые глаза блеснули счастьем и гордостью — это мой старший сын.

Снова дали ход машине, обогнули одинокую скалу маяка, о которую бешено бились волны, вступили в пролив; с наветра поднялась высокая стена мрачных, обнажённых утёсов, и вдруг, как по волшебству, качка прекратилась. Палуба не уходила больше из-под ног; из-за борта не поддавало; скрип, треск, грохот — всё разом смолкло, только мерно шлёпали по воде лопасти колёс

Команда, столпившись у борта и глядя на только что оставленную вспененную поверхность Немецкого моря, прощалась с ним смехом и шутками.

— Ау, брат, шабаш — тапёр не достанешь!

— Слышь, слышь, как ревёт?..

— Ничего: пуцай ревёт — не нам слушать, наш черёд прошёл!

Один только боцман Османдер Индрис, тип кровного татарина, стоял, видимо чем-то озабоченный, и мрачно сосал свою трубку. Исправный, расторопный, знающий, он с самого начала завоевал мои симпатии.

— Ты чего, Индрис? — подошёл я к нему.

— Завсэм беда, вашэ благородиэ! у мэнэ на палубэ кадка с песком стоял; ночью волна хадил — кадка, пэсок всэ за борт тащил? Какой тэпэрь чистота? как мы будэм палуба мыть?

Я успокоил его, объявив, что сегодня никакой чистоты не будет, что команда ночь не спала и теперь может отдыхать; а к завтраму достанем песку, сколько угодно. Он утешился, но не вполне. Кажется, его главным образом огорчала потеря кадки чистой работы, крашенной, которую, по его словам, «подарили на заводе», хотя я думаю, что она была приобретена не столь законным путём, так как Индрис, при всей своей безусловной честности, обладал одной слабостью — всякую «зря валяющуюся» вещь тащить в кладовую парохода. Ни приказаниями, ни убеждениями нельзя было отучить его от этой привычки.

Около 3-х часов пополудни «Малыгин» отдал якорь на рейде Бергена, а часа через два пришли «Овцын» и «Скуратов». Они действительно продержались в море до полудня и, только получив место по обсервации, вошли в шхеры.

Суда наши имели самый штормовой вид. Чёрные борта и трубы пароходов до самого верха были белыми от осевшей на них соли. Впрочем, норвежцев, прирождённых моряков, недавно снарядивших и отправивших безумно смелую экспедицию Нансена, трудно было удивить чем-нибудь.

Из взаимных расспросов мы узнали, что «Скуратов», хотя и не черпал бортами, как нам казалось, но при неполном грузе качался немилосердно и, несмотря на все принятые меры предосторожности, одна из прядей буксира перетёрлась. Нашим брусьям видимо тоже пришлось изрядно поработать в предупреждение перелома «носом и кормой

вверх». Правый из них по самой середине дал трещину и слегка разошёлся в замке.

В Бергене мы простояли до 27-го июля, потому что, придя в пятницу вечером, не могли принять угля раньше понедельника. В субботу и воскресенье увольняли часть команды на берег. Остальными людьми разбирались в наскоро погруженных запасах и пополняли израсходованные новой приёмкой со «Скуратова».

Погода держалась переменчивая, довольно холодная и сырая.

Берген, чистый, опрятный городок, раскинулся на возвышенном мысу, вдавшемся в фиорд. Может быть, это время года отличается затишьем в торговле, но вообще он показался мне пустынным. Широкие, малолюдные улицы, гладкие фасады домов с крутыми черепичными кровлями, редкие, видимо не спешащие, прохожие, общая тишина — всё производило странное впечатление чего-то забытого, случайно уцелевшего остатка «доброе старого времени», когда люди жили не торопясь, не волнуясь и не сбивая в кучу свои жилища. Резким пятном современности на общем фоне выступали только несколько огромных общественных зданий и отелей. Съехав на берег, я сразу подумал: здесь ложатся спать в 10 часов вечера и встают в 7 утра, — и был недалеко от истины. Единственное развлечение, которое мы застали — плохой цирк. Возвращаясь домой после конца представления, часов в 11, мы не встретили на улицах ни души. В полночь закрываются рестораны. В воскресенье всё заперто, кроме кабаков, так что наша команда возвращалась с берега раньше срока, чтобы воспользоваться судовым ужином. При известной норвежской бедности меня поразила высокая такса на извозчиков и их странное отношение к седокам — везёт, точно милость делает. Шутя, мы говорили между собою, что в Норвегии следует поговорку «горд, как испанец» заменить «горд, как извозчик»

В понедельник, в то время, как на пароходе грузили уголь, я поехал на местную обсерваторию за точной поправкой хронометров, вероятно не мало пострадавших при бурном переходе Немецким морем. На мой звонок после долгого ожидания дверь отпёрла высокая, полная женщина с засученными рукавами и покрасневшимся лицом — должно быть прямо от плиты. На вопрос, предложенный по-английски, она дико вытаращила глаза, но помощью открытого хронометра и международного языка жестов мне скоро удалось объяснить ей цель моего прихода. Она быстро заговорила что-то, и я, успев поймать среди непонятных фраз слово «профессор», радостно закивал головой. Через несколько

минут ко мне вышел, шаркая ногами в туфлях, «профессор» — по-нашему просто заведующий метеорологической станцией. Длинный, тощий, сгорбившийся старик с бритым морщинистым лицом и очками, сдвинутыми на лоб, в сером халате и ермолке. Здраваясь с ним, я был поражён... точно что-то знакомое, точно где-то я его видел... Да это школьный учитель старинных немецких гравюр! Для полноты сходства не хватает только линейки или пучка розог. Говорил он медленно и глухо, слегка пришепётывая, слушал серьёзно, строго глядя в глаза собеседнику. На английских обсерваториях всякому, желающему получить поправку, предлагают действовать самому; здесь же обычай другой. «Профессор» взял мои сравнительные часы, ушёл с ними в святилище, где стоял единственный хронометр, и вынес мне оттуда аккуратно сложенный листок бумаги. Я поблагодарил, пожал его сухую, сморщенную руку и собрался уходить. Старец сам проводил меня, отпер дверь и на прощанье заметил, что следует ждать ненастья, так как у него ноет правое колено. Видимо, этому предсказанию он верил больше, чем приборам своей скромной обсерватории.

Во вторник, 27 июля, около полдня экспедиция снялась с якоря для следования шхерами в Тромсэ, Гаммерфест и Вардэ — наш последний европейский порт.

Коленка бергенского «профессора» ныла не даром. Погода стояла отвратительная, пасмурная, дождливая, с холодным северным ветром. В довершение всех этих обстоятельств, способствующих скверному настроению духа, мы ползли по 4-5 узлов, так как принятый в Бергене уголь горел плохо, и пар не держался. При закате солнца подошли к узкости Стензунд. Ввиду дождя и тумана лоцмана отказались проходить её ночью. Стали на якорь в проливе не шире полутора кабельтова, между островами Сулён и Норен, но довольно глубоко. Якорь отдали рядом с «Овцыным». Неожиданно к нашей компании присоединилась парусная шхуна, также завернувшая сюда ночевать. Стало совсем тесно. Переменись ветер, дувший вдоль проливчика, вышла бы изрядная каша. Тотчас по постановке на якорь занялись добыванием из трюмов оставшихся запасов английского угля, в смеси с которым бергенский горел удовлетворительно.

На рассвете 28-го начали сниматься. «Скуратов» не успел развернуться и попал на камни, но был удачно стащен «Овцыным».

Между праздными туристами норвежские шхеры славятся, как одно из самых красивых мест земного шара. Не знаю, в какое время года здесь

путешествуют, но при нашем плавании в конце июля погода была такая, что могла отравить всякое созерцание красот природы. Низко нависшие грязно-серые тучи, сырой ветер; мелкий частый дождь то притихнет, то опять зашумит по палубе — впечатление петербургской глухой осени. В редкие минуты, когда немного прояснивало, перед глазами развёртывалась мрачная, дикая панорама иссиня-чёрных скал, кое-где поросших мхом и тощими растрёпанными соснами. Порой ветер, почти незаметный внизу, но сердито гнавший в вышине клочковатые облака, дарил нас неожиданными сюрпризами. Идём. Впереди и позади — кругом — всё серо, однотонно... и вдруг, где-нибудь в стороне, прорвутся тучи, брызнет снап ярких солнечных лучей, мелькнёт клочок голубого неба... угрюмые вершины словно оживут, засмеются. Заблещут их обнажённые, омытые водой скаты, нежно забелеют гряды тумана, серебристыми нитями протянутся по склонам вспененные потоки... Миг, другой — и снова всё затопила синеватая мгла, и сквозь частую сетку дождя чуть проступают громады утёсов.

К вечеру дождь перестал, но небо так густо заволокло тучами, что около 11 часов мы принуждены были бросить якорь у острова Вальдерэ. Туман рассеялся; холодный, пронизывающий ветер сменился мёртвым штилем; значительно потеплело. Совсем нежданно настала тихая, как говорят, «бархатная» ночь. С наслаждением вдыхая полной грудью мягкий, влажный воздух, стоял я на корме парохода. Глубокая тишина царила кругом. Почти рядом темнели корпуса «Овцына» и «Скуратова». Ни там, ни у нас на палубе не слышалось ни шума, ни говора. Крепко спал маленький отряд, набираясь сил на завтрашний день. Среди общего безмолвия гулко неслись по воде и расплывались в неподвижном воздухе звуки одиноких шагов вахтенных. Невдалеке, словно чьи-то кровавые очи, то вспыхивали, то гасли красные вертящиеся огни лоцманских знаков. Сладкое ощущение полного спокойствия, наступившего отдыха, чувство истомы и лени наполняли всё существо. Усталый мозг работал лениво; мысли не складывались в определённые образы... о чём-то думалось, что-то вспоминалось хорошее, приятное... не хотелось уходить в каюту именно из-за отрадного сознания, что можно уйти хоть сейчас и залечь спать, и не напрягать внимания, не думать о курсе, о приметных мысах, о поправке компаса — отдыхать, только отдыхать... а на завтра пусть свистит ветер, и хлещет дождь...

29-го июля погода нам улыбнулась. Хотя в два часа ночи, при съёмке с якоря, завернул такой предрассветный холодок, что приходилось прятать руки в карманы, а голову в воротник пальто, но с восходом солнца рассеялись тучи, и к полдню было уже +12°R. Открыли все иллюминаторы и люки, распахнули настежь двери жилых помещений, начали сушиться и проветриваться. На протянутых леерах появились принадлежности офицерского и матросского костюма. Команда с весёлыми шутками и разговорами починалась, перебирая содержимое больших чемоданов — излюбленное занятие всякого бывалого матроса. Командир рискнул даже одеть белую тужурку, но вследствие наших усиленных просьб не пугать погоду скоро заменил её чёрной. Доброе, солнечное расположение духа не мог испортить даже появившийся за обедом горох, знаменовавший конец свежей провизии и начало «морской пищи». Пользуясь штилем, «Овцын» поставил «Скуратова» рядом с собой, снайтовился и шёл так, на ходу пополняя запасы. До полдня наш путь лежал по окраине шхер, и от моря нас отделяла только полоса частью подводных, частью едва выступающих над поверхностью камней. Однако этот природный мол прекрасно защищал от волнения и зыби, взмётывавших над ним высокие буруны.

Затем снова и справа, и слева поднялись угрюмые скалы. На высоте 1500 футов местами лежал снег, и оттуда мчались по склонам бурные потоки. Проходя близко от берега, мы слышали их глухой, могучий рёв; иногда такой ручей, достигнув отвесного обрыва в несколько сот футов, срывался с крутизны и, не долетая до низу, на полпути разбивался, обращаясь в облако мельчайших брызг, в котором яркими лучами трепетали и переливались цветные радуги. Солнце село при ясном горизонте без багрового отблеска, но лоцмана утверждали, что надо ждать тумана и следует стать на якорь, так как впереди опасные места. Не веря им, досадуя на ненужную задержку, тем не менее должны были покориться. Однако старые моряки, всю жизнь проведшие в шхерах, не ошиблись. 30-го июля только что, в 2 часа утра, снялись мы с якоря и вошли в узкости, нашёл густой, как стена, туман. В десяти шагах ничего не было видно. Некоторое время, пересвистываясь с «Овцыным», который чувствовался почти рядом, подвигались вперёд, то давая самый малый ход, то стопоря машину. Вдруг с правой стороны увидели чёрную стену так близко, что отталкивали от неё свою корму шестами. Положение было весьма затруднительное. Наконец достали глубину, доступную нашим

канатам, и отдали якоря. В томительном бездействии, по пословице, сидели у моря и ждали погоды. После пяти настолько разъяснило, что можно было продолжать путь. Пролив Stokken, представляющий собой колено, изогнутое под прямым углом, так узок, что кажется коридором, высеченным в скале. Признаюсь, за все плаванья я не видал ничего подобного. Двум встречным большим пароходам разойтись в нём было бы чрезвычайно трудно. В большинстве случаев они предпочитают обходить это место открытым морем.

Пройдя Stokken, мы очутились на обширном плёсе, совершенно открытом с запада, и через этот прорыв наш добрый старый друг — Немецкое море не замедлило выслать нам на прощанье крупную зыбь. В течение нескольких часов «Малыгин» хлопал кожухами, прыгал, мотался — вообще вёл себя по традициям недавнего перехода. После полудня снова спрятались в шхеры. Погода вконец испортилась: небо задёнулось тучами, заморосил частый осенний дождь.

Вечером проходили Toft-sund — узкую извилистую щель, где местами с кожухов можно было прыгать на прибрежные камни. По правому борту вдруг, точно картина волшебного фонаря, встал перед нами крошечный городок с киркой и маленькой гаванью, набитой рыбацкими судами; совсем близко, на оконечности деревянной дамбы мелькнули несколько неподвижных фигур, закутанных в дождевики — и снова всё исчезло в ненастных сумерках, словно мимолётный сон или галлюцинация усталого глаза. Выйдя из пролива, держались соединённо, почти упираясь в корму «Скуратова», чтобы не потерять друг друга из вида. Платье, сапоги — всё снова промокло; холод и сырость пробирали до костей. Наступивший рассвет принёс облегчение — поднялся свежий ветерок, разогнал туман, кое-где блеснуло голубое небо.

31-го июля в 9 часов утра, между островами Gierö и Renö экспедиция пересекла полярный круг, и совершилось наше официальное вступление в гиперборейские страны. За последние дни снеговая линия значительно понизилась. Теперь уже на высоте не более 500 футов расстилались целые лощины, занесённые снегом. К закату солнца вышли на плёс, ограниченный Лофоденскими островами, чёрные громады которых чётко рисовались на багровом горизонте. Несмотря на облачное небо и набегавшие временами шквалы с дождём и туманом, на ночь не останавливались; да её и не было — в этой широте она заменялась короткими сумерками.

1-го августа утром видели первый глетчер на горе Ледингс-Асклен, двумя руслами низко спускавшийся к морю.

За Лофоденами характер окружающей местности резко и непонятно изменился. Ещё у самого Бергена шхеры имели дикий, неприветливый вид. Местами попадались хвойные леса, но, по мере движения к северу, они становились всё реже и реже, и наконец исчезли вовсе, заменившись тощим мхом и растрёпанными кустами можжевельника. Вчера и третьего дня вокруг нас возвышались одни иззубренные, обнажённые вершины, увенчанные льдами и занесённые снегом, сегодня же — зелёные, смеющиеся склоны, покрытые травой, поросшие низкой кудрявой берёзкой. Только нежные, изжелта-бледные тона зелени, ясно говорили о близком соседстве полюса, вызывая в памяти, как невольное сравнение, леса тропиков с их густой, тёмной, почти синей окраской травы и листьев. Но всё же это была жизнь, не мёртвый холодный камень, и глаз, утомлённый однообразием, отрадно отдыхал, созерцая робкую, принижённую, словно больную, растительность дальнего севера. Местами по берегам виднелись стада коров и фигуры людей; чаще и чаще попадались селения; в одном из них, довольно обширном, в кирке только-что кончилось богослужение (день был воскресный) и, несмотря на отвратительную погоду, из её широко раскрытых дверей выходили толпы богомольцев. Местные жители густым потоком двигались по главной улице; отдельные группы в несколько человек по головоломным тропинкам подымались в горы, остальные же, видимо прибывшие издаля, спешили к берегу и рассаживались по шлюпкам для возвращения домой. Кое-где в ложбинах и на более отлогих скатах отчётливо выделялись правильные четырёхугольники полей, перекрещенные изгородями, на которых было аккуратно развешано и сушилось что-то. Но что именно? — думалось мне — лён? хлеб? но какой? что может созреть в подобном климате?

Старик-лоцман рассеял мои недоразумения, но зато и удивил меня, объявив, что это сушится сено. Рыбная ловля и скотоводство — единственные средства к жизни местного населения. Летом скот находит себе пищу на пастбищах, но, чтобы обеспечить его кормом на зиму, приходится употребить такие труды и заботы, о каких и понятия не имеют в наших благословенных степях. Прежде всего разыскивают участок, возможно менее подверженный размыванию дождевыми и снеговыми потоками, затем его очищают от бесчисленных валунов и мелкого

камня, разрыхляют почву и сеют траву. После покоса сено нельзя оставить раскинутым по земле на милость красного солнышка — при здешних постоянных ненастьях оно непременно сгниёт. Для сушки по лугам протягиваются на козлах жерди, на них тонким слоем развешивается скошенная трава и, таким способом предотвращается гниение. Подумать только, что при таких тяжёлых условиях молочное хозяйство в Норвегии не только существует, но ещё значительная часть его продуктов вывозится за границу в виде сыра и главным образом консервов, которые мы могли по достоинству оценить в нашем дальнейшем плавании. Есть чему подивиться, глядя на эту поразительную энергию.

Около 4-х часов дня мы проходили Ry-strom, узкий пролив с чрезвычайно быстрым течением, образующим местами водовороты. На штурвале стояло двое рулевых, и едва справлялись, поминутно перекладывая руль с борта на борт. Любопытные туристы никогда не пропускают этого интересного местечка, но кому довелось видеть приливно-отливной сулой в южно-китайских шхерах, тому Ry-strom покажется слабой и бледной копией.

В 7 часов вечера «Малыгин» отдал якорь на рейде города Тромсэ. Последние часы мы прибавили ходу, обогнали «Овцына» миль на семь, и, когда наши товарищи пришли и стали рядом с нами, мы уже могли пригласить их на ужин из свежей провизии, а кто бывал в море, тот поймёт, какую роскошь составляла эта маленькая подробность.

Тромсэ — небольшой городок, раскинувшийся по склону горы на берегу узкой и глубокой бухточки. В воду выступают солидные деревянные пристани и построенные на сваях огромные сараи — склады угля и сушёной рыбы, аромат которой заполняет все окрестности и, пока не принюхаешься, довольно скверно действует на обоняние. С рейда городок виден как на плане: одна улица идёт невядалеке от берега — воль него, другая, немного отступив — параллельно ей. Здания теснятся главным образом у пристаней — центра торговой деятельности; выше и в стороне они становятся реже и более невзрачного вида. На горе из жиденькой лиственной рощи выглядывают чистые, даже красивые домики-особняки.

Население — рослый, здоровый народ. Мужчины выглядят немного хмурыми, но смелыми и решительными, видимо — люди, привыкшие к борьбе и опасностям. Среди женщин попадаются очень миловидные и кокетливо одетые.

Бергенский вице-консул говорил, что в Тромсэ есть обсерватория и можно проверить состояние хронометров. Руководствуясь этими сведениями, я на следующий же день утром, забрав полухронометр, съехал на берег в сопровождении рулевого.

Сначала мне повезло. Едва выйдя на главную улицу, я встретил какого-то прилично одетого господина, который, увидев следовавшего за мной матроса, подошёл, раскланялся и на чисто-русском языке, извинившись, «за может быть неуместную назойливость», начал расспрашивать о плавании экспедиции, о наших предположениях на будущее время. Удовлетворив его любопытство, я попросил в свою очередь указать место обсерватории. Господин задумался, потом воскликнул: «Ага! вспомнил! ступайте по этой улице вверх, пока не увидите дороги, ведущей по гребню горы, тогда ворочайте направо, — идите всё прямо — она приведёт вас к самой обсерватории».

Поблагодарив незнакомца и радуясь точно известному маршруту, я бодро зашагал вперёд. Однако тротуары скоро кончились, пришлось идти по глинистой, размытой ночным дождём почве, увязая в липкой грязи по щиколотку. Несмотря на то, что в воздухе было только +5°R, становилось жарко.

— Ваше благородие! — догнал меня рулевой, — совсем не способно идти! ежели бы взять накось через поле — много бы лучше.

— Чего ты вздор болтаешь! — раздражительно возразил я, — видишь поле огорожено.

— Так точно, ваше благородие! а только известно — и у нас загородь больше для скотины становится; человек много ли ён повредить может? опять же коли скажут: нельзя — значит, завсегда уйтить можно.

Я колебался... но как раз в эту минуту потерял калошу, не удержался, погрузился сапогом в грязь и решительно двинулся к забору. В самом деле, самое большее, что могут сделать — попросить о выходе. Но, к счастью, и этого не случилось. Мы благополучно, никем не остановленные, достигли указанной дороги и пошли по гребню горы, зорко поглядывая по сторонам: не покажется ли где флюгер, анемометр, дождемер или какой иной признак метеорологической станции. Идём 15, 20 минут — нигде ничего. Идём полчаса — те же результаты. Кругом словно всё вымерло, не видать ни души, спросить не у кого. С решимостью отчаяния я выбрал самый богатый на вид дом, смело позвонил у подъезда и заявил, что желаю видеть хозяина. Ко мне вышел человек пожилой, со-

лидной наружности и — о, радость! — заговорил по-английски. С первых же слов изъявив полную готовность оказать всякое содействие, он кликнул слугу и распорядился показать нам дорогу к обсерватории на горе. Наговорив друг другу всяких любезных слов и добрых пожеланий, мы расстались, и через десять минут ходьбы я стоял перед великолепной будкой с вращающимся куполом и массивным каменным столбом для астрономических наблюдений!..

Разочарование было так велико, что на языке не находилось слов его выразить. Направленный с самого начала по ложному следу, я даже в разговоре с англичанином не выяснил ему, что не хочу делать наблюдений сам, а желаю лишь получить поправку от выверенного хронометра. Дав лакею на чай и безнадёжно махнув рукой, в самом угнетённом состоянии духа я начал спускаться с горы. Целое утро было потеряно из-за глупого недоразумения.

— Бессловесный народ! нешто с ними сообразишь? ты ему одно — он те другое... да, вишь ты, и день-то последний — в понедельник с утра вышли... философствовал сзади рулевой.

Но мне было не до философии. Ожесточённый на всё и всех, а прежде всего на самого себя, я, не разбирая дороги, шлёпал по грязи, стремясь в город. Время завтрака уже прошло; благодаря солидному моциону, аппетит разыгрался не на шутку, но досада на нелепое происшествие была сильнее голода. Я решил отыскать консула и добиться от него истины. В довершение неудач на половине горы хлынул дождь, не оставивший на нас сухой нитки. В конторе, над дверями которой красовался русский герб, меня принял маленький, худенький, необыкновенно подвижной старичок, объявивший на мои вопросы, что про обсерваторию в городе он не слыхал, но что приходящие суда «где-то» получают поправку хронометров, и что это место можно найти.

Всё это он говорил, поспешно одевая пальто, шляпу, калоши, и кончил уже на улице, по которой мы почти побежали. Мой спутник и собеседник, русский вице-консул, прирождённый норвежец и местный коммерсант, довольно правильно говорил по-русски и в ответ на выраженное мной по этому поводу удивление объяснил, что 40 лет тому назад прожил 1½ года в Архангельске, а это «срок слишком достаточный, чтобы выучиться какому угодно языку». Наш первый визит был к директору училища мореплавания, отозвавшемуся полным неведением и направившему нас к школьному учителю, который занимается метеорологией и у которого «кажется» есть хронометр. Школьный учитель в

свою очередь сказал, что, действительно, хронометр у него есть, но ход его неизвестен, а вот на телеграфе два раза в неделю — в среду и субботу, ровно в 10 часов 00 минут 00 секунд среднего гринвичского времени, непосредственно с обсерватории в Христиании подаётся сигнал, и кто в этот момент там находится, может по сигналу определить поправку своего хронометра. Сегодня же был понедельник. Убедившись в совершенной правдивости этих последних сведений, я поблагодарил консула за хлопоты и, озлобленный, голодный, мокрый возвратился на пароход, чтобы там глотать перегретый суп и жевать засушенное, твёрдое, как подошва, мясо.

Вечером «Скуратов», где за кока плавал настоящий повар, попавший по набору в матросы, чтобы отплатить нам за вчерашний ужин, устроил большой обед. В крошечной кают-компании не яблоку, но даже яблочному семечку упасть было некуда. Зато всё, начиная с супа и пирожков, удалось великолепно, а невозможная теснота только увеличивала общее весёлое настроение духа. Расчёты с берегом были окончены, но, чтобы не выходить в море в понедельник, снялись с якоря после полуночи. Утром 3-го августа «Овцын» передал нам на буксире «Скуратова», а сам, дав полный ход, пошёл в Hammerfest, чтобы там принять, в качестве пассажира, нашего консула Березникова, который ещё письмом в Берген изъявил желание сопровождать экспедицию до Вардэ, где могли понадобиться его услуги. Разгулялся довольно свежий ветерок от NW, быстро гнавший разорванные облака. Солнце то выглядывало ненадолго, то снова пряталось. В воздухе было сыро и холодно — в полдень $+5\frac{1}{2}^{\circ}\text{R}$. Шхеры заметно редели; плёсы, открытые к океану, становились всё чаще и чаще, и на них ходила значительная волна. В таких местностях подёргивания буксира — не кой-роп, а манильского троса — делались весьма ощутительными; приходилось убавлять число оборотов; но в закрытых проливах, на тихой воде мы могли с удовольствием убедиться, что тащим «Скуратова» со скоростью $7\frac{1}{2}$ узлов. День прошёл благополучно, и в 7 часов вечера мы были уже в Hammerfest'e, крошечном городке, спрятанном в глубине небольшой, но прекрасно защищённой бухточки. Ещё в расстоянии 2-3 миль, высматривая в трубу, не видеть ли где «Овцына», стоит ли он здесь или уже прошёл дальше — мы были поражены давно невиданным зрелищем, огромным числом русских флагов, развевавшихся на мачтах судов в гавани. Это были поморы, исключительно парусники, пришедшие сюда с грузом сушёной трески, распространявшей на целую милю вокруг свой специфический, далеко

не приятный, запах. Кому доводилось плавать за границей, тот знает это чувство удовлетворения, слегка щекочущее самолюбие, которое испытываешь, придя в иностранный порт и видя в нём родной флаг преобладающим даже над местным. К тому же здесь нас окружали не пароходы богатых субсидированных компаний, а маленькие, неказистые на вид, промысловые шхуны с чисто русским экипажем, под командой самих владельцев или их приказчиков — простых поморов.

Существует мнение, что наш крестьянин, оторванный от земледелия, даже в пределах России не только не ассимилирует инородцев, но даже сам понемногу принимает их обычаи, одежду и язык. Не знаю, насколько оно справедливо на суше, но здесь я видел нечто совсем противное. Матросы коммерческих судов — это своего рода международное сословие. Матроса вы всегда отличите в толпе портового города по его ухваткам, по его костюму, почти одинаковому для всех наций света. В этом отношении поморы составляют исключение. Шаровары, заправленные в высокие сапоги, рубаха — часто красная — навывпуск, подпоясанная ремешком, на котором подвешен ключ от «укладочки», а иногда и гребёнка, на голове меховая шапка, — все признаки, ни на минуту не позволяющие вам принять помора за его векового соседа норвежца, с которым он находится в постоянных торговых сношениях. Те же широкие, бородатые, добродушные лица, та же склонность к зубоскальству и беспричинной ругани... Кругом развевались русские флаги, слышалась русская речь; где-то весело пицала гармония, чей-то голос с берега упорно докликивался какого-то Петрухи на «Николае»... Чувствовалось, что близко Россия, что мы натолкнулись на её передовой отряд.

Снялись с якоря на другой день, 4-го августа, в 6 часов утра. «Овцын» снова принял от нас «Скуратова» и повёл его на буксире. В закрытой бухточке Hammerfest'a был почти штиль, но в море, где вчерашний NW не только не стих, но даже усилился, довольно свежо. На каждом плёсе, самом незначительном, изрядно покачивало. Барометр медленно падал. К вечеру мы вышли из шхер, которые окончились проливом Magerö-sund, отделяющим от берега о-в Magerö с мысом Nordkar, несправедливо считающимся северной оконечностью Европы. В действительности самую северную точку материка Европы составляет мыс Nordkyn, лежащий к востоку от Nordkar'a под широтой 71°6'. От Magerö-sund'a до Vardö нам предстояло совершить переход около 90 миль открытым океаном.

Едва только мы высунулись из пролива, как нас подхватила и начала мотать крупная волна от NW. Вероятно со стороны «Малыгин» представлял довольно жалкое зрелище, потому что «Овцын» сделал сигнал: идти по способности, т.е. сообразуясь с обстоятельствами, или спешить вперёд, пользуясь преимуществом хода, или, если плохо придётся, спрятаться в какую-нибудь бухту. Рассчитывая — после крещения в Немецком море — на крепость своего парохода, мы усиленно завертели колёсами и начали заметно уходить от «Овцына», который к тому же держал мористее, надеясь встретить там более правильное волнение. Впрочем, до Nordkyn'a и близ берега волна, разведённая двухдневным, не особенно свежим, постоянным ветром, имела отлогий, океанский характер. Около полуночи мы огибали Nordkyn — скопление серовато-бурых, обнажённых скал с плоской, словно обрезанной, вершиной и отвесными боками, крутизна которых скрадывалась гигантскими отсыпями щебня. В глубоких расщелинах у самой поверхности моря ещё лежал не растаявший снег. Освещённая сумрачным, багровым отблеском зари, ярко пылавшей на севере, не дававшим резких теней, сглаживавшим очертания, громада мыса казалась какой-то особенно безобразной, бесформенной, неуклюжей массой. Низко нависшее иссиня-грязное небо ещё усиливало впечатление безотрадного уныния, холода и неподвижности вечной смерти. Здесь было бы достойное место сатане в минуты его мрачного безысходного отчаяния.

За Nordkyn'ом откуда-то взялась NO-овая зыбь, которая, в соединении с NW-овой волной, создала крайне неприятную толчею. «Малыгин» уже не качался правильно, а прыгал и метался во все стороны. Несколько раз, выскочив из воды носовой частью, он при обратном падении так стремительно и грузно ударялся о поверхность, что, вспоминая пример «Ливадии»¹, мы не без опасения думали о нашем плоском, тоненьком днище. Таких прыжков не доводилось наблюдать и в Немецком море. С невольной завистью можно было смотреть на встреченный нами у самого мыса китобойный пароходик. Небольшой, но видимо построенный со специальным назначением плавать в открытом океане, он бойко шёл против волны и ветра и, красиво и мерно раскачиваясь, легко всплывал на гребни, не принимая ни капли воды на палубу. Около 2 часов ночи нашёл густой, холодный туман, но волна сделалась ровнее.

¹ «Ливадия» — российская императорская яхта с эллиптическим корпусом 1880 года постройки. В том же году во время шторма в Бискайском заливе корпус яхты получил значительные (размером 5 м.) повреждения от ударов волн. — прим. OCR.

«Овцын» и «Скуратов», пользуясь попутным ветром, поставили паруса и за ночь так нас нагнали, что 5-го августа в 8 часов утра мы почти одновременно вошли в гавань Vardö. Стали все трое рядом, поместив «Скуратова» посредине, и тотчас же принялись перегружать с него наши 14-месячные запасы, чтобы освободить трюмы баржи для угля.

В Vardö мы застали капитана Виггинса с его отрядом из трёх судов. Пароход «Orestes» с грузом 1,500 тонн рельс для сибирской дороги; пароход «Минусинск» — вернее паровая шхуна, так как, имея значительную парусность, киль и надлежащие обводы корпуса, он под парами шёл не более 5-6 узлов — нагруженный колониальными товарами; Виггинс намеревался продать в Енисейске и груз, и самый пароход. Наконец паровая арктическая яхта «Blankather», на которой находились капиталист Porham — компаньон Виггинса в предприятии, две англичанки, желавшие быть первыми европейскими дамами, посетившими устье Енисея, и спортсмен-англичанин, намеревавшийся без всякой видимой цели высадиться на Ялмале¹ и пройти пешком в Обдорск. Смеясь, мы говорили между собой, что это, вероятно, особый род самоубийства.

II

Встреча с Виггинсом. — Вардэ — последний европейский порт. — Переход до Югорского шара — Первые льды в проливе. — Плавание Карским морем. — Отделение «Малыгина» от экспедиции.

Свидание с Виггинсом, опытным полярным мореплавателем, не раз ходившим на Енисей, ожидалось нами с понятным нетерпением. Однако ещё в Петербурге некоторые дальновидные люди не советовали питать особо радужных надежд на раскрытие тайн Карского моря, а больше рассчитывать на лот, компас, секстант, да собственное умение и находчивость. К сожалению, эти печальные пророки оказались почти правы. План пути, предложенный Виггинсом, был самого примитивного свойства. Вероятно, 200 лет тому назад на своих «кочах» наши поморы руководствовались теми же правилами. По этому плану следовало после пересечения Карского моря идти на север вдоль берега Ялмала на безопасной 10-7 саженой глубине². Держась той же глубины — т.е., идя всё

¹ Ялмал — старое название полуострова Ямал. — прим. OCR.

² Здесь и далее при указании глубин будет иметься в виду морская сажень, равная шести футам или 1.83 м. — прим. OCR.

время по лоту — обогнуть остров Белый и править на восток. Против устья Енисея, как-бы служа продолжением впадины Енисейского залива, самой природой устроена довольно резко очерченная котловина с глубинами около 20 сажен.

Достигнув её, надо ворочать на юг и... попадёте в реку. Собственной, хотя бы грубой, карты, составленной на основании предыдущих плаваний, у Виггинса не было, по крайней мере мы такой не видали. Набрасывая эти строки, я имею перед собой обтрёпанный, замасленный, много раз подмоченный солёной водой, экземпляр карты Северного Ледовитого океана и Карского моря издания гл. гидр. упр. 1872 г., по которой совершалось наше плавание, и на которой красными чернилами нанесены указанные Виггинсом исправления. Они заключаются в следующем: две отдельные мели — Шараповы кошки — заменены сплошной отмелью, тянущейся вдоль южной половины западного берега Ялмала; остров Белый с запада, севера и востока обнесён сплошным пунктиром, увеличивающим его площадь в этих направлениях от 7 до 10 миль; увеличен с севера остров Сибиряков, и рекомендовано не приближаться к нему, так как здесь он вовсе не обследован (последнее было очевидно, потому что и на карте северный берег острова нанесён пунктиром). Важные, послужившие нам на пользу, сведения доставлены относительно подхода к самой Гольчихе (уже глубоко в устье) — означены две подводные косы, исправлен левый берег от Осмарева до Зверева на протяжении 15 миль.

Весьма существенными явились бы указания на несходство действительных склонений компаса с показанными на карте, но произведённые нами наблюдения, точность которых до 1° несомненна, дал местами результаты, отличающиеся от сообщённых Виггинсом на $3\frac{1}{2}$ и даже на $5\frac{1}{2}^\circ$. Советы его, общего характера, относительно плавания в северных морях мы давно знали из описаний Нордепшильда и других полярных путешественников. Признаюсь, я был разочарован. Я ожидал большего от человека, ходившего 8 раз на Енисей и посетившего Обскую губу. Судя беспристрастно, наша экспедиция, совершившая только один спешный рейс, в деле исправления карты дала более ценные и богатые результаты.

Разумеется, ни одним словом из всего вышесказанного мною я не хочу ни на волос умалить личные достоинства Виггинса или бросить тень на его, вполне заслуженную, блестящую репутацию смелого и опытного капитана, — по всей вероятности в своих плаваниях он не

имел ни того богатства инструментов, как мы, ни того личного состава, которым обладала экспедиция.

По приглашению начальника экспедиции, Виггинс подробно осматривал наши суда и, хотя по возвращении в английских газетах отзывался о них одобрительно и высказывал похвалы заводу Дени, но тогда, в Vardö и после, уже в Енисее, он был совершенно противного мнения и, указывая на различные недостатки и несовершенства, часто повторял с иронией: «Oh! It's Deny's patent!»

Когда же на «Малыгине» спросили его, что он думает относительно пригодности парохода для плавания Карским морем, то он, не отвечая на вопрос, только усмехнулся и промолвил: «Very comfortable cabins...», что было совсем неутешительно.

В первый день нашего прибытия в Vardö произошёл любопытный и характерный случай. Едва «Малыгин» отдал якорь и завёз с кормы перлиня, как к его борту пристала таможенная шлюпка. Находившийся в ней чиновник без всяких предупреждений взошёл на палубу, и, сопровождаемый двумя помощниками, направился к ближайшему открытому трюму. Поражённый таким нарушением международных правил, я, как старший офицер, загородил ему дорогу и обратился к бесцеремонному посетителю с вопросом по-английски: что ему нужно?

— Осмотреть груз и трюмы.

— Вы не имеете на это права без разрешения командира. Вы вероятно забыли, что, стоя здесь, находитесь на иностранной территории.

— Разве судно... коронное?

— Обернитесь на корму и взгляните на флаг.

— Да... да... — запинаясь и с недоумением оглядываясь по сторонам, бормотал чиновник, — теперь я вижу... английский военный флаг.

— Не английский! — почти крикнул я, взбешённый таким незнанием, — не английский, а военный флаг русского императорского флота!

Таможенный смущённо поклонился, повернулся и как-то нерешительно направился к шлюпке.

Вышел командир, и я, не стесняясь выражениями, передал ему о случившемся, удивляясь грубому невежеству таможни, не умевшей различать военных флагов великих держав. Впоследствии оказалось, что наш незванный гость, хотя и плохо, но говорил по-русски. Впрочем, если в то время он меня понял — я не особенно сожалею.

В гавани стояло много поморов на шхунах и совсем крошечных одномачтовых шняках; здесь же, их покровитель, правительственный пароход «Мурман», на котором находились Кольский исправник и священник пограничного лопарского прихода. Седой бодрый старик, несмотря на свою бедную рясу, был полон такого достоинства, а в его широком лице и серых глазах отражалось столько душевной ясности, незлобivosti и простоты, что невольно хотелось, не для одного только исполнения обряда, попросить его благословения. Чуть ли не сорок лет живёт он среди своей дикой, первобытной паствы, пользуясь общим уважением и обучая ребятишек, чуждый корысти и честолубия. Дай Бог русской церкви побольше таких незаметных, неофициальных миссионеров.

Нельзя не отдать здесь должной справедливости г. Березникову, нашему консулу, прибывшему из Hammerfest'a. Только благодаря его хлопотам и стараниям, нагрузка угля, ведшаяся с перерывами и крайне медленно, была закончена к вечеру понедельника 9-го августа, причём работы продолжались и в воскресенье. Местный вице-консул — норвежец, самодовольный, флегматичный господин, без него оказал бы нам очень мало содействия. От вице-консула мы узнали, между прочим, что заказанная для нас морошка — противоцинготное средство, прославленное Норденшильдом — не будет доставлена в виду полного неурожая. Весьма возможно, что неурожай был вызван крейсером «Наездник», деятельно защищавшим в эту навигацию наши промыслы от хищнических набегов норвежцев; но так или иначе можно было заблаговременно послать извещение в Архангельск, и оттуда прислали бы морошку вместе с тёплым зимним платьем.

6-го августа непрерывное падение барометра разрешилось штормом от NW. Волна хлестала через мол, и зыбь ходила даже в гавани.

В воскресенье утром мы сличили по телеграфу хронометры с обсерваторией в Христиании, а вечером были на берегу в гостях у В.А. Березникова, где провели несколько часов в дружеских разговорах, слушая его рассказы о жизни на дальнем севере. Нынешнее лето он считал выдающимся по сырой и холодной погоде, хотя вообще здесь не бывает ни большой жары, ни сильных морозов. Местные жители круглый год ходят одетые в шерсть с головы до ног и к теплу не привыкли. В прошлом году выдались два дня с температурой до 19°R, и все задыхались «от нестерпимого зноя».

Возвращаясь от консула в 11 часов вечера и шлёпая по грязи единственной улицы Vardö, мы, уроженцы более счастливого климата, ёжились от холода, поднимали воротники пальто, шли ускоренным шагом — чуть не бежали, но даже и при этих условиях могли убедиться, что человек остаётся верен себе от экватора до самого полюса: по голой пустынной дамбе, у конца которой стояли наши суда, медленно двигались в сумеречном свете зари какие-то парочки, искавшие уединения и боязливо смолкавшие при нашем проходе. В воздухе было 5°, сырой порывистый ветер трепал женские платья и головные платки, волны, с грохотом разбивавшиеся о стенку, обдавали их пеной и брызгами, но они, как бы не замечая этих неприятностей, продолжали свою прогулку и свои тихие разговоры... о чём?.. не трудно было догадаться.

В Vardö мы приняли ледяных лоцманов (icemaster), опытных руководителей в деле плавания среди льдов. Не стану утверждать, принесли или не принесли пользы лоцмана «Овцына» и «Скуратова», но могу по чистой совести сказать, что малыгинский был лишним грузом и лишним ртом, потому что ни на каком языке, кроме родного, не говорил, мы же в свою очередь не знали ни слова по-норвежски. Я часто дивился, как этот несчастный не впадёт в чёрную меланхолию и не лишит себя жизни, проводя по несколько недель в положении глухонемого.

В понедельник погода стихла. «Овцын» и «Малыгин» по очереди выходили в море уничтожать девиацию, а к вечеру этого дня, как я уже говорил, закончилась погрузка угля на «Скуратов». Уход назначили на завтра, во вторник, 10-го августа в 5 часов утра. Виггинс в тот же день посылал тихоходный «Минусинск», а сам намеревался уйти позже и догнать нас в Югорском Шаре.

В назначенный час «Малыгин», как ближайший к воротам гавани, снялся с якоря и вышел за мол.

Стоял мёртвый штиль и густой молочно-белый туман. Мы осторожно подвигались вперёд, правя по компасу, между незримых берегов глубокой воронки, образуемой с запада островом Vardö, а с востока островом Renö и подводными камнями. Чрезвычайно удачно, как раз в нужную минуту, ненадолго раздвинулась стена тумана, блеснуло солнце, и мы увидели крайний из них. Обогнув его, повернули на восток и, тихо покачиваясь на ещё не улёгшейся зыби минувшего шторма, пошли, поджидая «Овцына», вперёд, чуть ворочая колёсами, временами вовсе останавливая машину и каждые две минуты давая сирену.

Я всегда думал, что название, данное этому аппарату, должно жестоко оскорблять богинь древности. Слушая современную паровую «сирену», если и затыкают уши, то отнюдь не из боязни очарования.

В 7 часов мы слышали позади себя ответные свистки «Овцына», а через некоторое время и сам он тёмным пятном обрисовался в беловой мгле тумана. Хотели уже прибавить ходу, как вдруг «Овцын», достаточно сблизившись, сделал сигнал: идти назад. В полном недоумении повернули обратно. «Овцын» вступил нам в кильватер. Вообще вблизи берегов «Малыгин», как судно, не стеснённое буксиром и более свободное в своих движениях, обыкновенно держался впереди. В данную минуту наше положение было не из приятных. Туман сузил горизонт до 2 кабельтов; за предыдущие два часа мы шли так медленно, что показания механических лагов¹ не могли быть верными и курс точным; при ничтожном пройденном пространстве и большом промежутке времени нас могло значительно снести течением, сбить зыбью. Подвигались с крайней осмотрительностью, напрягая зрение и слух — лот не мог быть путеводителем, так как дно моря здесь ровное, а берега поднимаются почти отвесно с глубины. Предположения о том, что мы южнее счислимого² места, вполне подтвердились. Не прошло получаса, как неистовый крик невидимых чаек указал нам на близость берега.

Скоро к этому крику присоединился глухой рёв буруна, и мы в 2 кабельтов под носом увидели скалы острова Hornö — самого крайнего. Поспешно отойдя к северу от неприятного соседа и зная теперь своё место, проложили новый курс и благополучно достигли цели в 9 часов утра. В гавань не вошли, а отдали якоря под защитой острова Renö. Командир съездил на «Овцын» и узнал причину возвращения. Оказалось, что баржа при трюмах полных угля получила дифферент на нос и плохо слушалась руля. Сейчас же половинное число команды было послано на «Скуратов», и там закипела работа. Из носового трюма уголь пересыпали в мешки и складывали их на кормовой части верхней палубы. Ими же заполнили кормовое, провизионное отделение.

¹ Механический лаг — прибор, показывающий пройденное расстояние.

² Счислимое местоположение — т.е. вычисленное, исходя из скорости судна, его курса, направления и скорости течений и т.п. Счислимое место отличают от *обсервованного* (от англ. observe — наблюдать), которое определяется по внешним ориентирам — астрономическим (полодения небесных тел), пеленгам на мысы, маяки и т.п. — прим. OCR.

В 6-м часу вечера перегрузка была окончена, и мы снялись с якоря для дальнейшего плавания. Туман рассеялся, но зато небо заволокло тучами; задул свеженький SO, и разошлась волна. Приняв всю провизию, имея полный запас угля, «Малыгин» сел глубже нормы почти на целый фут, качался крайне стремительно и бил кожухами о воду, как никогда. Пришлось убавить ходу. Всю ночь и следующий день 11-го августа шли от 5 до 6 узлов. Впереди «Овцын» со «Скуратовым» на буксире, а за ними в полумиле «Малыгин». Солнце проглянуло только около полудня, да и то на несколько секунд. Удалось поймать высоту, определить широту по обсервации — оказалось, что за ночь нас снесло к северу миль на 15. Вообще наши плоскодонные корабли с Богом не спорят и сбиваются туда, куда ветер дует. После полудня начали набегать густые полосы тумана; короткая крутая волна отрывисто била в борт, толкая под руку и мешая писать.

— Вот он — мой четвёртый океан! думал я, стоя на мостике и оглядываясь кругом. Такой же, как и все, серый, холодный, неприветливый, а главное — однообразный и равнодушный. Я никогда не понимал и не пойму громких фраз красивых описаний бури, «как разъярённое море стремилось поглотить жалкую скорлупу», «как волны бешено бросались на судно»... Мне кажется, писать так могут только случайные путешественники, а не люди, посвятившие себя морю, проводящие на нём большую часть жизни. Оно ни к чему не стремится, волны ни на кого не бросаются. Вспененный океан поражает воображение, действует на душу человека именно своим стихийным бесстрашием, своей слепой, всеокрушающей силой. Если вы на хорошем судне, во всеоружии человеческих знаний, вам не страшна его неразумная мощь — вы победите. Оплошайте, потеряйтесь на мгновение — и он вас сотрёт, уничтожит, но без злобы, без увлечения. Погубив десятки и сотни жизней, та же волна покатится дальше тем же размеренным механическим движением...

К вечеру 12-го стихло, но высоко стоявший барометр начал падать, и на севере по горизонту образовалась полоса чистого неба — приметы, указывающие на скорое наступление северного ветра. Действительно, облачная завеса медленно сдвигалась к югу; ночью даже вызвездило, но к утру уже налетали от NO сердитые шквалы; тяжёлые тучи снова заволакивали небо; появилась всё возрастающая зыбь. Всякий ветер из Nord'овой половины компаса встречался нами с особенным неудовольствием — он был злейшим врагом экспедиции, наносившим лёд в Кар-

ское море и загромождавшим проливы. И без того в Vardö разные «доброжелатели» ввиду господствовавших за лето именно этих ветров советовали бросить дело и не совершать бесполезного, скучного рейса до Югорского шара и обратно.

В этот день, 13-го августа, обсервации не было вовсе. После полудня прошли меридиан Колгуева, но его не видели, может быть, за дальностью расстояния, а вернее по причине мглы, залёгшей по всему горизонту. К вечеру NO засвежел и развёл беспокойное, сбивчивое волнение. В полночь хлынул дождь. Температура понизилась до $+2^{\circ}$. Шли в прежнем порядке, бросая лот каждые 10 миль, а затем каждый час. Пригоняя на карте получающуюся линию глубин, я всё более и более убеждался, что наши суда, легко покорявшиеся ветру и волне, значительно подало к S; но сказать точно, где мы находимся, было, разумеется, невозможно. В 7 часов утра достали глубину 9 сажений, и «Овцын» сделал сигнал: «Малыгину идти вперёд». Признаюсь, в таких обстоятельствах я предпочитал бы идти в кильватер. Но тут, как раз, судьба наконец смиловалась над нами. Разрешившиеся обильным дождём тучи заметно редели и скрывались за горизонтом, не заменяясь новыми. Я думаю, никто после ненастья не ждёт с таким нетерпением первого луча солнца, как штурман, не знающий своего места. С секстантом в руках, в борьбе между надеждой и разочарованием, стоя на мостике, ловил я счастливый момент, когда покажется «хотя краешек, самый маленький краешек солнца».

В 7½ часов утра была взята первая высота солнца, в 9 — вторая и в 10 — третья, а через несколько минут на «Малыгине» уже взвился сигнал: обсервованная широта и долгота места. От счислимого мы оказались на 20 миль к S! Проложили новый курс и радостно заторопились вперёд.

В 12-м часу уже открылись острова Долгий и Голец. В 2 часа обогнули остров Матвеев и направились ко входу в Югорский шар. Ветер почти стих; волна исчезла; над головой расстилалось голубое небо; солнышко любовно светило и грело; термометр поднялся до 12° , и если бы нывшие кости не напоминали порой о тяжёлой, бессонной ночи, проведённой под холодным дождём, то, казалось бы, грешно желать большего благополучия.

К числу затруднений плавания в высоких широтах надо отнести господствующий здесь мираж; не тот, который изображают учебники гео-

графии в виде волшебных картин, повисших в воздухе, а самый незатейливый, прозаичный, но крайне неприятный для моряка, изменяющий очертание берегов, мешающий определить место по отдалённым мысам и горным вершинам.

Вот, например, как нам во всей последовательности открывался Вайгач. Первоначально на горизонте обозначились отдельные чёрные точки, то появляющиеся, то исчезающие и быстро движущиеся взад и вперёд — казалось, там, над самой водой, носятся стаи спугнутых птиц. Затем, среди них образовалось тёмное пятно, беспрерывно менявшее свои очертания. Оно всё расплывалось в стороны и приняло вид островка, повисшего в воздухе. Мало-помалу середина его становилась более спокойною, вытянулась книзу и слилась с горизонтом. С дальнейшим приближением, на ней проступили острые рёбра скал, озарённых солнцем; в трубу можно было различить подробности береговой линии, но края её, уходящие за горизонт, всё ещё висели в воздухе, загнутые кверху, наподобие рогов полумесяца, дрожали, волновались и, с удалением от центра, постепенно переходили в те же бегающие, беспокойные точки.

Вот в стороне, совершенно неожиданно, всплыло чёрное бесформенное пятно гигантских размеров с тремя колеблющимися отростками, поднятыми к небу, словно щупальца неведомого морского чудовища. Через четверть часа чудище обратилось в рангоутное судно, в котором мы без труда признали «Наездника», а около 7 уже стояли на якоре вблизи него, против мыса Гребени — SW оконечности Вайгача.

«Боже мой! как всё на свете условно!» думалось мне в то время, как наши суда, проходя мимо «Наездника», разменивались с ним дружеским «ура!». Сколько раз, глядя с флагманского броненосца на крошечный клипер, режущий корму, я вспоминал тесноту кают, способность жестоко качаться от малейшей волны и далеко не завидовал его обитателям, а теперь? — тот же самый клипер кажется гигантом в сравнении с нашими скорлупами, и офицеры, столпившиеся на юте, смотрят сверху вниз на наши палубы, рубки и мостики.

Встреча была самая радостная и сердечная. После официальных визитов товарищи приезжали к нам для подробного обзора пароходов, расспрашивали о Немецком море, с уважением осматривали треснувший брус, и первый раз со времени начала плавания мы услышали искренние пожелания успеха. Кто-то привёз букет незабудок, собранных на берегу. Этот цветок — единственный на Вайгаче и противоположном

берегу материка — формой и окраской не отличается от растущего у нас, но его лепестки значительно больше и издают тонкий приятный запах. Попадается он во множестве, придавая целым лужайкам свой нежно-голубой цвет.

На утлой долблённой лодчонке приехали местные жители — семья самоедов и рослый красавец-зырянин. Привезли на продажу немного рыбы, но денег не брали, а ломанным русским языком просили в обмен сухарей. Хлеб здесь очень дорог и составляет лакомство. Несмотря на довольно тёплую погоду, самоеды были одеты в оленьи шкуры, а зырянин — в полушубок, который не снимается здесь круглый год. Гребла баба, глава же семьи помещался полулёжа в корме и правил веслом.

— Как живёте? чем промышляете? — спрашивали его.

— Рыба таскал, тюлень бил, — пояснял он, указывая на перевязанное бечёвками оборжавленное кремнёвое ружьё, лежавшее на дне лодки.

— И сам-то как есть тюлень, — заметил какой-то остроумец из команды.

Нельзя было не признать справедливости сравнения. Действительно неуклюже-развалившаяся фигура, скуластое лицо и широкий рот, раздвинутый беспричинной улыбкой, при несомненном стремлении придать себе и своим кратким ответам как можно больше солидности, производили впечатление чисто-тюленьей важности и самодовольства. Вдруг из толпы матросов выступил Индрис и заговорил что-то по-своему. Самоеды прислушивались, с удивлением глядели на него, но молчали.

— Индрис! ты по-каковски с ними объясняешься? ведь они не из Астраханской губернии.

— Это калмыки, вашэ благородия.

— Какие тебе калмыки — самоеды!

— Будто я нэ знаю калмыка, — обиженно возразил упрямый татарин, — эта завсэм калмык!

— Да ты видишь, они тебя не понимают.

— Он очэнь атлична панимает, он толькэ нэ признается.

Раз Индрису запала в голову какая-нибудь мысль, выбить её оттуда не было никакой возможности, и он ещё добрых полчаса пытался заставить самоедов признаться.

— Скажи, какой упрямый челавэк! — говорил он, покачивая неодобрительно головой и глядя вслед удалявшейся шлюпке, — толькэ глаза пучит — ничэго нэ говорит.

Солнце село багровым шаром без лучей; гладкая поверхность пролива приняла серо-свинцовый оттенок; затуманились, словно отодвинулись, безлесные бурые скалы берега; ярче загорелись штаговые огни¹ судов; на юге робко затеплились звёзды; наступила тихая, но недобрая ночь. С востока надвигалась какая-то густая, тяжёлая мгла, то поднимаясь над горизонтом в виде облака, то приныкая к воде и расплываясь туманом; задувал лёгкий, едва ощутимый ветерок, образовалось течение из Карского моря; в глубине пролива начали появляться одна за другой белые точки, которые, приближаясь, разрастались в огромные льдины и тихо проплывали мимо. Под влиянием необычной обстановки плавания — этой бледной ночи с зарёю на севере, этих обнажённых, мёртвых берегов и плывущего льда — странные думы поднимались на сердце.

Много испытано, много сделано; пройден нелёгкий путь, и вот, — мы в Югорском шаре, на рубеже таинственного ледяного моря.

Что сулит эта загадочная туманная даль, откуда веет холодом и несутся разбитые белые массы?.. Но ворота должны открыться — русский флаг идёт в своё море!..

Рано утром 15-го пришли «Orestes» и «Blankather». Восточный ветер так засвежел и развёл такую волну, что мы не могли подойти к борту «Скуратова» для пополнения наших запасов угля. После полудня стало часто наносить сырой и холодный туман, оседавший на всём крупными каплями. Палуба была мокрая, как после дождя. «Blankather» ходил высматривать лёд и, возвратившись, сделал сигнал: в проливе льду мало, в Карском море ничего. Это известие всех ободрило и обрадовало. Однако к вечеру течение и ледоход так усилились, что из опасения за целостность каната и колёс пришлось отталкивать шестами нёсшиеся на нас льдины; вернее «отталкиваться», потому что под дружным напором 18 человек, наш мелкосидящий, лёгкий пароход сам отходил в сторону. Пользуясь течением, правили также рулём. «Овцын», взяв «Скуратова» на буксир, снялся с якоря, и, переменив место, стал за «Orestes»'ом, как за молом. Ночь прошла тревожно. В ежеминутной готовности сняться с якоря паров не прекращали. Команда спала, не раздеваясь, готовая по первому свистку выскочить наверх. Один обломок ледяной горы, колеблющийся, весь источенный волнами, чуть не сел на кожу; едва удалось избавиться от него общими силами.

¹ Штаговый огонь — белый огонь, поднимаемый на судне во время стоянки на якорю. — прим. OCR.

К утру 16-го ветер отошёл к N, волнение ослабело, и лёд шёл ближе к матёрому берегу, оставляя нас в покое.

Пользуясь относительно благоприятной погодой, подошли к барже, стали борт о борт и принялись спешно грузиться углём.

В 2 часа пополудни появился наконец «Минусинск», об участии которого начинали серьёзно беспокоиться.

17-го в 5 часов утра после тревожной предыдущей ночи я ещё спал, как убитый, когда меня разбудил вахтенный словами: Вашбродь! лёд идёт!

Сна как не бывало. Я вскочил на койке и, поспешно одеваясь, спросил: густо идёт?

— Страсть, Вашбродь! скрозь весь пролив, как стена!

За тонкой переборкой зашевелился разбуженный переговорами командир, и через 2-3 минуты мы были уже на мостике. Лёд шёл действительно «скрозь» от берега до берега, оставляя кое-где редкие просветы. Держаться на якоре при таких условиях было невозможно. На всех судах замечалось особое хлопотливое оживление; готовились к походу, подтягивали канаты, и затем без уговора, без предварительных сигналов, пароходы один за другим снимались и бодро шли вперёд навстречу движущейся белой массе.

— Началось, — подумал я, — Господи, благослови.

Сохранять какой-нибудь порядок было немыслимо. Шли от полыньи до полыньи, пробираясь между льдинами. «Orestes» и «Blankather» жались больше к правому берегу, наш отряд — к левому; сзади путался «Минусинск», и шествие замыкал «Наездник», тоже снявшийся и провожавший нас несколько миль. Но оглядываться назад не было времени. Наша жизнь — наши колёса — могли ежеминутно поломаться о какой-нибудь подводный выступ льдины, незаметной в сумерках ненастного утра. Приходилось зорко глядеть вперёд, напрягать всё внимание, чтобы избежать такой неприятной встречи. У селения Хабарова две огромные льдины стали под берегом на мель, открывая позади себя небольшое пространство чистой воды. Здесь отдали якорь и решили обождать, так как по сведениям, принесённым накануне «Blankather»'ом, захвативший нас ледоход мог образоваться только из льда, накопившегося в самом проливе, запас которого должен был скоро истощиться.

Хабарово — это 5-6 юрт, 2-3 убогих домика, сложенные из привозного лесу; в стороне небольшая белая часовня с зелёной крышей и

огромный дощатый сарай. Жители — самоеды и зыряне, причём последние занимаются специально кулачеством и эксплуатируют первых. Виггинс, пользуясь остановкой, немедленно же завёл торговые сношения, отправив на берег несколько ящиков товаров в промен на шкуры пушного зверя и белых медведей. Мы также добыли себе за рис и сухари рыбы, солёных гусей и уток — приятное разнообразие среди неизменных консервов. Спортсмен-англичанин передумал и вместо Ялмала высадился здесь. Куда он пойдёт отсюда, не знаю, но полагаю, что при такой изменчивости планов не уйдёт далеко, и «Orestes» на обратном пути доставит его в Англию.

Простояли часов 5. Наши фотографы-любители снимали самоедов, охотившихся на тюленей. Способ охоты самый незатейливый. Заметив плывущую льдину с тюленями, осторожно догоняют её на лёгком челноке, пристают с подветра и, пользуясь неровностями, стараются возможно ближе подойти к зверю. Стрелять с большего расстояния из ржавого ружья — было бы бесполезной тратой пороха. Я лично видел промахи на дистанции 20-25 шагов и не знаю, кто виноват — оружие или охотник. Промежутки же между выстрелами при зарядании с дула таковы, что тюлень успевает не только уйти, но даже состариться.

Около часу пополудни лёд поредел, и мы пошли дальше. Небо облачно, туман сгустился. Из Югорского Шара в Карское море вышли, не видя берегов, не видя друг друга. Помнится, вследствие неожиданной съёмки, между нами и англичанами не было условлено точного курса. «Orestes» пошёл куда-то вправо, «Blankather» свистел далеко впереди и влево; сзади пищал «Минусинск». «Овцын» держал на NO, «Малыгин» ему в кильватер на самой близкой дистанции. Здесь выяснилось огромное значение того обстоятельства, что наши пароходы обладали двумя единственными в отряде сиренами, позволявшими нам легко узнавать друг друга «по голосу». По мере удаления от берегов горизонт мало-помалу очищался; выглянуло солнце, и перед нами раскинулось свободное ото льда лазурное море, подёрнутое лёгкой рябью.

— Вот так полярные страны! — смеялись офицеры, — и тепло, и хорошо, и не дует. Что, как весь переход будет в этом роде!

Разбросавшиеся суда нашего маленького флота собрались вместе; установился порядок следования; шли двумя кильватерными колоннами: правая — русский отряд, левая — англичане. Из-за отстававшего «Минусинска» пришлось уменьшить ход до среднего.

Однако похвалы, высказывавшиеся Карскому морю, оказались преждевременными. Отойдя миль десять, мы снова вступили в область тумана. Начал попадаться мелкий, разбитый лёд, чем дальше, тем гуще и крупнее. Скоро все спутники скрылись из глаз; заревели сирены, загудели свистки; сохранять курс не было возможности; непрерывно перекладывали руль с борта на борт, бросаясь в сторону от неожиданно выраставших под носом гигантских глыб; двигались малым ходом, придерживаясь только общего направления на NO и стараясь не разъединяться. К 6 часам вечера температура упала до 2°; туман стоял, как стена; мы уже не шли, а пробирались. В исходе 7-го со всех сторон понеслись тревожные свистки, все показывали: стоп машина. В то же время «Малыгин» упёрся в какое-то поле, край которого и вправо, и влево тянулся прямой линией, и, дав сигнал, тоже остановился. Прочие суда находились совсем близко; свистки их звучали чуть не над ухом; слышался даже смутный говор, чьи-то окрики, но ничего не было видно.

Мы стояли так уже минут 10, не зная, где мы, что с нами, что следует предпринять в беспомощном положении людей, которым в самую важную минуту завязали глаза; простояли бы и ещё не знаю сколько времени, как вдруг, Бог весть откуда, налетел, посланный счастливой звездой, порыв ветра, сорвал, унёс далеко окутавшую нас туманную завесу, и мы увидели впереди и позади, вправо и влево, от края до края горизонта... лёд, лёд и лёд. Все пароходы сбились кучей на небольшом пространстве чистой воды и словно замерли в неподвижности. Из-за борта веяло холодом и сыростью; неровности и возвышения отдельных льдин скрывали от глаз неширокие проходы между ними; стоя на мостике, казалось, что мы отовсюду окружены сплошным кольцом льда; без компаса невозможно было ориентироваться, сказать, откуда мы пришли, как забрались в эту кашу.

На самом деле только впереди расстилалось длинное ледяное поле, расположившееся как раз поперёк курса и преградившее нам путь. Трогнулись к югу в обход его. Впереди шёл «Blankather» — судно, специально приспособленное для борьбы со льдами, деревянное, с толстой дубовой обшивкой в носовой части по ватерлинии. Скоро открыли узкую щель в желаемом направлении и опять взяли на NO, т.е. пошли, непрерывно меняя курс от Nord'a до Ost'a. Туман, рассеявшийся словно только затем, чтобы указать нам дорогу, снова надвинулся, хотя уже не такой густой. Сквозь его сероватую мглу, в сумерках полярной ночи можно было различать неясные очертания судов и мутные пятна отличительных огней.

Шли вразброд. Пространства между крупными льдинами были усеяны мелкими обломками, вполне безвредными для корпуса пароходов, но крайне опасными для наших колёс. Эти беловатые пятна, державшиеся в уровень с водой, среди окружающей полутьмы с трудом поддавались усталому напряжённому глазу, и часто глухой, отрывистый стук в кожухе болью и тревогой отдавался в сердце. Откуда-то появилась зыбь; начало покачивать, потянул слабый ветерок.

Если он засвежеет и льдины разных величин станут двигаться с разными скоростями, сталкиваясь друг с другом, если они сплотятся и, даже не раздавив, просто скуют своей массой всю экспедицию... что нас ожидает? Такие мысли невольно возникали в мозгу, но смутно и неясно, не задерживаясь там подолгу.

Серьёзность настоящей минуты, трудность управления пароходом поглощали всё внимание и не давали заглядывать в будущее. Да и к чему? — «что написано, то сбудется», а программа личных действий всегда была ясна и очевидна: честно исполняя долг службы, до конца оставаться на своём посту.

И опять какая разница действительности с картинами и описаниями. Не было гигантских гор, рисующихся на фоне неба своими причудливыми очертаниями, не было полей, покрытых тюленями и моржами; не было ничего красивого, величественного, — туман, серый сумрак, тёмная, словно застывшая вода и вокруг мёртвая пустыня, царство холода и вечных льдов; они вырастают отовсюду без конца, без счёта... кажется, не мы идём вперёд, а они медленно движутся нам навстречу, охватывают нас кольцом, давят... однообразные, молчаливые, неотразимые... как смерть.

В 11 часов вечера на «Овцыне» испортилась машина. «Малыгин» взял его и «Скуратова» на буксир. Управляться стало ещё труднее.

Благодаря Бога, после полуночи зыбь улеглась, ветер стих — это была только угроза. Наконец в 4-м часу утра выбрались на открытую воду и вздохнули свободнее.

Правя по курсу NOtO¹ видели границу льдов, тянущуюся к северу и скрывающуюся за горизонтом. За истёкшие 12 часов было замечено, что при всяком уклонении к югу лёд значительно редел. Казалось, экспедиция идёт по окраине сплошных льдов, находящихся к NW и N от её пути,

¹ Направление NOtO (норд-ост-тень-ост) — северо-восток + 1 румб ($\frac{1}{32}$ от $360^\circ = 11\frac{1}{4}^\circ$) к востоку, т.е. $56,25^\circ$. См. «Румбовая система отсчёта направлений». — прим. OCR.

вследствие чего являлось предположение, что, взяв по выходе из Югорского Шара курс ближе к параллели, можно было бы совсем избежать встречи с ними.

По мере того как льды оставались всё дальше и дальше позади, атмосфера делалась чище; к полудню термометр показывал $6\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла, но тяжёлые, низко нависшие тучи так густо покрывали небо, что за весь день 18-го августа не удалось «поймать солнце», а между тем определить место по обсервации было бы весьма желательно. При постоянных изменениях курсов и скоростей счисление не могло быть надёжным.

С двумя судами на буксире шли не более 4 узлов, и это, вынужденное непредвиденными обстоятельствами, уменьшение скорости почти вдвое нагоняло скуку и раздражение. Зато поели, выспались и обсушились.

В 6-м часу вечера навстречу задул сырой ветерок, температура упала до 3°R , и скоро впереди по всему горизонту протянулась зубчатая линия льдов. По счастью, в это время «Овцын» окончил исправление машины. Можно было освободиться от буксира. Пользуясь остановкой, смерили температуру на глубине. На 20 саженях получили $-0,5^{\circ}\text{C}$, тогда как на поверхности $+3,2^{\circ}\text{C}$. Глубина моря 40 саженей.

Благодаря отсутствию тумана и практике минувшей ночи, чувствовали себя много увереннее, чем накануне. Лёд был значительно реже; часто попадались обширные совсем чистые пространства. В 11 часов пересекли узкую, но очень густую полосу льдов, вытянувшуюся по прямой линии с NW на SO, словно полоса пены, сбитой прибоем. Проходы в ней были так узки и извилисты, что, пробираясь вперёд, чуть ворочая колёсами, всё время держали наготове отпорные шесты и кранцы. В эту ночь мы впервые увидели живых обитателей Карского моря. «Blankather», шедший правее нас, милях в 2-3, неожиданно начал стрелять. Смотрю в бинокль, — оказывается, вблизи яхты целое стадо китов, и туристы, скопившись однообразием плавания, занимаются бесцельной пальбой по драгоценным животным, которые здесь ещё не научились бояться человека.

В 3 часа пополудни 19-го августа область льдов была пройдена; тучи поредели; мгла, лежавшая по горизонту, рассеялась, и он обозначился резкой линией. В 10 часов утра удалось взять высоту солнца, в полдень вторую и определить своё место. За 45 часов нас снесло на 19 миль к OSO. Почти в то же время открылся высокий, ровный берег Ялмала; экспедиция повернула вдоль него на север.

Мы пересекли Карское море. Впереди предстояло считаться только с неверными картами и бурными погодками. Могучий враг — лёд, для борьбы с которым мы не имели ни сил, ни средств, остался далеко позади. Наступил мёртвый штиль. Над зеркальной поверхностью воды то и дело появлялись чёрные точки — головы тюленей — иногда совсем близко от борта. Шли, держась старого порядка — двух колонн. В 7 часов вечера с «Овцына» был сделан сигнал: «Малыгину идти проливом, произвести рекогносцировку». Сблизившись, мы получили ещё словесное распоряжение: из пролива идти в Енисей; в случае успешного, скорого плавания поджидать экспедицию у Крестового острова. Окончательное randevu — Гольчиха.

Тотчас же дали полный ход и взяли курс ближе к берегу, торопясь в тот же день войти в пролив, чтобы на завтра с утра приняться за исследования.

III

Отдельное плавание «Малыгина». — Соединение с эскадрой в Гольчихе. — Плавание главного отряда. — Гольчиха. — Гибель барж. — Аварии наших судов. — Результаты экспедиции.

Пролив Малыгина, куда, согласно полученного приказа, мы направились, отделяет остров Белый от северной оконечности полуострова Ялмала и нанесён на карту по описи лейтенанта Малыгина, производившего её около 150 лет тому назад. Не говоря уже про естественные изменения рельефа берегов и дна за такой значительный период, но и в виду несовершенства мореходных инструментов и методов того времени, нельзя было особенно полагаться на карту и следовало ожидать всяких случайностей. После лейтенанта Малыгина в проливе был один из спутников Норденшильда на паровом катере, но, войдя со стороны Карского моря, он не прошёл в Обь, а вернулся обратно, причём из-за тумана, мешавшего видеть оба берега, не мог точно нанести полученные глубины.

Когда мы взяли курс между входными мысами — «Малыгин» на Белом и «Скуратов» на Ялмале — солнце уже село; наши спутники скрылись из виду, и мы остались одни. В это же время последовало первое предостережение: достали глубину 12 футов там, где на карте означено 7 саженьей. Около полуночи, находясь по расчётам в самом узком месте

пролива, смутно увидели оба берега и решили стать на якорь ближе к Белому, так как тучи, появившиеся на севере, заслоняли свет зари, а при наступлении ночного холода с поверхности нагретой за день воды подымался лёгкий туман. Малым ходом, непрерывно бросая лот, начали приближаться к острову. Глубины шли ровные, 5-6 сажений, до берега оставалось больше мили; вдруг после 5½ сажений лотовый крикнул: 12 футов! и едва успели застопорить машину, как пароход вздрогнул и остановился. Мы сели на мель. Дали полный ход назад — безуспешно. Сейчас же спустили шлюпку и завезли с кормы верп¹ на глубину, искать которой пришлось недолго, — в то время как под носом мы имели 4 фута, под кормой было 12 футов, а в 20-30 сажений сзади — 5 сажений. Мель подымалась так круто, что едва только взяли перлинь от верпа на шпиль, как пароход сошёл с неё и очутился на свободной воде. В ожидании солнца, отдали якорь и отправились спать не столько встревоженные, сколько изумлённые неожиданностью этого первого приключения. Ночью вода на верхней палубе замёрзла. Это было первый раз, что термометр опустился до 0°.

В 4 часа меня разбудила суматоха в машине, отделённой от моей каюты только переборкой. Я поспешно выскочил узнать в чём дело, и в первую минуту был сам ошеломлён. Машина работала средним ходом, машинисты метались из угла в угол, осматривая клапаны и краны — всё было исправно, пар ни откуда не мог попасть в цилиндры, а между тем колёса вертелись; но стоило взглянуть за борт, чтобы загадка разрешилась крайне просто. Якорный канат вытянулся, как струна; под носом кипел бурун, за кормой ложилась струя; мимо неслись клочья пены, куски дерева — это было отливное течение, которое здесь в первый полчас после полной воды достигало скорости 4 узлов. Явление не в пользу судоходности пролива и до сих пор не упоминавшееся никем из путешественников. Командир тоже поднялся из-за шума и хотел сниматься с якоря, но косые лучи только что вставшего солнца ещё не в силах были разогнать утренний туман, почему решили обождать и пока заняться исследованием любопытной мели.

С этою целью я отправился на шлюпке с четырьмя гребцами в промер, и после 3-х часов работы выяснилось, что вдоль южного берега Белого, в расстоянии от него 1-1½ мили, тянется нечто вроде барьерного рифа, но не каменного, а из плотного мелкого песка. В горле пролива он

¹ Верп — небольшой вспомогательный якорь.

понижается, становится шире и сливается с береговыми отмелями. Чем глубже в пролив, тем стена его круче, а вершина уже и мельче.

Во время промера меня и моих гребцов забавляли тюлени, высовывавшие из воды свои круглые морды у самых вёсел и с любопытством следившие за невиданными, странными животными, нарушившими их уединение. Некоторые даже плыли за шлюпкой. Первый раз был я свидетелем такого доверчивого, безбоязненного отношения зверя к человеку и сердитым решительным отказом встретил просьбы двух астраханцев поохотиться.

— Вашбродие! ведь сам в руки идёт! — убеждали они с разгоревшимися глазами.

— Времени нет, да и ни к чему — всё равно убьёшь попусту, а потом придётся бросить, — дал я безапелляционное решение.

Пускай приходят ловцы, думалось мне, и хозяйничают здесь, как угодно, а до тех пор не моё дело просвещать добродушных животных, насколько опасны для них пароход и шлюпка.

Но где же эти мириады птиц, населяющих во время лета полярные страны? мы не видели ни одной. Единственную жизнь представляли собою тюлени. Всё кругом — и воздух, и жёлто-бурые обнажённые скаты берега — всё было мёртво и пустынно.

После полудня мы снялись с якоря и пошли на восток, придерживаясь берега Ялмала. Он был не такой грустный и мрачный, как берег Белого. Хотя по крутым скатам, обращённым к северу, лежал снег, но зато вершины холмов и долины, открытые животворным лучам солнца, блистали ярко-изумрудной зеленью.

Фарватер — если только вообще он существует в проливе — был крайне извилист. Косы, отмели, банки попадались ежеминутно и притом часто совершенно неожиданно, круто подымаясь со дна. Около 2-х часов пополудни мы запутались между мелями и наконец сели на одну из них, но благополучно сошли задним ходом. Я отправился на шлюпке искать глубину и чуть не рядом, в полукабельтове расстояния, нашёл 4½ сажени.

В 4-м часу, пройдя мыс Хаен на берегу Ялмала, взяли курс через Обскую губу на мыс Матте-Сале — крайнюю точку полуострова, разделяющего устья Оби и Енисея. Предполагалось, что пролив пройден; впереди и слева — океан; глубины колебались от 2 до 4 сажен, и по-видимому всё обстояло благополучно. Но едва только позади нас начал скрываться Ялмал, как прямо по курсу, на горизонте забежали чёрные точки,

скоро превратившиеся в сплошную линию берега. Прежде всего следовало решить, что это за земля. От места, где она открылась, до ближайшей точки Белого, не только по старой карте, но даже по пунктиру Виггинса, было больше 10 миль. Ялмал находился далеко к югу. До противоположного берега оставались десятки миль. Ясно, что это мог быть только остров, или острова, в Обской губе, не нанесённые на карту. Решили обогнуть неизвестную землю с севера, со стороны открытого моря, и, приблизившись к берегу, пошли вдоль него на N.

Однако по мере того как мы двигались вперёд, и берег открывался дальше. Через час он начал сперва незаметно, а потом всё круче и круче заворачивать к западу. Предположение, что это всё тот же остров Белый, казавшееся прежде невозможным, мало-помалу приобретало вероятность, а к 8 часам вечера стало несомненным. Берег повернул на SW, и на юге смутно обрисовались холмы Ялмала. В 10-м часу, когда мы находились милях в пяти от нашей вчерашней стоянки и шли по 5-ти саженной глубине, лотовый вдруг закричал: совсем мелко! Вслед затем мы врезались во что-то и остановились. На этот раз не пришлось даже давать заднего хода: нос, вследствие собственной тяжести, сам сполз на глубину. Это был наш старый знакомый — барьерный риф, подымавшийся здесь почти отвесной стеной. Тучи скрывали зарю; берег завлакивался туманом, — мы отдали якорь.

Приключение казалось и смешным, и обидным. Потерять целые сутки времени, сжечь три тонна угля, работать до устали... и вернуться на старое место. Положим, теперь мы знали, что Белый своим южным берегом покрывает Ялмал, как полумесяц и по параллели значительно длиннее, чем показан на карте, но это всё же ни на шаг не приближало нас к Енисею. В 3 часа утра, 21-го августа, начали сниматься. Командир полагал, что цель рекогносцировки достигнута. Быстрые приливно-отливные течения, бесчисленные мели, извилистый фарватер — самое существование которого являлось сомнительным — достаточно выясняли несудоходность пролива при современном состоянии карты. Поэтому он решил, опасаясь новых задержек, выйти обратно в Карское море и обогнуть Белый с севера. Проходя горло пролива при свете дня, мы могли заметить, что остров, самовольно протянувшийся дальше, чем следует, к востоку от мыса Малыгина и на западе также вышел из указанных ему на карте рамок, захватив от моря полосу в 5-10 миль.

Погода изменилась к худшему. По небу быстро бежали разорванные тучи, и поминутно налетали заряды. Заряд — это меткое поморское слово, означающее явление весьма обычное в полярных странах.

Небо облачно. Дует слабый ветерок. Небольшая волна чуть покачивает судно. Вдруг наветре горизонт затуманивается; вы замечаете какое-то белое марево, быстро несущееся на вас; миг — и всё кругом задёргивается снежной пеленой; ветер свистит и гудит в снастях; бешеная метель залепляет вам глаза, рот, уши... Так проходит несколько минут; затем, как по волшебству, всё прекращается; вы видите удаляющуюся белую стену, а с наветра уже мчится новый заряд.

После полудня повернули к востоку. К вечеру погода немного улучшилась. В 7-м часу увидели северный берег Белого и некоторое время шли вдоль него. Оказывается, и в этом направлении загадочный остров требует значительной надбавки. Отсюда взяли курс на Матте-Сале. Командир хотел пройти в виду этого мыса, чтобы сделать, какие возможно, исправления карты. Около 3 часов ночи по самой середине Обской губы видели какую-то землю, нигде не означенную.

В 7-м часу утра 22-го августа я вышел наверх. Чистый, незатуманенный горизонт, ясное небо, яркое солнце и мёртвый штиль — погода на редкость, особенно в этих широтах. По обычаю, я сейчас же запеленговал солнце, чтобы проверить поправку компаса; командир, стоявший с 4-х утра на вахте, передал мне записанный на клочке бумаги пеленг в момент восхода; в самом благодушном настроении отправился я в рубку, сделал вычисление... Что это, во сне, или наяву?... проверяю выкладки — результат тот же: поправка отличается от вчерашней на несколько градусов! Поражённый, встревоженный, бегу к компасу, повторяю несколько раз наблюдения — всё то же... Осматриваю котелок, картушку, нактоуз и... вытаскиваю железный болт с гайкой, засунутый под колонку. Убираю его — поправка разнится от вчерашней около 1°, ошибка, возможная и предвиденная вследствие перемены места. Как в лихорадке, бросаюсь к карте. На счастье, ночью только раз, и то незначительно, изменили курс. Прокладку и счисление можно ещё исправить. Оказывается, мы много южнее, чем полагали, и Матте-Сале находится к северу от нас. Хорошо, что светит солнце, что ошибка замечена своевременно. Куда, к чему мог бы привести испорченный компас в пасмурную, туманную погоду!

В коротких словах передаю командиру своё открытие. Вчера болта не было. Я готов присягнуть. После полудня ещё показывалось солнце,

и я проверял поправку. Болт несомненно положен под компас человеческими руками. Намеренно или по неведению — вопрос другой. Командир, взволнованный не менее меня, пожимает плечами. «Слава Богу, — говорит, — что вовремя заметили. Будем молчать и следить. Мы бесильны. Огласка, дознание ничему не помогут, — виновный, кто бы он ни был, себя не выдаст. Не говорите мне ничего, и я сам не хочу высказывать никаких догадок — кто он? Обвинение слишком серьёзно».

На этом порешили, и, я думаю, ни одна полиция в мире не учреждала такого строгого, негласного надзора за преступником, как трое офицеров «Малыгина» за своим компасом. Однако, загадочный случай никогда более не повторялся.

В семь часов открылся берег на юг, а затем прямо по курсу, на восток. Придя на глубину четырёх сажен, повернули к северу и пошли вдоль линии невысоких холмов. Она закончилась обрывистым мысом. Полагая, что это и есть Матте-Сале, обогнув его, взяли на Ost. Предположение как бы подтвердилось тем, что берег, шедший с S на N, за мысом снова круто повернул к S — фигура, соответствовавшая изображённой на карте. Так как глубина уменьшилась до 11 футов, взяли к северу, в сторону открытого моря и... попали на 5 футов. Повернули назад. Идём малым ходом, непрерывно бросая лот, ожидая увидеть на SW мыс, пройденный 2 часа тому назад, как вдруг появляется берег на NW. Всеобщее удивление. Берег высокий, каменистый; к S от него как ни ищем прохода — сплошная мель, к востоку глубины для нас достаточные. Командир держится прежнего мнения, что утренний мыс был Матте-Сале, а ново открытая земля — остров к северу от него, следовательно, надо найти фарватер и править на восток. Стали искать. Бродили по 7, 6, даже по 5 футам... Не раз под днищем слышался зловещий шорох — пароход ползал по грунту... наконец, остановился на мели. Сошли задним ходом, счастливо угодили на 10 футов и отдали якорь. Хорошо, что стоял мёртвый штиль, при ясном, безоблачном небе. С утра у меня было уже несколько высот солнца; курсы и плавания записывались аккуратно, а теперь, на якоре, я мог определиться по обсервации весьма точно. Получили астрономический пункт. Оказывалось, что по карте мы находимся в открытом море к NW от Матте-Сале, на глубине 7 саженей — полное противоречие грустной действительности. С верхушки мачты можно было видеть, как линия берега идёт сначала на N, потом заворачивает к Ost'у и пропадает. Мнение командира как бы подтверждалось обстоятельствами. Решили, чем путаться среди банок и искать выхода назад между мысами, идти

на восток. К тому же посланная шлюпка нашла в желаемом направлении 14-футовый фарватер.

В 4 часа снялись с якоря и пошли вдоль берега. Неизменно доносившийся с бака протяжный крик лотового: «14 фут!.. 14 фут!..» давал надежду, что мы на хорошей дороге. Но вот низменная, волноприбойная полоса отделилась от берега и протянулась песчаной косой, удаляясь от него, заворачивая к югу, заставляя ворочать и нас. Погода испортилась; небо заволокло тучами; в воздухе носился не то туман, не то изморось; быстро темнело, горизонт сузился — мы видели только косу, с разбросанным по ней плавником; держали уже на SO; глубина постепенно уменьшалась.

В 8-м часу достигли оконечности косы, но здесь фарватер исчез. Тщетно ворочали мы во все стороны... «6 фут! 5 фут!» Ах, эти зловещие пять футов, после которых так и ждёшь шороха под днищем! Хотели вернуться назад — и не могли... В 9-м часу «Малыгин» остановился, плотно засев всем корпусом, и не поддавался заднему ходу... Быстро наступала ненастная ночь. С востока уже налетали сердитые шквалы со снегом. Дорога была каждая минута... В одно мгновение сбросили на воду шлюпку с верпом, но на сто саженей кругом она не нашла глубины больше 6 футов. Начали стягиваться туда — другого выбора не было... Вся команда налегла на шпиль; машина работала полным ходом назад; «Малыгин» медленно полз по дну, а глубина за кормой не увеличивалась.

Скверное подозрение закрадывалось в душу. Снова послали шлюпку и... на месте брошенного верпа достали пять футов.

Вода несомненно сбывала, и вот почему мы не могли найти дороги назад. Остановили шпиль, застопорили машину, отдали якорь. Приходилось ждать. В этот вечер на «Малыгине» не было ни шуток, ни смеха. Усталая за день команда молча улеглась спать, не собираясь, по обычаю, у фитиля поболтать и позубоскалить. Офицеры сидели в кают-компании за чаем и обсуждали возможные выходы из трудного положения. Если мы «сели» в самую полную воду, может быть, ещё увеличенную какою-нибудь случайною причиною — например, ветром, — то могли остаться на мели очень долго... до будущего года. Но этот вопрос не разбирался. Если бы такое предположение оказалось справедливым, мы имели впереди слишком достаточно времени для рассмотрения его во всех подробностях. В данную минуту следовало решить, куда идти в

благоприятном случае, если вода прибудет, и мы снимемся с мели. Командир продолжал утверждать, что мы находимся между материком и каким-то островом, т.е. в проливе, что надо всеми средствами пробиваться на SO в Енисейский залив, от которого нас отделяет всего несколько миль.

Я не соглашался. Наскоро проложив в крупном масштабе курсы и плавания минувшего дня и набросав очертания виденных берегов, я полагал, что мы попали в залив — какой неизвестно, — но имеющий только один выход, потому что, несмотря на быстрое падение уровня воды, отливное течение было незначительно, а в проливе это являлось маловероятным. Стоило вспомнить пролив Малыгина. По моему мнению, следовало вернуться назад.

— Не знаю, чем кончатся попытки пробиться на SO, в Енисейский залив, но по этой карте я берусь вывести «Малыгин» в Обскую губу без всяких приключений.

Командир, наполовину убеждённый, ушёл к себе. Я остался в кают-компании один, занятый своей картой, стараясь восстановить в памяти мельчайшие подробности виденного за день. Невесёлые мысли шевелились на сердце. Восточный ветер всё свежел, а ведь он гнал воду из бухты. «Случай первый», оставленный без рассмотрения вставал грозным призраком. Каковы могли быть его последствия?

Первое и главное — неудача экспедиции, впервые снаряжённой под руководством офицеров военного флота. Несомненно, что «Овцын», не видя нас, отправится на поиски по берегам и, при полном несоответствии карт с действительностью, легко может очутиться в положении, подобном нашему. Что будет дальше? Выдержим ли мы зимовку на железных судах, без запаса топлива — сомнительно... Если даже уцелеют люди, то весенние льды поломают и унесут пароходы, вверенные нашему знанию, нашей опытности... Конечно, тех, кому удастся вернуться домой, никто не упрекнёт, не осудит, но разве эта неудача во взятом на себя деле, о котором говорят и в России, и за границей, разве она не наполнит едкой горечью всю остальную жизнь... разве мы сами себя не осудим... Тяжёлая ночь, грустные думы...

Мне захотелось встряхнуться, освежиться. Я вышел из кают компании. Было совсем темно. Ветер уныло свистел и плакал между снастями, сердито крутя снежные хлопья. Всё вокруг подёрнулось белой пеленой. Разошлась волна. У правого, наветренного борта, словно у крутого берега, образовался прибой, взбрасывавший на площадки и палубу пену с

песком, который хрустел под ногами. На баке, озарённая мерцающим светом штагового огня, тихо двигалась взад и вперёд одинокая фигура вахтенного. Я окликнул его, и мы вместе обошли весь пароход, заглянули в трюмы, смерили глубину кругом.

В 2 часа ночи воды оставалось только 1½ фута, и я был свидетелем зрелища чрезвычайно редкого в морской практике — видел лапу собственного якоря, торчащую из воды. Томительно долго тянулось время. Наконец в начале 5-го часа вода пошла на прибыль. Уровень её поднялся так же быстро, как вчера падал. Около пяти «Малыгин» всплыл! Тотчас же подняли якорь и верп; несмотря на метель, разыскали наши желанные 14 футов и стали на якорь переждать погоду. Послали шлюпку произвести пример во все стороны от парохода — по радиусам. Другого фарватера, кроме того, которым пришли накануне, не оказалось нигде. Всюду глубины постепенно уменьшались до 4 футов. Командир, убедившись, что ни на Ost, ни на SO дороги нет, согласился на мой план и решил возвращение назад.

Снялись с якоря, но, пройдя не больше мили, принуждены были остановиться. Надвинулся густой, как стена, туман. К полудню начало разъясняться. Стали налетать один за другим «заряды» — предвестники перемены погоды. В промежутках между ними проглядывало солнце. Пользуясь его проблесками и ворочаясь на месте, уничтожили девиацию. Временами на N и на S неясно обозначался берег. Среди нашей команды был сигнальщик, сделавший заграничное плавание. У этих людей, вследствие постоянной практики, вырабатывается замечательный морской глаз, и он утверждал, что видит берег также и на SO. Только в 4-м часу пополудни могли снова тронуться дальше. Сначала всё шло прекрасно. Глубины соответствовали курсам; берега открывались согласно составленной карте; но, подойдя к самому выходу, мы наткнулись на уменьшающуюся глубину, и скоро с бака раздалось: «6 фут»! Взяли правее, взяли левее, отошли к югу — всё то же! Послали вперёд шлюпку, и она сделала странное открытие. Оказалось, что между входными мысами тянется нечто в роде 6-тифутового бара, за которым дно быстро понижается и начинаются почти сразу морские глубины. Вероятно, накануне мы как-нибудь незаметно перескочили через него. Сейчас же дали ход, подняли шлюпку. Через полчаса лотовые уже радостно кричали: «5 сажень! 6 сажень! 7 сажень!» и, уверяю вас, что эти крики звучали нам слаще самой дивной арии знаменитого певца. В 8 ча-

сов достали 10 сажений! «Малыгин» мерно покачивался на высокой, отлогой зыби несомненно океанского происхождения. Мы были в открытом море. Все выглядели счастливыми именинниками, вырвавшись из проклятой мышеловки. Взяли курс N. В 10 часов вечера глубина уменьшилась до 6½ сажений; по носу и вправо открылся берег — знакомый северный входной мыс и его продолжение. Было бы крайне желательно переждать ночную темноту и с рассветом обогнуть неведомую землю с внешней стороны, чтобы нанести на карту истинный Матте-Сале — самый северный пункт Обь-Енисейского полуострова, но командир, опасаясь недостатка в угле, а главное боясь, что «Овцын» пойдёт нас разыскивать, не решился на новую задержку. Отойдя от берега на безопасную глубину 12 сажений, мы снова повернули на N, а в 2 часа ночи на NO. Валил густой, мокрый снег. Слабый ветерок от West'a засвежел и развёл волну. Изрядно покачивало; но, просыпаясь на койке от неожиданных толчков, я только радовался этим признакам глубины и открытого моря.

В 8 часов утра, находясь под широтой 74°, свернули на Ost. Стали падаться мелкие разбитые льдинки, а слева, на севере, обозначилась зубчатая линия высокого сплошного льда, ярко белевшего на солнце. Тюлени и моржи высывались из воды у самого борта парохода. К полудню настолько разъяснило, что удалось определить место по обсервации, после чего взяли курс на порт Диксон, руководствуясь данной для него Норденшильдом счислимой широтой и долготой. По этим сведениям, порт Диксон находится в 27 милях к северо-западу от того места, которое было ему назначено на старой русской карте. Шли всё время в виду льдов, тянувшихся слева параллельно нашему курсу, милях в 3-4.

24-го августа, в 3½ часа пополудни, впереди открылся скалистый берег, даже раньше, чем следовало по Норденшильду. Это была северная оконечность правого берега Енисейского залива и прилегающая к ней группа островов Северо-Восточных. Воздух сделался необычайно прозрачен. В бинокль ясно различались отдельные вершины, острые хребты утёсов, маленькие островки, камни. Трудно передать, с каким чувством радости и даже торжества разглядывали мы эти обнажённые, дикие скалы, изборозждённые рытвинами, глубокие пади, занесённые снегом, и белую полосу прибоя над отмелями. Будущее никого не пугало. Неужели мы, привыкшие бороться с океаном, не справимся с ре-

кой, какова бы она ни была! Весь день шли полным ходом вдоль высокого правого берега. Левый не был виден. В полночь, полагая, что подходим к архипелагу островов, начинающихся Крестовым, стали на якорь и пустили ракету на случай, если здесь нас поджидает «Овцын». Ответа не последовало.

25-го августа утром, при тихой, но пасмурной погоде тронулись дальше. Залив сузился, показался и левый берег. К полудню окрестность начало заволакивать туманом. Временами шёл крупный, тёплый дождь. Ветра не было вовсе.

В 2 часа чуть не ощупью проходили Корсаковские острова, совершенно неверно нанесённые на карту. Около 4-х, за густым туманом не видя ничего вокруг, отдали якорь. Через час туман поредел. Оказалось, что стоим под правым берегом не более как в полумиле от высокой горы — мыса Чаичего.

Отсюда до узкости между Сопочной каргой и мысом Отмаревым оставалось ещё 4-5 миль. Снялись и пошли средним ходом, непрерывно бросая лот. Скоро горизонт совсем очистился, и мы увидели оба мыса. Отмарево — это просто довольно тупой исходящий угол, образуемый поворотом реки, но Сопочная карга — нечто оригинальное — хорошее приметное место. Из правильной линии высокого, обрывистого берега выступает полуостровом гора с тупой вершиной — может быть в старину сопка - и от её подножия к середине фарватера тянется низменная коса с причудливыми нагромождениями плавника — леса, принесённого с верховьев во время весеннего половодья. Эти груды стволов, перепутавшихся сучьями и корнями, принимают самые странные очертания. Так нам долго казалось, что мы видим буддийскую часовню с торчащими вокруг неё флагштоками, и только на расстоянии нескольких кабельтов, при помощи зрительной трубы, удалось обнаружить обман.

Однако Сопочная карга, пользующаяся на Енисее скверной репутацией, видимо не хотела пропустить нас миролюбиво. В то время, как мы огибали прилегающую к ней отмель, неожиданно налетел такой жестокий шквал от SW, что наш лёгкий пароход с пустыми угольными ямами заметно для глаза понесло к берегу. Глубина быстро уменьшалась. Повернув против ветра и дав полный ход, едва отгребли на середину фарватера. В несколько минут на реке разошлась короткая, крутая волна. На штурвале стояло двое рулевых и насилу справлялись. Нос так и кидало в стороны, сбивая с курса.

Оно и неудивительно — израсходовав уголь, сидя в воде всего около 3 футов, «Малыгин» своей надводной частью, мостиком, рубкой, трубой представлял ветру огромную площадь сопротивления.

Счастливо миновав узкость, пошли в виду обоих берегов. Быстро наступала ночь. Ветер так и свистел прямо в лоб. До Гольчихи оставалось не больше 10-12 миль, но как распознать в темноте это место и подход к нему?

В 9 часов пустили ракету, затем вторую.

И вот далеко впереди по тёмному, облачному небу ярким букетом рассыпались горящие звёзды — наш сигнал увидели, нам отвечали. Никогда в жизни, ни на один фейерверк не глядел я с таким удовольствием, ни одним так не любовался. Команда не спала. Несмотря на холод, ветер и брызги из-за борта, матросы кучкой сбились на баке у фитиля, пытливо всматриваясь в непроглядную чёрную даль.

В половине 10-го из-за низкого мыса блеснули огни нашей эскадры. Свежий встречный ветер, а может быть и течение, малая нагрузка делали то, что «Малыгин», работая полным ходом, чрезвычайно медленно двигался вперёд. Увидев штаговые огни в половине 10-го, мы подошли к ним только в половине 12-го. Здесь явилась новая забота, — где стать на якорь. Глубины повсюду огромные, не соответствующие нашим скромным 45-тисаженным канатам. Попробовали встать позади «Овцына» и «Скуратова» на 18 саженях, но нас стремительно понесло к берегу — якорь не держал. С 18 саженей мы очутились на 10 футах. Темь непроглядная; за кормой, совсем близко, ревёт и пенится бурун. Работая малым ходом вперёд, чтобы не сесть на мель, снова подняли якорь и отправились искать другого, более счастливого, места. В это время «Овцын» и «Скуратов» зажгли фальшфейеры по правому борту. Руководствуясь этим указанием, вышли вправо и вперёд от них и здесь отдали якорь. Опять не держит! Сквозь шум ветра и грохот каната слышим что-то кричат... Что — понять невозможно. Разбираем только... «грунт лёд!..» Отдаём второй якорь и, продрейфовав ещё сажен 200, наконец останавливаемся Слава Богу! было бы совсем обидно и даже глупо потерпеть крушение, придя к цели. Когда всё успокоилось и на баке загорелся штаговый огонь, с «Овцына» приехал штурман, лейтенант Ц., поздравить с благополучным приходом и расспросить о плавании. Кроме новостей он захватил с собой пару свежих, только сегодня на охоте убитых куропа-ток. Какие это были великолепные птицы! Несмотря на то, что наш кок зажарил их, как только мог хуже, через несколько минут от них осталось

одно воспоминание. Пока командир ездил на «Овцын» к начальнику экспедиции, мы, сидя в кают-компании, передавали нашему гостю о своих приключениях и слушали его рассказы о плавании главного отряда.

19-го августа, потеряв из виду «Малыгина», «Овцын», имея на буксире «Скуратова», продолжал совместно с англичанами свой путь к северу. На высоте Белого было замечено резкое уменьшение солёности моря — влияние близкого соседства Оби — и начал попадаться плавник. Стволы деревьев видимо долго находились в воде, потеряли кору и сучья, сохранив только чёрные узловатые корни, которые, тихо колеблясь меж гребнями невысоких волн, не раз смущали суеверных матросов.

В 4-м часу утра 20-го повернули на восток. Всю ночь и следующий день погода стояла изменчивая. При облачном небе то проглядывало солнце, то сыпал снег и крупа. Тем не менее удалось определить место по обсервации. После поворота глубины с 12-15 саженей уменьшились на 9. Берегов не видали. С утра от West'a шла небольшая зыбь. Наибольшая температура за сутки была +3°R. Пользуясь попутным ветерком, ставили паруса, но к вечеру совсем заштилело.

Странно, что ни «Овцын», ни «Малыгин», пересекая Обскую губу, не наблюдали ощутимого постоянного течения на N. Вероятно в это время года, при низком уровне воды в реке, течение в губе ослабевает, делается незаметным, но весной в половодье оно должно быть весьма значительно. Иначе как объяснить эти нагромождения плавучего леса на отмелях, которые мы видели, и которые местами образуют целые мысы — как например Дровяной.

В полночь от N пошла небольшая зыбь, показывавшая, что в этом направлении море свободно от льдов. Около 3 часов утра встретили длинное ледяное поле, а у его северной оконечности отчётливо обрисовалось судно, идущее под парусами. Повернули к нему навстречу, но с приближением оно оказалось остатком ледяной горы. Вскоре открылись впереди и влево те самые льды, которые видел «Малыгин» три дня спустя. Но мы, подойдя к ним, сейчас же начали склонять курс к S, «Овцын» же продолжал идти на восток, среди мелкого разбитого льда, который, чем дальше, тем становился гуще. Приходилось, как в Карском море, выбирать дорогу от полыньи до полыньи. «Blankather», производя разведки, держался ещё левее, т.е. севернее, а «Orestes» значительно от-

стал. В полдень, получив место по обсервации и поджидая англичан, занялись определением девиации компаса. За всё время совместного плавания, согласно обычаю военного флота, мы сообщали друг другу сигналами результаты астрономических наблюдений — обсервованную широту и долготу места в полдень. Но Виггинс никогда не следовал этому примеру и довольствовался тем, что поднимал: «согласен».

После полудня «Овцын» склонился к югу, а в 3 часа сделал сигнал англичанам, шедшим позади: «рекомендую курс OSO», которому они и последовали. Таким образом «Овцыну» досталась честь указать всему отряду путь в Енисейский залив.

Вход «Овцына» в Енисейский залив совершился при условиях менее благоприятных, чем «Малыгина». По горизонту лежала мгла; временами набегал туман, и берег открылся не сразу. Первыми показались в 4½ часа пополудни два южные островка Северо-Восточного архипелага, а затем только через полчаса обозначился и материк.

Приблизившись к берегу, «Овцын» направился вдоль него к S. Англичане шли позади в расстоянии около двух миль.

Здесь обнаружилось, что очертание береговой линии в устье Енисея — не широты и долготы, а самый контур — нанесены на старой русской карте вернее, чем у Норденшильда. Мы пользовались русской картой, только считая, что весь берег следует перенести на 30 миль к NO, и не заметили никаких несообразностей. «Овцын» же, идя по карте Норденшильда, имея глубины 13-16 сажень, прокладывал свои курсы берегом, а ночь стоял на сухом пути — полное противоречие с действительностью.

С рассветом 22 августа пошли дальше. При съёмке и постановке на якорь наблюдалось слабое приливо-отливное течение. Температура воды на дне 0°, на поверхности +5°C. В Енисейском заливе, как и в Обской губе, ни «Овцын», ни «Малыгин» не заметили определённо выраженного речного течения. Может быть, оно сказывается в усилении отливного и ослаблении приливного течений, но для выяснения этого вопроса необходимы были систематические наблюдения, на которые мы не имели времени.

У острова Крестового «Овцын» бросил две вехи с досками и надписями: «не ждите, идите в Гольчиху». Проходя здесь через трое суток, мы их не видели.

Около полудня пришли на глубину 5 сажень. Виггинс стал разыскивать более глубокий фарватер, но не нашёл и сильно отстал.

С 4 часов глубина увеличилась, пошли полным ходом в виду обоих берегов. На этот раз Сопочная карга не сделала никакого сюрприза. Погода стояла тихая и ясная. В 7½ часов вечера при закате солнца показались мачты и флаги судов, стоящих в Гольчихе, а в 8½ среди всеобщей радости, при взрывах ракет и свете фальшфейеров «Овцын» стал на якорь, совершив благополучно переход из Шотландии в Енисей и приведя на буксире «Скуратова». Здесь застали гидрографическую партию лейтенанта З. на паровом баркасе «Бард», купленном в Красноярске и пароход купца Бадалова «Граф Игнатьев», на котором находились посланные губернатором для оказания нам содействия туруханский отдельный пристав Чуевский, помощник енисейского пристава Игноратов и, сам пожелавший встретить русские суда, священник Михаил Сулов. Радость встречи была тем сильнее, что в Гольчихе почти потеряли надежду на наш приход.

Лето стояло холодное; преобладали северные ветра, и по мнению местных жителей льды должны были преградить путь экспедиции. Часа через два после «Овцына» пришёл английский отряд. Любопытно, что Виггинс, сам указавший на Гольчиху, как место выгрузки, не признал её и держал с Porham'ом пари на 20 фунтов стерлингов, что русские суда стоят не там, где следует, и что до Гольчихи надо пройти ещё около 40 вёрст. Разумеется, он проиграл, так как и сама речка Гольчиха с часовней и магазинами, и приказчики, живущие здесь круглый год, были налицо.

На следующий же день было приступлено к выгрузке «Orestes»'а, для чего имелось 6 деревянных барж. Три из них, приведённые лейтенантом З., на которые он в предвидении свежих погод, положил добавочные скрепления, ещё казались сносными, зато гадаловския, особенно самая большая — старый пароход, из которого за ветхостью была вынута машина — не внушали никакого доверия.

До нашего прихода, т.е. за три дня, выгрузили 500 рельс, а всех их около 6.000. Нестихающая зыбь перегибает, раздёргивает баржи и бьёт их о борта «Orestes»'а. Работа ещё замедляется тем, что баржи не приспособлены к принятию такого груза, как рельсы, имеют сплошную верхнюю палубу с небольшими люками, вследствие чего приходится каждый рельс сначала спустить в трюм одним концом и затем тащить этот конец по днищу, пока верхний не подойдёт к краю люка и не грохнется вниз.

Очевидно, эти удары, среднюю силу которых можно считать в 50 пудов, неблагоприятно отзываются на крепости самих барж.

Теперь несколько слов о месте стоянки и выгрузки. Выражение стоять «в Гольчихе», принятое всеми, неправильно, следовало бы говорить «у Гольчихи». Гольчиха — это речка с мелководным баром, впадающая в Енисей. Войти в неё при малой осенней воде нельзя. Близ устья построена часовня, белая, с зелёной крышей, сооружённая енисейским купцом Кытмановым по обету, данному во время шторма. Тут же находится лавка, торгующая с инородцами, и магазины для склада рыбы, доставляемой промышленниками. Постоянные жители — Серов, приказчик Кытманова, владельца лавки, и рыбак Иголкин с женой и двумя ребятами.

Относительно условий якорной стоянки трудно найти что-либо хуже. Здесь соединяются своими вершинами две воронки; одна — Енисейский залив — обращена на N и NW, другая на S и SW — огромный плёс Бреховских островов, достигающий по ширине 20 миль. При всяком ветре из западной половины компаса у Гольчихи расходится высокая крутая волна. При ветрах близких к N или S она имеет хотя бы некоторую правильность, но когда заревёт W, то две системы волн — из залива и с плёса — соединяясь на злополучном месте и отражаясь от берегов, порождают жестокую толчею. Штормы, сгоняя воду, вызывают в узком канале быстрые течения, которым вероятно и обязана своим происхождением глубокая рытвина у Гольчихи, доходящая до 24 саженей. Как только ветер ослабевает, согнанная вода устремляется обратно; под влиянием борющихся между собой ветра и течения, суда становятся лагом к волне, и начинается качка, во время которой и думать нельзя о работе. Наша двухнедельная стоянка — это была какая-то оргия штормов. Самопишущий барометр рисовал линии, которые можно встретить только в учебниках метеорологии, как характерные образчики. Казалось, все минимумы северной Сибири избрали себе прямой путь через Гольчиху. Мы могли наблюдать явление циклонов во всей их последовательности. Задувал ветер, усиливался до степени шторма, изменяя своё направление; барометр стремительно падал, затем на несколько часов наступал штиль; барометр стоял неподвижно, потом быстро шёл кверху, и шторм ревел с новой силой от румба, противоположного тому, на котором стих. Лейтенант З., прибыв на Енисей, ещё в июне извещал телеграммой Виггинса о непригодности Гольчихи для выгрузки и ука-

зывал со слов местных пароходовладельцев на «Луковую протоку», природную гавань, находящуюся на 200 вёрст вверх по реке от Гольчихи, но Виггинс категорически ответил, что дальше указанного им пункта идти не может. Впоследствии же это решение сделалось уже неизменяемым, так как пароход и груз были застрахованы только до Гольчихи. Равным образом Виггинс не соглашался перейти к берегу, противоположному Гольчихе, у селения Зверева, говоря, что тот берег ему совершенно неизвестен, что там нет речки, в которую могли бы в случае надобности укрыться баржи и мелкие суда, грунт — лёд, прикрытый тонким слоем ила и, по слухам, имеются многочисленные мели.

Между тем за время стоянки выяснилось, что у Зверева дно реки понижается медленно и ровно, образуя обширную площадь с глубинами 5-7 сажень и вязким илистым грунтом, что при господствовавших западных ветрах Гольчиха являлась входящим углом берега, обращённым к ним раструбом, а Зверevo исходящим углом берега, обращённым вершиною от них, благодаря чему суда экспедиции не раз находили себе там спокойное и безопасное убежище от штормов.

К сожалению, когда из горького опыта двухнедельных бедствий все эти преимущества Зверева перед Гольчихой стали очевидны, и Виггинс 5-го сентября сдался и перешёл к противоположному берегу — было уж поздно...

Но не будем забегать вперёд.

26-го августа погрузка продолжалась; к вечеру задул NW; пошёл снег; температура упала до 0°.

Утром 27-го у нас были гости — Чуевский и Игноратов. В противоположность нам они с охотой ели консервы и не дотронулись до свежей рыбы — роскоши нашего стола. Рыба во всех видах и оленина — их постоянная пища. Странно было слушать этих людей, которые считали, что две-три недели значит скоро, а 500-600 вёрст совсем близко. Летом сообщение поддерживается только по реке и её притокам, зимой по тундре на оленях. Чуевский говорил, что прошлую зиму посетил некоторые главнейшие пункты своей области и сделал при этом 6.000 вёрст.

— Ну, как живёте? не очень скучаете? — спросил я и тотчас же подумал: «что это, какой нескромный, глупый вопрос! заброшенные среди полудиких кочевых племён, отрезанные от мира... жестоко даже упоминать об этом, беречь больное место». Но пристав, человек средних лет, с добрыми, бледными глазами на худощавом лице, оказался не из тех, что унывают и падают духом.

— Как живём? — повторил он, пожав плечами и усмехнувшись, — да ничего себе — служим! Сам просился — не силком сюда затащили. Кто пьёт, тому в глуши конечно плохо — заскучает, пропадёт... а я — ни вина, ни водки. Возьмёт тоска — в отъезд. Куда ехать — найдётся: ведь я один на какой край! Зимой рыщем по кочевьям, летом промышленники понаедут, пароходы прибегут; с ними тоже хлопот немало — народ озорной. Смотришь — год-то и проскочил и не видать его.

— А потом ещё так возьмите, — продолжал он, — сколько надо мной раньше начальства было? только и думаешь, как повернуться, что сказать... а теперь — сам себе голова, позовут к ответу — есть что и ответить. Что тихо у нас, да не шумно, — так и слава Тебе Господи! чего лучше тишины...

Я слушал его, молча, и в душе... завидовал. В самом деле, это спокойствие не лучше ли нашего цыганского мыканья по белу свету без семьи, без своего угла...

Кто полнее живёт? он или мы? скажут — лежащий камень, но ведь ещё вопрос, кто свободнее, лежащий ли камень, который лежит там, где лёг, или камень, который катится чаще всего не по своей воле, а под влиянием внешних сил и куда — не знает: думает только, что вперёд...

— Одно вам скажу, — круто изменил он разговор, — напрасно вы здесь стали. Верьте мне, не будет добра с этой стоянки — самое худое место!

— Что делать! теперь не переменишь!..

А худое место давало себя знать. К полудню с устья пошла такая зыбь, что пришлось прекратить погрузку. Лейтенант З. одну из своих барж, уже нагруженную, завёл в речку. Ветер всё свежел, переходя от NW к N. Большая гадаловская баржа не удержалась на якорях, начала быстро дрейфовать вверх по реке, но, к счастью, пройдя мили 1½ и не задев ни за что, остановилась. «Овцын» пошёл следом и отдал якорь рядом с нею, чтобы быть в готовности подать помощь немедленно. На «Малыгине» отдали второй якорь и подняли пары. К полночи уже ревел шторм. Волна хлестала через борт: пенистые гребни, разбиваясь о кожухи, взбрасывались на мостик и сбегали с него каскадами. Мелкий, острый снег резал лицо, ослеплял глаза. Ноги едва держались на мокрой обледеневшей палубе. «Овцын» и «Скуратов» имели якорные канаты длиной 60 сажений, «Малыгин» же, предназначенный к плаванию в верховьях реки, — только 45. Поэтому в то время, как первые два ещё успешно отстаивались против шторма, нас начало дрейфовать прямо на

«Orestes», находившийся за кормой. Исход удара нашего судёнышка в 270 тонн о нос парохода в 3,000 тонн был вне всякого сомнения. Следовало переменить место, не теряя ни одной минуты. Но едва начали поднимать якоря, как оказалось, что, ползая по дну, они перепутались между собою. Чтобы расклепать и развести канаты требовалось много времени, может быть часы, а чёрная громада за кормой с каждой секундой всё росла и становилась ближе. Выпустить канаты за борт, бросить якоря — но с чем же мы останемся, не имея запасных? Тогда решили испытать средство рискованное, но единственное: действуя машиной, стащить якоря по дну в сторону. Положили руль на борт, дали ход... «Малыгин» кинулся к середине реки; канаты вытянулись, как струны, лязгая в клюзах... Стоп машина!.. нос задержался; корма по инерции вылетела вперёд; пароход стал лагом; началась бешеная качка; волна хлестала через всю палубу... так прошло несколько тяжёлых мгновений, — наконец, корма покатила обратно; нос пришёл против ветра... Руль на борт! ход вперёд!.. и опять то же самое. Не помню, сколько раз повторялся этот манёвр. При каждом толчке носовая часть парохода тряслась и скрипела... Казалось, вот-вот лёгкая постройка не выдержит напряжения, форштевень свернётся... 40 минут продолжалась отчаянная борьба... Потом мы вздохнули свободнее. Нас несло между «Orestes»'ом и «Blankather»'ом. Одна опасность миновала, но приближалась другая — высокий крутой берег подветром, невидимый среди ночной тьмы и метели. Вытравили оба каната до жвака-галса¹, отдали верп на перлине — наша последняя надежда — движение замедлилось; несколько тихих толчков — и мы задержались. На долго ли? это был праздный вопрос, который всякий гнал прочь.

— На месте стоим! — раздавался с бака весёлый и бодрый крик лотового.

Кроме нас в ту же ночь дрейфовал «Минусинск». «Овцын» и «Скуратов» удержались. «Orestes» на своих двух якорях при стосаженных канатах стоял непоколебимо.

Около 3-х часов утра рассвело; за кормой и вправо смутно обрисовался берег, занесённый снегом в расстоянии 200-300 саженей.

К утру 28-го августа ветер, меняясь против часовой стрелки, отошёл к West'у и начал дуть порывами с мгновеньями затишья. Барометр тро-

¹ Жвака-галс — коренной конец якорного каната, закреплённый на судне.

нулся кверху. Всё предвещало близкое окончание шторма; в 2 часа полудни налетел шквал от SW; волна обратилась в толчею; нас поставило поперёк; размахи качки доходили до 22°. Большую гадаловскую баржу опять понесло прямо на берег. «Овцын» успел сняться, подхватить её на буксир и пошёл к Звереву. Мы с охотой последовали бы его примеру, но волна, хлеставшая через наш низенький фальшборт на баке, не давала возможности приступить к разводке канатов.

С 5-ти часов стало понемногу стихать. В 6 часов могли приняться за работу, которую закончили к 11 часам вечера. В течение дня нас всё время медленно и незаметно подавало назад, и теперь от кормы до берега оставалось не более 100 сажен. Ввиду этого подняли якорь и верп — с последним долго возились, так как его перлинь перепутался с якорными канатами — пошли к противоположному берегу и около часу полуночи стали вблизи «Овцына» на ровной шестисаженной глубине. Здесь было почти тихо. Лёгкая зыбь чуть покачивает пароход. Грунт — вязкий ил; якорь держит прекрасно. И невольно всё тот же досадливый вопрос лезет в голову: отчего не стоять здесь? зачем жаться к Гольчихе? Теперь там ещё ходит огромная волна, а здесь можно было бы продолжать погрузку! Но скоро все вопросы уходят куда-то вдаль, пропадает способность рассуждать и сердиться... Натянутые нервы ослабевают; усталость берёт своё; все кости ноют — 40 часов проведено без сна, больше суток на ногах, чуть не по колено в холодной воде, среди метели, на морозном ветру... всё существо проникается сладким сознанием, что до утра можно поесть и выспаться, ничем не тревожась... Через час «Малыгин» обращается в сонное царство. На другой день вернулись к Гольчихе. Зыбь понемногу улеглась. Приступили к разгрузке. Решено, пользуясь затишьями, производить работы день и ночь посменно наёмными рабочими и командой с наших судов. Вечером от SW набежал туман, и повалил мокрый снег, но ветра не было. Ночь прошла тихо и спокойно. Если так продолжится, то Виггинс надеется покончить с рельсами в 2-3 суток.

30-го августа в Гольчихе первый раз за время её существования торжественно праздновался день тезоименитства Государя Императора. Священник Суслов служил в часовне молебен, на котором присутствовали команда и офицеры; в полдень суда расцветились флагами. Стоял мёртвый штиль; сквозь разорванные тучи проглянуло даже давно не виденное солнце, но ненадолго. К вечеру заморосил дождь, потом под-

морозило, и пошёл снег. В этот день «Минусинск» отправился в Енисейск, везя с собой наши телеграммы, которым, прежде чем попасть на аппарат, предстояло сделать 2100 вёрст по реке!

Всю ночь и весь следующий день погоду можно было назвать благоприятной. Дули слабые, переменные ветра из северной половины compassa, разводя незначительную волну, не мешавшую лихорадочно-спешной погрузке. Но к вечеру 31-го августа ветер перешёл к SW и засвежел. В это время большая гадаловская баржа, на которую было погружено уже 1,367 рельс, а полный её груз предполагался в 1,900 рельс, стояла у борта «Orestes»'а. Как только волнение усилилось, на ней открылась течь. Ввиду того, что работы пришлось прекратить, а баржа сильно билась о борт парохода, Виггинс отдал швартовы и спустил её за корму, где она стала на якорь. Вместе с тем он безуспешно призывал свистками «Игнатьева», чтобы тот взял баржу и отвёл её на тихую воду. «Граф Игнатьев», колёсный пароход с осадкой 6-7 фут и машиной вдвое сильнее, чем у «Малыгина», имел перед нами ещё то преимущество, что его колёса разобщались, т.е. при надобности работали одно вперёд, другое назад, и он мог ворочаться почти на одном месте. Однако капитан Богатков не решился идти на помощь своей барже, уже раз спасённой «Овцыным», боясь погубить пароход. А ветер всё свежел, и волнение росло. На несчастной барже едва успевали откачивать воду. Ветхий кузов расходился по всем швам. Наконец, в 4 часа утра треснуло днище, и волна хлынула в трюм. Для спасения своей жизни рабочие обрубали якорные канаты, и тонущая баржа в несколько мгновений была выкинута на прибрежную отмель. Экипаж спасся, счастливо миновав грозные буруны, но сама баржа погибла безвозвратно. Всю её изогнуло и в двух местах переломило. Через 2 часа наветренный борт был разрушен прибоем, постройки на верхней палубе смыты... Каждая волна уносила что-нибудь.

Ночью ветер, всё свежая, перешёл к Ost'у и достиг скорости 13 метров в секунду. За всё время стоянки это были единственные 9 часов, когда дул восточный ветер, а, следовательно, единственный случай, когда берег Гольчихи, прикрывая нас, служил защитой, а не угрозой крушения. С утра половинное число команды с наших судов, вместе с рабочими гидрографической партии, были заняты выгрузкой на берег рельс с баржи, заведённой в речку. Этим способом надеялись избежать отправки части груза обратно в Европу, так как с гибелью большой баржи у нас не хватало плавучих средств. Но при отсутствии каких бы то ни

было приспособлений работа подвигалась крайне медленно. Каждую штуку весом около 16-ти пудов приходилось на руках вынимать из трюма, нести на берег по наскоро устроенным мосткам и оттаскивать в место, безопасное от наводнения.

Меж тем барометр всё падал. К полудню он стоял на 728 мм. — так низко мы его никогда не видали. Наступил штиль. Очевидно, minimum проходил через Гольчиху, и надо было ждать обратного шторма. Действительно, около 4 час. пополудни, вслед за обманчивым затишьем налетел жестокий шквал от NW. В 5 часов скорость ветра достигла 18 метров в секунду!

В воздухе закружился мелкий острый снег. Термометр показывал 0°. При новом направлении ветра у нас за кормой опять очутился «Orestes»; опять сдал якорь, и нас понесло на него. Едва успели сняться и, видя, что здесь всё равно не удержишься, измаявшись от непрерывной качки, решили идти укрываться к Звереву. Переход через реку — всего 3 мили — продолжался 1½ часа. Волна была сбоку высокая и крутая. Качка хуже, чем в Немецком море. Всю дорогу часовой колокол на баке звонил, как на погребение. Но зато... какое блаженство, какой рай ожидал нас промокших, измученных на том берегу! Крутые высокие холмы отнимали ветер — он мчался где-то поверху. Внизу — поверхность реки чуть колыхалась отражённой зыбью. Ровная небольшая глубина; сзади, подветром, целых три мили свободной воды — дрейфуй, сколько угодно! Как глубоко чувствуется прелесть таких условий, когда они являются неожиданным контрастом только-что минувшего беспокойства.

В то время, как мы отдыхали душой и телом, на противоположном берегу не всё обстояло благополучно. Кроме «Orestes»'а все суда дрейфовали. Даже «Скуратов», с самого начала ставший весьма удачно — вероятно попал на хороший грунт — и выдержавший все предыдущие ветра, сполз со своего счастливого места и, хотя остановился, пройдя 2-3 кабельтова, но, раз потревоженные, якоря уже не внушали прежнего доверия. Дрейфовал «Овцын», «Игнатъев», «Blankather», баржи. «Бард» укрылся в речке.

С утра 3-го сентября шторм понемногу начал ослабевать. К вечеру, в нашем укромном уголке стало тихо, как в чашке воды. Команда обсушилась, отдохнула; на баке раздались весёлые песни. В 7 часов пополудни снялись с якоря и пошли к своим. Посредине реки и у берега Гольчихи ещё ходила крупная зыбь, не позволявшая возобновить работы. От

большой баржи Бадалова не осталось никакого следа, кроме буруна, белешего на месте крушения. Выбирая место, где бы отдать якорь, мы с тревогой оглядывали скученное расположение судов, точно нарочно собравшихся вокруг «Orestes»'а. В случае нового шторма это обстоятельство могло служить большой помехой к удачному маневрированию.

Во втором часу ночи я внезапно проснулся, точно меня кто-нибудь толкнул. Оделся, вышел из каюты. Ветер опять свежеет от SSW; барометр падает; вместо зыби уже катится значительная волна; начинает погромыхивать в кожухах. В три часа восток слегка побелел — занимался несчастный день 4-го сентября. К 5 часам утра ревел шторм. Баржи одна за другой поднимали флаги до половины, что означало: «терплю бедствие». Нас стало дрейфовать в буруны на баре Гольчихи. Начали поднимать якоря. Вдруг видим «Скуратов» несёт к берегу, и он держит сигнал: «требую немедленной помощи». Проходя мимо него, хотели подать буксир, но сила ветра не позволяла докинуть бросательного конца, пришлось спускать его по течению на буйке, работая средним ходом вперёд и удерживая таким образом своё место. На беду, как раз в это время налетел жестокий шквал. «Малыгин» потерял ход, перестал слушаться руля, стал лагом и, подхваченный бешеным порывом, был брошен под нос «Овцыну». Его канаты попали нам под днище и между лопастями колёс. Поневоле должны были остановить машину и в полном бессилии ждать столкновения. Раздался первый относительно слабый удар в середину кожуха, прогнувший его внутрь; затем второй — в переднюю кожуховую площадку. Её основа из толстого углового железа изогнулась и скомкалась, словно бумажная. Обносный брус толщиной в 6 дюймов и деревянная настилка — разлетелись в щепки. На обоих судах всё замерло. Слышался только зловещий треск... После второго удара «Малыгин» отпрыгнул в сторону, как мячик; колёса освободились; прежде чем новая волна успела подхватить его, мы дали задний ход, и третий удар пришёлся уже вскользь по носовой части, раздробив дубовый планшир и слегка погнув фальшборт. Но этим ещё не всё кончилось. Неубранный якорь, мотавшийся от качки, перекинулся через канат «Овцына». Мы сцепились с ним, сорвали его с якорей и начали дрейфовать вместе один позади другого в расстоянии 20-30 саженей прямо на баржу №3, уже нагруженную рельсами, за которой ленился недалёкий бурун. Единственное средство спасти оба парохода было пожертвовать нашим якорем и канатом. Якорь отдали. Принялись спешно расклёпывать канат. Не знаю, хватило ли бы на это времени, но

судьба поработала за нас; может быть вследствие напряжения при ударе, может быть от того, что наш канат сучился через овцынский — этот последний лопнул. Суда разъединились, — приобрели свободу действий, и, на ходу подымая якоря, стали выбираться на простор. Волна достигла 18 футов высоты; ветер сшибал с ног — к сожалению, я не имел свободной минуты измерить его скорость по анемометру. Начальник экспедиции кричал нам, чтобы мы заботились о себе и шли укрываться к Звереву. Действительно для искалеченного «Малыгина», степень повреждений которого ещё нельзя было определить, при его слабой машине и большой поверхности сопротивления ветру, было бы отчаянной смелостью пробовать описать циркуляцию у самых бурунов с тем, чтобы вторично подать буксир «Скуратову». Начальник экспедиции хотел сделать это на двухвинтовом «Овцыне», но на короткой, высокой волне винты поминутно оголялись, и пароход, едва выгребая против ветра, был сброшен на канаты «Blankather»'а. К счастью, он только прочертил по ним бортом и днищем, не повредив себе ни руля, ни лопастей винтов. Ввиду невозможности управлять судном, пришлось отказаться от намерения идти спасать «Скуратова», и «Овцын» также направился к Звереву. Удаляясь, мы могли видеть, как «Скуратов», отдав всё, что мог, якоря, верп и даже шлюпочные дреки¹ — наконец задержался под кормой «Игнатьева», пройдя вдоль его борта почти вплотную. Явилась надежда, что «Игнатьев», хорошо отстаивавшийся до сих пор, обладая сильной машиной и уже известной способностью ворочаться на месте, в случае надобности, подаст ему помощь. В то время, как мы пересекали реку, гадаловская баржа с грузом 750 штук рельс, находившаяся на бакштове «Orestes»'а, несмотря на непрерывное откачивание воды, стала заметно погружаться. Виггинс перебрал к себе на пароход моливших о спасении рабочих, а затем, чтобы груз не погиб, затонув на глубине, обрубил бакштов. В несколько секунд ветром и течением баржа была выкинута на отмель, и скоро от неё остались одни обломки.

У Зверева, по обыкновению, ходила лишь небольшая зыбь. Мы стояли на ровной глубине и тихой воде, но этот раз счастливому сознанию собственной безопасности не было места. Тревога об участи невольно покинутых товарищей, невозможность помочь им, горькое сознание своего бессилия, тяжёлым гнётом ложились на сердце. Сколько раз в

¹ Дрек — шлюпочный якорь.

этот долгий, томительный день поднимался я к сторожевой бочке, высматривая, что делается «там», но в сероватой мгле, окутавшей окрестность, нельзя было разглядеть что-нибудь определённое — темнели какие-то кузова¹, белели буруны... На досуге осматривали повреждения и... подивились своему счастью. Первым ударом, как сказано выше, смяло наружную стенку кожуха. Между прогнутыми железными листами и внешней гранью лопастей оставался зазор всего в два дюйма. Будь удар хоть немного сильнее — колёса были бы заклинены, и гибель «Малыгина» являлась неизбежной. Не менее счастливо было то обстоятельство, что второй, самый сильный удар пришёлся в кожуховую площадку. В этом случае она сыграла роль пружины, приняв на себя всю силу удара, которая израсходовалась на раздробление дерева, гнутьё и срывание железных креплений. Не будь её, — мы несомненно имели бы пробоину.

Корпус «Овцына», принимавшего удары форштевнем, несколько не пострадал. Зато он потерял правый якорь с частью каната и едва не лишился левого. Трудно сказать, когда именно и почему — вследствие ли удара лопастью, толчка или натяжения — одно звено второго каната лопнуло, разогнулось и контра-форс выскочил. Надо было удивляться, каким чудом удержались на нём соседние звенья во время подъёма якоря. После полудня барометр тронулся кверху, и ветер, сделав своё дело, начал быстро стихать. В 6-м часу «Овцын» отправился к Гольчихе. Час спустя в сумерках наступающей ночи показались отличительные огни, и к нам почти вплотную подошёл «Игнатъев». Окликнули его, спрашивали о последствиях шторма. Богатков охрипшим, надорванным голосом прокричал в ответ, что всё кончено, все баржи погибли.

— А «Скуратов»! что с ним?

— «Скуратов» разбился... офицеры и команда спаслись на берег... Пришлите шлюпку! у меня нет ни одной — все потерял...

Через несколько минут Богатков уже сидел у нас в кают-компании. Он побледнел, осунулся; руки дрожали; провалившиеся глаза блестели лихорадочно... Шторм подействовал на него потрясающе. Он несколько раз принимался рассказывать, но на половине фразы вдруг хватался руками за голову, бессмысленно повторял: «Нет! знаете... знаете... это такое...» и кончал нервным смехом. Бедняга никогда не видал и не знал

¹ Кузов — здесь, общие очертания какого-либо судна. — прим. OCR.

моря. Совершенно растерявшись, он не только не мог ободрить свою команду — простых мужиков — но и сам заразился их паническим ужасом. Ничего не предпринимая, ни на что не решаясь, все они с тупым отчаянием ждали неминуемой гибели.

— ... Двое суток не спал... не ел... Господи! что это такое!.

Мы позвали фельдшера, давали ему чего-то нервно-успокоительного, накормили почти силком. Он немного успокоился; возбуждение улеглось, но зато усталость вступила в свои права. Богатков, проведя двое суток без пищи и сна, теперь поев, отдохнув, едва глядел и засыпал, сидя. Так мы и не добились ничего определённого; однако из полуслов могли заключить, что первоначальное сообщение, сделанное под впечатлением пережитого ужаса, было сильно преувеличено.

В ночь наступил мёртвый штиль.

5-го сентября с рассветом вернулся «Овцын», ведя на буксире «Скуратова». Его появление было встречено общей искренней радостью.

— Зря напужал «серый»! Жива наша баржа! — толковали среди команды. Некоторые даже крестились. Под «серым» разумелся Богатков — добродушное матросское прозвище, придаваемое всякому новичку в морском деле.

От офицеров «Овцына» мы узнали следующие подробности. «Скуратов», задержавшись на некоторое время, снова начал дрейфовать, но очень медленно, почти незаметно. Находясь всего в 20-30 саженях за кормой «Игнатьева», командир просил Богаткова подать ему буксир. Тот отказался, боясь, что потащит и его. Между тем «Скуратов» продолжал тихо, но беспрерывно приближаться к отмели. Раздался первый удар — ахтерштевень коснулся грунта — и затем с каждой новой волной удары повторялись, становясь всё сильнее и резче. Скоро кормовое отделение было залито водой. Вода показалась и в следующем отделении — под кают-компанией.

Бурун ходил через всю палубу с носа до кормы, сшибая и унося всё на своём пути. Командир, остававшийся наверху, был сбит с ног и уже по дороге за борт счастливо задержан подскочившим матросом. Тогда, видя ясно, что экипаж бесполезно подвергается серьёзной опасности, и не имея никаких средств и возможности предпринять что-либо для спасения судна, он решил прежде всего спасти вверенную ему команду. Переправа на берег через буруны совершилась благополучно. Едва успели они, промокшие до последней нитки, пронизываемые холодным ветром, добраться до зданий Гольчихи, как шторм начал быстро стихать.

«Скуратов» не дрейфовало больше. Он оставался в прежнем положении — нос на свободной воде, корма бьётся об отмель. По приходе «Овцына», экипаж возвратился на судно и приступил к разводке и очистке канатов и перлиней.

На берегу пришлось оставить только одного боцмана, который от изнурения и простуды лежал пластом и едва говорил. В ночь и на следующий день от тех же причин захворала почти половина команды.

Что касается барж, то все баржи лейтенанта З. — две стоявшие на реке и одна, укрывавшаяся в Гольчихе — уцелели. За время нашего отсутствия погибла только третья — последняя — баржа Гадалова с грузом 819 рельс. Её сорвало с якорей, выбросило на отмель и разбило. Шесть человек рабочих на ней в течении нескольких часов находились в самом бедственном положении, пока не были сняты на овцынскую шлюпку мичманом К.

После прибытия к Звереву и осмотра подводной части водолазами, оказалось, что у «Скуратова» сломан и потерян руль, сломан и потерян ахтерштевень и часть дейдвуда, причём образовалась пробоина, в которую свободно пролезал человек. В отделении офицерских кают в днище не было заметных повреждений. Вода, собиравшаяся под кают-компанией, вероятно, проникала туда через ослабнувшие швы и заклёпки непроницаемой переборки и легко откачивалась ручной помпой. Заделать пробоину своими средствами являлось немыслимым, но, снабдив «Скуратова» фальшивым рулём, можно было безопасно продолжать плавание с кормовым отделением, залитым водой.

После полудня пришёл к Звереву и «Orestes». «Бард» перевёл сюда же свои баржи. С той, которая стояла в речке, успели за это время сгрузить больше 300 рельс, и теперь занялись пополнением её груза. Погода — штиль, иногда туман и дождь. Ночью мороз.

Местные жители предсказывают раннюю зиму, так как лебеди уже отлетели.

6-го сентября «Малыгин» и «Скуратов» деятельно чинились, и одновременно шла догрузка барж. Этот день ознаменовался первым несчастным случаем в отряде. Скуратовский штурман, мичман Б., исследовал невзорвавшуюся ракету, причём по неосторожности она взорвалась почти у него в руках. Осколки жестяного корпуса поранили лицо, руки, ноги. Две довольно глубокие раны в живот внушали доктору серьёзное опасение. Это несчастье произвело на всех удручающее впечатление. Бедствие, даже гибель во время крушения не казались такими

ужасными, как потеря товарища из-за простой случайности. Доктор перебрался жить на «Скуратов», чтобы иметь постоянное наблюдение за больным.

Весь день 7-го сентября «Овцын» провёл в поисках своего якоря, но безуспешно, вследствие чего начальник экспедиции купил на «Orestes»'е стоп-анкер¹ с надлежащим количеством каната.

В четыре часа пополудни работы закончились. Баржи не могли принять большего груза. На «Orestes»'е оставалось около 1.100 рельс. Перегрузить их на берег мы не имели времени, так как по произведённому опыту на это требовалось не менее двух недель, а между тем зима приближалась; лёд на верхней палубе лежал по нескольку дней, и в самом контракте Виггинсом было указано, что крайний срок ухода барж из Гольчихи — 8-го сентября.

Итак результаты разгрузки в Гольчихе выразились следующими цифрами: из 6,000 рельс, составлявших груз Orestes'a, 2,936 были разбросаны по отмелям. Местные крестьяне Серов, Бычев и Кошкаров взялись собрать рабочих и вытащить их зимой в безопасное место по 60-65 копеек за штуку. 300 с чем-то рельс (точная цифра у меня не записана) лежали на берегу. «Orestes» должен был сдать в Архангельске свои 1,100 штук, а остальные мы надеялись благополучно довести до места назначения.

Результаты не блестящие, но мы — может быть, немного эгоистично — радовались хотя бы тому, что часть предприятия, порученная непосредственно военному флоту, удалась вполне.

«Овцын», «Малыгин» и «Скуратов» были благополучно приведены из Англии в Енисей, и незначительные аварии не мешали их дальнейшей службе. «Бард» и три его баржи были целы и несли полный груз. Правда, все баржи Гадалова погибли, но, не входя в рассмотрение причин, вызвавших это несчастье, мы, во всяком случае, не являлись ответственными за успех или неуспех частного лица, нанятого казной.

Осталось распределить кому что буксировать. Во время штормов баржи №2 и №3 потеряли рули и теперь управлялись вёслами, которым из-за недостатка подходящего леса нельзя было придать надлежащей длины. Ввиду этого, Богатков, напуганный всем претерпленным, решительно отказался от них и просил дать ему «Скуратова». Просьба его была уважена.

¹ Стоп-анкет — самый большой из верп-якорей. — прим. OCR.

Что касается барж, то «Овцын» взял №1 и №2, а «Малыгин» — №3 (№№ барж соответствовали их величине — №1 самая большая).

IV

Отплытие из Гольчихи. — Последний шторм. — Морозы. — Вверх по реке. — Осиновский порог. — Прибытие в Енисейск.

8-го сентября, чуть начало светать, снялись с якоря. Тихая погода, державшаяся двое суток, стала портиться. С полночи барометр круто пошёл вниз. Только что тронулись, задул NW, и посыпал густой снег. Наша баржа совсем плохо управлялась со своим коротким веслом и сильно рыскала. Равным образом выяснилась недостаточность скуратовского фальшивого руля. Он тоже изрядно кидался в стороны. «Бард» снайтовился с ним и некоторое время помогал держать на курсе, но скоро принуждён был отойти, так как разошедшаяся волна стала бить их бортами и грозила поломкой. Держали вдоль левого берега реки. От Зверева до Дорофеева он идёт почти с N на S, а затем круто изгибается к West'у, образуя Бреховский плёс.

Достигнув этого мыса, мы взяли курс поперёк реки, намереваясь идти дальше под правым берегом, между которым и Бреховским архипелагом пролегает широкое и глубокое русло — Каменный Енисей.

Тут неожиданно замела настоящая сибирская пурга. Шли по компасу, не видя друг друга, всё время бросая лот. Около 11 часов утра по курсу открылся высокий, обрывистый берег и полуразвалившиеся избышки зимовья Кореповского. Сначала предполагали стать здесь на якорь, но снег поредел, горизонт очистился, и потому пошли дальше. «Игнатьева» со «Скуратовым» нигде не было видно — как провалились.

От мыса Дорофеева в направлении OSO тянется через реку отмель; навстречу ей от противоположного берега выступает Яковлева коса; подводное продолжение косы и отмель заходят друг за друга, а может быть даже соединяются.

Виггинс, который едет в Енисейск на «Овцыне» в качестве пассажира, рассказывал, что он на «Темзе» искал здесь фарватера две недели и насилу нашёл 12 футов. Этот вопрос представляется существенно важным и заслуживает решения посредством основательного промера, так как если река действительно перегорожена 12-тифутовым баром, то доступ в неё глубокосидящим морским судам закрыт: если же фарватер

существует, то дальнейшие глубины позволяют большим пароходам подыматься за Дудинку, а при хороших лоцманах и гораздо дальше. Не знаю, в какой системе производил Виггинс свои изыскания, может быть он искал глубину посредине реки или ближе к левому берегу, — но мы, придерживаясь правого, не имели меньше 16-ти футов.

Шли одной колонной в таком порядке: «Бард», «Малыгин», «Овцын». Подвигались вперёд со всеми предосторожностями, непрерывно бросая лот, так как наткнуться на мель при попутном ветре и волне, значит, засесть плотно. В 5 часов пополудни, пройдя Яковлеву косу, попали опять в метель и потеряли «Барда». Берег скрылся. Убавили ход до малого. Между прочим, заметили, что наша баржа рыщет не столько потому, что у неё вместо руля весло, как потому, что этим веслом правят очень лениво; несколько красноречивых пожеланий и посулов, обращённых к рабочим, на время помогали ей держаться на курсе, но с наступлением сумерек дело пошло хуже, — на яростный оклик офицера: «баржа-а! правь рулём!» раздавался постоянный ответ: «пра-авят!», но от этого ничего не изменялось. В 7-м часу солнце село; быстро наступала ненастная, бурная ночь, и наше положение делалось всё затруднительнее. Мы шли впереди; «Овцын» следом за нами. Между тем командир и я, разложив перед собой три карты, тщетно ломали головы, стараясь угадать, где мы находимся.

По карте Норденшильда, перед нами ещё лежало обширное пространство свободной воды. По русской карте 72-го года несколько миль отделяло нас от широкого русла Каменного Енисея.

Наконец по третьей литографированной карте реки и устья мы входили в узкий пролив между правым берегом и крайним из группы Бреховских островов. Очертания берега на разных картах были также различны: на одних он тянулся прямой линией, на других имел изгибы. Чему верить? что ближе к истине?.. А ветер всё свежел, и волнение увеличивалось...

Решили приблизиться к берегу, искать бухты, мыса, где бы можно было укрыться от задувавшего шторма. При слабом отблеске зари, пробивавшейся сквозь серовато-белую мглу метели, увидели как бы два высокие мыса и между ними провал — точно бухта. Направились туда, но провал оказался межгорной ложбиной, выходящей к реке; глубины стали уменьшаться, и вскоре по курсу обозначился низкий плоский берег, совершенно открытый ветру. Повернули назад. «Овцын» за нами. Но идти против крепчавшего ветра было совсем не то, что попутником.

Волна хлестала через борт, обдавая весь пароход морозной водяной пылью. Холод пронизывал до костей. Ноги не держались на палубе от стремительных размахов. Острый снег колот и резал лицо. Совсем стемнело. И среди этой тьмы при рёве шторма и бешеной качке, началось блуждание наугад в поисках глубины... «Овцын» кружил, подобно нам. Мы видели его огни то справа, то слева, то близко, то далеко... Наконец раздался два резкие звука сирены — сигнал начальника экспедиции: «стать на якорь». Но надо ж было стать, имея под ветром увеличивающуюся, а не уменьшающуюся глубину, надо было привести против ветра... это оказалось невозможным.

Рабочие на барже, придя в отчаяние, совсем бросили править, развели костёр и уселись вокруг него, греясь и просушивая платье. Едва мы пришли в полветра и подставили его напору свою огромную боковую площадь кожухов, мостика и рубки, как баржа, которую почти не сносило вследствие её ничтожной надводной поверхности, оказалась у нас на ветре. Вытянувшиеся буксиры удерживали нашу корму и парализовали действие руля, стремившегося отбросить её под ветер. Имея руль на борте, мы только-только держались на курсе WNW — 6 румбов от ветра. Лот показывал, что вперёд двигаемся мало, что нас тащит куда-то влево, в непроглядную тьму, откуда рано или поздно должны были появиться многочисленные Бреховские острова.

Напрасно кричали мы: «Баржа! правь рулём!» угрожая бросить их на произвол судьбы. Они не трогались с места. Иногда от костра подымалась какая-нибудь фигура и, махнув рукой в нашу сторону, снова садилась...

Чего бы я не дал в ту минуту, чтобы каким-либо чудом перенестись туда и силой, оружием заставить их повиноваться! Как глубоко ненавижу я это «серое» мужичье, которое страшилось борьбы больше самой смерти, которое своим малодушием, своей тупой покорностью готовило гибель и себе, и нам!.. Всегда спокойный командир сжимал кулаки в бессильной ярости и сыпал бешеными ругательствами... Наконец наступила роковая минута.

После 11 сажен лотовый закричал 14 и сейчас же 12 футов. Командир бросился к наветренному борту.

— На барже! черти! правь рулём!.. Брошу!.. Пропадёте!..

Два-три человека встали и снова сели к огню...

— Всё равно... потопнем... долетело к нам по ветру.

— 10 фут! 9 фут! — слышалось с баку.

Выбора не было: или бросить баржу и спасти пароход, или разделить с ней её участь...

Командир повернулся ко мне... Несколько мучительно долгих мгновений простояли мы, судорожно ухватившись за поручень, чтобы не слететь с ног, и глядя в глаза друг другу... Он не решался приказать — я не решался советовать...

— 7 футов! меньше 7 футов! — не по обычаю, нараспев, а коротко и отрывисто прокричал лотовый.

Медлить становилось преступлением.

— Рубите! хрипло прокричал командир... Отдавай все якоря! Отдавай якоря! якоря!.. заревел он не своим голосом в сторону баржи.

Я кинулся на переднюю часть мостика, перегнулся вниз и полный ужаса и жалости скомандовал: руби буксиры!...

— Есть! обрублены буксиры! раздался ответ с кормы, где видимо с нетерпением ждали этого приказа.

Я слышал, как плеснулись о воду разом ослабшие перлиня, а потом... потом...

Мне кажется, до конца жизни я не забуду этого дикого, нечеловеческого вопля, застывшего в воздухе. Так можно кричать, только обезумев от ужаса, когда всё существо охвачено безобразным, животным страхом перед лицом неотразимой жестокой гибели. Этот вопль предсмертной муки и отчаяния холодил сердце, шевелил волосы на голове... Я зажмурил глаза, словно видел их перед собою с искажёнными, растерянными лицами вместе молящих и проклиняющих...

Но у нас на руках оставался ещё пароход и 18 человек команды, слепо веривших в нас, от нас ждавших своего спасения. Надо было действовать. Дали ход назад, потом полный вперёд.

— Покатился к ветру, вашбродие, — доложил рулевой.

— 12 фут! — бодро и радостно закричал лотовый, — 5 сажен! 11 сажен!

Перекинувшись через линию ветра, мы уходили на NO от рокового места. Дальше этот курс вёл к берегу, а потому снова повернули на NW, полагая по карте, что таким образом будем иметь перед собой чистую воду — всю ширину Бреховского плёса. Чтобы облегчить приведение к ветру, растянули на юте между шлюпбалками брезенты, уравновесив этим способом давление на носовую часть, загромождённую постройками, и на низкую открытую корму.

Позади ярко пылал костёр баржи. Значит, они ещё не разбились, значит якоря задержали — при ничтожном возвышении баржи над поверхностью воды и малой глубине это было весьма вероятно.

— Дай Бог! помоги им, Господи, спаси их!.. — проносилось в мозгу.

Где-то в стороне мелькнули огни «Овцына». Однако и на новом курсе глубина вдруг стала уменьшаться. После 10 сажен — 14 футов. Так как ветер дул почти вдоль реки — мы пришли сюда попутником — то решили править против него, держась так, пока не рассветёт; идти хоть до Гольчихи, если раньше не упрёмся в какое-нибудь прикрытие. Началась бешеная скачка с гребня на гребень. Длинный «Малыгин» не успевал всходить на крутую, короткую волну и поминутно брал носом. На палубе образовалась гололедица.

Удары в днище были таковы, что в командном помещении, в носу, толчки сбрасывали с койки, и матросы, не имея пристанища, столпились под мостиком по колена в воде.

Напрасно, придя в Гольчиху, поторопились мы снять наши продольные крепительные брусья — теперь с кормы можно было на глаз видеть, как перегибается пароход на волне.

Глубина сначала держалась ровная, 11 сажен, потом начала убывать. Очевидно, к чему-то приближались, к отмели или берегу — неизвестно. Шторм ревел по-прежнему, но волна как будто уменьшилась. Придя на 14 футов, застопорили машину и сейчас же достали 18 футов, — значит, под ветром было чисто. Отдали якорь. Он сразу хорошо задержал. Грунт — плотный, вязкий ил.

По крайней мере на время мы могли считать себя в безопасности, могли отдохнуть и запастись силами. С 11 часов утра я ничего не ел, не пил и ни разу не садился, но теперь, спустившись в кают-компанию, с трудом проглотил стакан чаю, пошёл к себе, хотел заснуть... и не мог. Едва закрывались глаза, как воображение рисовало грозный бурун, размётывающий по кускам слабый деревянный корпус, прыгающие по волнам обломки, за которые окоченевшими от холода руками хватаются захлёбывающиеся люди, а в ушах раздавался и звенел отчаянный вопль о помощи.

Я вышел на палубу. Снег перестал. Волна била в кожухи и грохотала в колёсах. Мы порывисто качались; канат сильно дёргал, но якорь не сдавал. За тучами разгоралось северное сияние, и при его синеватом,

мерцающем свете по носу и справа обрисовался близкий, высокий берег. Всё ж это было лучше неизвестности. Позади... там не светилося ни одного огонька...

Около фитиля собралась кучка матросов. Я направился к ним, думая закурить папироску, но, не дойдя, остановился и начал прислушиваться. Не видя меня в темноте, они продолжали толковать о брошенной барже, и в их разговоре я подметил нечто невероятное, что и заставило меня остановиться. В нём не было и тени той жалости, того сострадания к чужому несчастью, которое является характерной чертой русского матроса; они казались даже озлобленными...

— Да как забегали, да как закричали! откуда и ход взялся! — вспомнил один, словно посмеиваясь.

— Небось! завертишься, как оно тебя прижмёт! — проговорил другой, выколачивая трубку, — спуску не будет — запляшешь!

— А допреж того, всё равно, говорят, потопнем, мол! — ну, вот и потопли, — вмешался третий.

— Позвольте, господа, раздался пришепётывающий голос фельдшера, — всё-таки христианские души бросить пришлось; можно сказать, они по невежеству...

— Завсэм сэрый народ! — злобно зашипел Индрис, — зачэм такой сэрый мужык на вода хадил? лажись на пэчка — сыди смирна, на баржи хадил — дэржи руль, пока башка кончал!

Я понял их и отчасти согласился. Эти люди, воспитанные в понятиях дисциплины, обязывающей до конца оставаться на своём посту, не покидать его в минуты самой страшной опасности, не могли простить «серым» брошенного руля.

Ночь прошла беспокойно, в опасении, выдержат ли якорь и канат непрерывные подёргивания. В пятом часу начало светать; барометр тронулся кверху. В шесть часов ветер перешёл к NW, значительно ослабел и дул порывами. Тучи поределели; проглянуло солнце; горизонт совершенно очистился. Я поднялся в сторожевую бочку и оглядывал окрестность. Мы стояли в нескольких кабельтовых от правого берега реки, имеющего здесь небольшую впадину к востоку. На юг милях в 5 виднелся рангоут «Овцына» и мачты двух его барж. На западе по горизонту тянулась полоса плоского низменного берега — несомненно, Бреховские острова. Следовательно, мы, не подозревая того, вошли в Каменный Енисей, и все три карты были одинаково неверны. В это время

Индрис, взобравшийся выше меня, под самый клотик, чуть не обрушился мне на голову.

— Наша баржа, наша баржа! — кричал он, неистово размахивая руками.

— Чего орёшь! говори толком — где? — взволнованно спрашивал я, боясь верить этому сообщению.

— Права от «Овцын» гляды, вашэ благородиз! намного права!

Навёл трубу... Действительно, правее «Овцына», на ясном небе, чернела одинокая мачта. Я радостно перекрестился. Просиял командир, мрачно шагавший назад и вперёд по мостику. Матросы, ещё вчера находившие, что «серые» заслужили свою гибель, высыпали наверх.

— Что? Живы «ерёмы»¹. Уберёт их Микола-угодник! Он милостив! А, поди, натерпелись страху! А, чай, и не думали быть целы! — раздавались их бодрые, весёлые замечания. У всех словно камень с души свалился.

В стороне Бреховских островов показался дым, и скоро под ним обрисовался «Бард». Страшно было смотреть, какие штуки проделывал крошечный пароходик на ещё не улёгшейся, крупной волне. Когда он приблизился, мы подали ему бакштов, спустили на конце шлюпку, и к нам приехал лейтенант З. Видимо, ему досталось не меньше нашего. Он едва держался на ногах от усталости и, опустившись на диван в кают-компании, прежде всего спросил себе горячего чаю.

— Целые сутки жили на сухарях — не то что сварить супу, воды скипятить нельзя было... Ни одной минуты не спали.

Он рассказал нам, что накануне, около 5 часов вечера, потеряв нас во время метели и видя приближающийся шторм, укрылся за Яковлевой косой. Сначала стоять было сносно, но как только ветер пошёл меняться от Nord'a к West'у, в его убежище появилась волна. Неистово мотаясь целую ночь и дёргая канат, «Бард» полегоньку дрейфовал к берегу и к рассвету оказался у самых отмелей. Решив, что оставаться здесь дольше невозможно, пошли в «протоку»² между Бреховскими островами — излюбленный фарватер местных лоцманов и капитанов, не жалующих широкий, но открытый северным ветрам Каменный Енисей. Подходя к протоке, лоцман ошибся; «Бард» попал в буруны и стал биться килем о грунт.

¹ «Ерёма» на матросском жаргоне равносильно «серому»

² На Енисее говорят не проток, а протока.

— Я так измучился, — говорил З., — что на меня нашло какое-то равнодушие... Дал полный задний ход — единственное, что можно было сделать — и жду совершенно спокойно; сойдём или разобьёмся... никакого волнения, тревоги... Однако, ничего — сошли.

Выбравшись из бурунов, заметили под берегом нашу трубу и направились сюда повидать живых людей, расспросить, куда делись остальные. «Игнатьева» и «Скуратова» он не встречал и не знает, где они могут быть, вероятно, тоже отстаиваются. Относительно их мы не особенно беспокоились: «Игнатьев» — прекрасный пароход, а в случае нужды со «Скуратова» могли всегда указать, как поступить, что предпринять.

На несколько часов «Бард» обратился в сонное царство. Хотя, стоя у нас на бакштове, он при каждой набегавшей волне бросался в стороны, переваливался с боку на бок, шлёпался то носом, то кормой, но на языке его обитателей такое положение называлось «довольно сносным».

В 3-м часу пополудни начали сниматься. Во время подъёма якоря заметили, что «Овцын» тоже снялся и, забрав все три баржи, направился к югу.

Через несколько минут «Малыгин» и «Бард» спешили ему вдогонку. Удаляющийся шторм пустил на прощанье несколько «зарядов» от West'a, после которых заштилело. Зыбь быстро улеглась. Шли то средним, то полным ходом по глубине 7-9 сажен. Слева подымался высокий, крутой нагорный берег, справа тянулись низменные Бреховские острова. В 6 часов догнали «Овцына» и по сигналу вместе с «Бардом» пошли впереди его.

Тучи рассеялись; солнце село на ясном горизонте, блистая ярко-золотистым цветом и суля на завтра хорошую погоду.

В исходе 8-го побледнела заря; окрестность затуманилась; принуждены были остановиться на ночь у острова Чаечного. Слегка подмораживало; холодный ветерок щипал за уши, а на душе было так легко и весело. Наконец-то мы действительно в реке: вода пресная, замечается течение к северу хотя ещё слабое, но постоянное; откуда ни зареви шторм, всегда можно укрыться; да и какая волна на ширине 1-1½ мили!

— Здорово нас оттащило, ну, да уж это в последний раз! — говорили все.

Овцынские рассказывали, как они провели памятную ночь с 8-го на 9-ое сентября. «Овцын», у которого из двух барж, задняя — №1 имела руль, ни разу не терял способности управляться. Потеряв нас из виду и

найдя подходящую глубину, он стал на якорь. Вскоре с баржи №2 — ближайшей — слышались крики о помощи. Спустили шлюпку. Начальник экспедиции вызвал охотников, — охотниками оказались все. Отправились мичман К. и постоянные гребцы. Шлюпка сдавалась к барже по ветру и течению на конце, поданном с «Овцына», с помощью вёсел сохраняя желаемое направление. С большим трудом и опасностью пристав к барже и опустившись в трюм, К. нашёл её действительно в печальном состоянии. На глаз было видно, как перегибались бимсы и шпангоуты, ходили пилерсы. Корпус скрипел и стонал каждым пазом, каждым стыком. Воду едва успевали откачивать. Однако рабочие, ободрённые появлением офицера и военной команды, заявили, что ещё попробуют отстоять баржу, а если надежды не будет, дадут знать на «Овцын», чтобы их сняли.

Шлюпка возвратилась на пароход. На рассвете овцынские с изумлением увидели кроме своих двух барж ещё и третью, стоящую недалеко на якоре. «Малыгина», вследствие его малого возвышения над поверхностью воды, как ни высматривали, найти не могли. Когда стихло, пошли брать баржу №3. Это оказалось довольно затруднительным, так как она была окружена мелководьем, не позволявшим приблизиться на длину буксира. Воспользовались течением: «Овцын» стал на глубине, позади баржи, она снялась с якоря и была перехвачена на ходу. Остальное известно.

10-го сентября в 6½ часов утра пошли дальше. «Овцын» взял баржи №1 и №3 — самую большую и самую маленькую; «Малыгин» — №2, среднюю. «Бард» держался впереди, указывая дорогу. Всю ночь сыпал густой снег, и столько его навалило на палубу, что приходилось сгребать за борт лопатами. Дует слабый, но морозный северный ветер. Станицы лебедей и гусей тянутся к югу. Зима близится — успеем ли дойти до места?

В 11 часов обогнули мыс Муксунинский — кончился Каменный Енисей. Пущенная про него молва, будто он изобилует подводными опасностями, что видно из самого названия — совершенно несправедлива. Держась середины, мы имели ровные глубины от 7 до 9 сажен. То же продолжается и теперь. Когда-то здесь действовали вулканические силы; на многих островах подымаются конические вершины потухших сопок, с довольно обширными кратерами.

Не видя нигде «Скуратова» и «Игнатьева», не тревожились, полагая что Богатков идёт Бреховской протокой.

После полудня разъяснило, но и на солнце температура не поднималась выше 0°. Около 5-ти часов вечера прошли мыс и местечко Караульное — две-три избушки и аккуратный домик, с белыми оконными рамами и зелёными ставнями. В этот день рассчитывали добраться до Луковой протоки, но, не дойдя трёх вёрст, принуждены были за темнотой стать на якорь у мыса Курейкин хвост.

Ночью тучи окончательно рассеялись; на небе вспыхнули яркие звёзды, отражаясь в зеркальной реке и слабым, рассеянным светом озаряя белые откосы берегов. Глубокая тишина царила кругом. Скрип шагов по обледенелой, посыпанной песком палубе, неясный шорох в прибрежном кустарнике, неожиданный всплеск волны, повторяемые речным эхом, долго стояли в неподвижном воздухе и замирали где-то в отдалении. Мороз крепчал. К утру уже было -7°. Река задымилась. Окрестности скрывались в сухом, холодном тумане; но вот первые лучи вставшего солнца пронизали густые облака морозного пара, и, то вздымаясь широкими клубами к небу, то низко расстилаясь по земле, он снялся с реки и медленно поплыл на северо-запад, где ещё густел предрассветный сумрак.

Мы перешли к Луковой протоке и стали здесь в ожидании «Игнатьева». Его отсутствие начинает всех серьёзно беспокоить. Если он не будет сегодня — завтра один из пароходов пойдёт его искать. Перспектива возвращения в Гольчиху, блуждания по неизвестным берегам, в поисках товарищей, с которыми легко и разойтись — никого особенно не прельщала. Наконец около 2-х часов пополудни появились из-за Курейкина хвоста «Игнатьев» и «Скуратов». Они шли снайтовившись борт о борт.

Луковая протока — это природная глубокая гавань между правым берегом и небольшим островом, совершенно закрытая от ветров. Вот если бы «Orestes» разгружался здесь, мы окончили бы работы в 2-3 дня, не потеряли бы не только ни одной баржи, но даже ни одного рельса.

Так как нашего запаса угля не могло хватить до самого Енисейска, то здесь был заготовлен целый паузок дров, который, вследствие убыли воды, оказался на мели.

С прибытием «Игнатьева», суда немедленно зашли в протоку. К борту паузка поставили в ряд три наши баржи, потом стал «Овцын» и крайним «Малыгин». Начали спешно принимать дрова.

«Скуратов» представлял собой плавучий лазарет, мичман Б. лежал раненый, командир в последний день в Гольчихе поскользнулся на

трапе, упал и вывихнул себе коленку. Оставался один лейтенант П., да и тот еле бродил, мучаясь ревматизмом ног. Половина команды хворала простудными болезнями. К счастью, теперь все поправлялись.

Скуратовцы рассказывали нам свои похождения, которые были поистине анекдотического свойства.

Во время пурги у мыса Дорофеева, когда суда экспедиции скрылись в снегу, они заметили, следя по компасу, что «Игнатъев» сначала метался то вправо, то влево, а потом стал забирать всё больше и больше к северу, наконец пошёл прямо против ветра — обратным курсом. Офицеры баржи, разговаривая между собой, хвалили осторожность Богаткова. Быстро падавший барометр указывал приближение шторма; берегов не было видно и, по их мнению, он, не привыкший бороться с непогодой, весьма мудро решил вернуться назад и отстояться. Через несколько часов открылся берег.

«Игнатъев» и «Скуратов» отдали якоря и здесь довольно спокойно провели, тяжёлую для нас, ночь с 8-го на 9-е сентября. Утром, когда начало стихать и проглянуло солнце, стали готовиться к съёмке. Вдруг с «Игнатъева» приходит шлюпка. Оказывается, там большой переполох — не могут понять, где находятся.

— Шли мы вчерашний день, слава тебе Господи, сколько времени! держали на Бреховские. Ну, видим берег — стали. Думаем, завтра, как стихнет, в протоку: а нонче смотрим — солнышко-то не с той стороны восходит...

Взрыв гомерического хохота и здоровых и больных покрыл это наивное признание. Доктор даже уверял, что от веселья и смеха его пациентам стало сразу лучше.

— Как солнце не с той стороны? Какие Бреховские? Да ведь мы вернулись! Мы близ Гольчихи!

— Это точно... как солнце взошло, и я сам вижу, что неладно... а вы-то каким манером говорите, что в Гольчихе?

— Да по компасу, милый человек! зачем тут солнце?

Оказывается, «Игнатъев» плавает без компаса! То есть при покупке парохода они были, и даже не один, но магниты из них давно вынуты на игрушки детям, а самые тумбы уничтожены.

Механик, первый и ближайший помощник капитана, искренно дивился, глядя на картушку.

— Ишь, ты, какая штука! восклицал он, как ты его ни верти, а ен всё одно направление держит!...

Однако ни в этом забавном приключении, которое могло кончиться весьма печально, ни в предыдущих промахах я ни на волос не виню Богаткова. Это был вполне добросовестный и порядочный человек, делавший всё, что мог и умел. Ответственность падает всецело на пароходовладельца, который из экономических соображений не решается выпустить хорошего шкипера и, рискуя грузом и судном, стоящим десятки тысяч, довольствуется приказчиком с золотых приисков, благо тот не просит значительного содержания¹.

Наступила ночь тихая и звёздная, как накануне, но полная шума и оживления. Рабочие развели на берегу два огромных костра, к которым поминутно подбегали покурить и погреться. Багровые пятна и длинные чёрные тени ложились по снежным скатам и тёмной, чуть подёрнутой рябью, реке. В морозном воздухе звонко раздавался смешанный говор толпы, крики, перебранка, грохот бросаемых дров; звучно раскатывался дружный хохот над полетевшим в воду носильщиком; неслась чья-то песня; в ближнем селе — версты три вверх по течению — злобно заливались собаки.

Рассвет застал нас за работой. С утра погода изменилась. Задул сырой южный ветер; небо покрылось тучами; температура повысилась до минус $\frac{1}{2}^{\circ}\text{R}$. Некоторые из офицеров отправились на охоту — раздобыть свежей дичинки.

Мне захотелось поразмять себе ноги. Перебираясь с баржи на баржу, я достиг берега и начал карабкаться вверх по крутому склону, проваливаясь, увязая по колена в снегу и хватаясь за ветви низкорослого, тощего кустарника, чёрной щетиной торчавшего из-под белой пушистой пелены. Этот кустарник, несмотря на свой невзрачный вид, приятно ласкал глаз. Он показывал, что мы приближаемся к границе лесов, готовимся покинуть мрачное царство мха и голого камня. Взобравшись на вершину откоса — около 120 футов — я с непривычки задохнулся и сел. Потом встал, оглянулся... Передо мной развёртывалась унылая, величественная панорама. К северу, востоку и югу тянулась необозримая тундра нагорного берега. Ни деревья, ни кустика не возвышалось над её поверхностью. Всё ровно, бело и мёртво. Под ногами с хрустом подавался замёрзший мох; местами на кочках выглядывали из-под снега жесткие, пожелтевшие метёлки какой-то травы. На западе — широко

¹ С трудом верится, но мне сообщали, что капитаны енисейских пароходов получают до 25 рублей в месяц!

раскинувшийся Енисей медленно катил свои волны, казавшиеся почти чёрными в белой рамке покрытых снегом берегов. Как на карте, лежали передо мной группы низких, намывных островов; тускло поблёскивали между ними мелкие, уже замёрзшие протоки. Дальше подымалась стена левого берега и за ней — опять бесконечная, однообразная тундра... Далеко внизу скучились под самым обрывом наши пароходы и баржи. Крошечные люди копошились там, что-то делая, бегая взад и вперёд.... Сюда доносился смутный гул голосов, стук дерева и шипенье пара, но каким жалким, ничтожным казался этот маленький уголок, полный кипучей жизни, среди необъятного мёртвого простора. Пустыня дикая! проснёшься ли ты когда-нибудь?.. Ветер уныло свистел в ушах, словно жалуясь на своё одиночество; низко бежали тяжёлые дымные тучи... Чувство тоски и уныния просилось в сердце...

Я поспешно спустился вниз поближе к живым людям. Там было неладно. Южный ветер сгонял воду; баржи могли сесть на мель. В 3 часа, не кончив погрузки, оставив на паузе несколько сажен дров, решили уходить.

«Малыгин», взяв свою баржу, благополучно вышел на реку. Здесь мы некоторое время крейсировали, в ожидании остальных, потом стали на якорь. Погода испортилась; беспрерывно набегал туман; наступила оттепель с пронизывающей сыростью — много хуже мороза.

В 6-м часу начало смеркаться, а «Овцын» всё ещё не выходил. «Бард» что-то дымил и двигался взад и вперёд по протоке.

— Неужто опоздали? — подымался в душе тоскливый вопрос.

Придётся ждать новой прибыли воды; стаскивать силой баржи, которые текут при всяком напряжении — невозможно.

К счастью оказалось, что баржи своевременно отведены на глубину, но при этом «Овцын» намотал себе на винт три перлиня и теперь занимается их очисткой.

— Ну, значит — ложимся спать и ждём послезавтра. Раньше не уйдём, — проговорил командир, спускаясь с мостика.

— Отчего же не раньше?

— А вы забыли, что такое завтра? Завтра — понедельник 13-го сентября.

Действительно, только к вечеру следующего дня удалось водолазам окончить свою работу. Уходить было поздно — наступала ночь.

14-го на рассвете в протоке зашевелились. Первым выбежал «Бард», за ним медленно вышли «Овцын» с двумя баржами и «Игнатьев» со

«Скуратовым». В 7-м часу эскадра была на ходу. Тучи по-прежнему заволакивали небо; временами наносило туман; сырость пронизывала до костей; свежий NW даже и здесь развёл небольшую волну. Слегка покачивало. Но мы, кутаясь в дождевики и ясно представляя себе, что творилось бы при этом ветре в Гольчихе, находили погоду великолепной. Так как места дровяных запасов у «Игнатьева» были не всегда те же, что и у нас, пустили его идти по способности, и он скоро скрылся в набежавшем тумане. Мы двигались в кильватерной колонне: «Бард», «Овцын» и «Малыгин». В трёх верстах выше Луковой протоки находится селение с неблагозвучным прозвищем — Дураково, состоящее из трёх дворов. При нашем проходе над одним из них взвился флаг. Вероятно, он должен был изображать собой русский, но, по исконному обычаю, цвета оказались перепутаны, и красная полоса попала в середину.

В полдень, огибая мыс Крестовский, увидели первые деревья. Низкорослые, растрёпанные, самого жалкого вида — но всё же деревья. На южных склонах снег местами растаял, и зеленела ещё не увядшая травка. Мы жадно вглядывались в эти признаки более мягкого климата. Между Крестовским и Дудинским, которые лежат почти на одной параллели, Енисей делает крутой изгиб к северу, и деревья снова исчезают, заменяясь тощим кустарником. Я никогда не предполагал, чтобы граница лесов обозначалась так резко. В 5 часов, идя протокой между правым берегом и Леонтьевскими островами, попали в такой густой туман, что не видели «Овцына», хотя сирену его слышали под самым носом. Однако ходу не убавляли, потому что под берегом глубина была огромная — больше 8 сажен. На несколько секунд над гребнем крутого обрыва — футов в 200 — мелькнули тёмные силуэты изб селения Леонтьевского; потом вновь всё исчезло.

В 7-м часу туман рассеялся: заморосил дождь. Солнце уже село; тучи густо покрывали небо, но, благодаря полной луне, всё же можно было идти вперёд. Около полночи прошли Дудинское и в первом часу ночи стали на якорь выше села, у склада запасённых дров. Перед постановкой на якорь чуть не произошло несчастье. Откуда ни возьмись, под самым носом парохода вынырнула из тьмы шлюпка, битком набитая инородцами. Мы шли со всеми отличительными огнями, и нас-то они могли бы видеть ещё издалека. Очутившись в опасном положении, бедняги завывали, растерялись и начали крайне неудачно метаться из стороны в сторону, словно нарочно стараясь попасть под колёса.

Едва мы от них, а не они от нас, увернулись. Дудинское — первый пункт на Енисее, заслуживающий названия села, с церковью и населением до 100 душ. Здесь имеет постоянное место жительства купец Сотников, владелец парохода и залежей каменного угля весьма хорошего качества, которому можно предсказать хорошую будущность.

15-го сентября с рассвета грузили дрова, а в 9 часов утра снялись с якоря. Погода отвратительная: тепла 2°, к этому сырой, пронизывающий южный ветер и беспрерывно набегающий туман. После полудня, идя против ветра, мы теряли в скорости около двух узлов (3½ версты).

За Дудинским опять появились сначала отдельные деревья, потом жидкие рощицы и наконец — лес, становившийся, по мере движения к югу, всё гуще и гуще. За Грибановскими островами река сузилась до 1-2 вёрст. 12-тисаженный фарватер идёт под самым обрывом правого берега.

В 11 часов вечера стали на якорь, пройдя за день из-за свежего ветра всего 100 вёрст. Мягкий песчаный грунт устья сменился галькой. Долго дрейфовали, прежде чем удалось задержаться.

16-го, снявшись в 6-м часу, пошли в новом порядке: впереди «Малыгин», затем «Овцын» и «Бард». К нам пересел лоцман, вывезенный лейтенантом З. из Енисейска.

Семён Алексеевич Дружинин, небольшого роста, худощавый старичок лет семидесяти с лишним, скоро приобрёл всеобщие симпатии. С детства плавая по Енисею, он при своей болтливости служил для меня живой летописью реки. Каждый из посёлков, расположенных по берегу в 20-30 верстах один от другого, имел свою историю. Гольчиху дед сильно не жаловал.

— Слава Те Господи! сколько годов хожу на пароходах, а всего два раза быть довелось. Оно конечно учёным людям виднее, а по мне самое нестоящее место, — говорил он, сердито хмуря брови, — да и что там за жисть? кругом азиаты...

— А ты, дед, азиатов не уважаешь?

— Азиат азиату — розь. Вот что. Самоедин, к примеру, самый последний народ. Он и родился, и помрёт — в баню не ходит. Живёт бедно, грязно... Главная причина — приимчивости¹ в ём нет. Долганы, юраки, вот что у Дудинки живут, те быдто поладнее будут. Остяк, скажу тебе

¹ Енисейцы говорят приимчивости, а не предприимчивости.

прямо, обстоятельный человек. В деревнях богато. Одежда на ём наша русская. Кои даже на русских бабах женаты.

— Жить-то с ними приходилось подолгу?

— А то как же! тут, недалече от Дудинки, зимовал я с товарищем на барке. Не успели, слышь, сплавить. Ничего — ласковы были. Только уж больно дивились, как мы себе в бочке баню справили.

Дед, не лишённый самолюбия рассказчика, замолчал, ожидая вопроса.

— Как так в бочке?

— А так. Терпели мы, почитай, с ползимы. Да потом взяли бочку — большие у нас эдакие были, под рыбу — с одного конца рогожей закрепили, сверху, с боков, сзади — землёй засыпали, да камнями, а поверху огонь развели. Ладно вышло! так, я те скажу, парились, что лучше и не надо. Прожили этим манером до весны, а то заели-было проклятые...

— А весной в этой бочке рыбу солили?

— Вестимо. Куда-ж её?..

Впрочем, сам дед в настоящее время не отличался чистоплотностью. Мыл по утрам лицо и руки, а в баню рассчитывал сходить в Енисейске, откуда выехал в начале июля.

В низовьях реки единственные средства существования — рыболовство и охота. Во время лова осетрину скупают по 1½ рубля пуд. Цена назначается произвольно купцами, посылающими для этой цели свои пароходы. Невозможность самостоятельного сбыта производит то, что, несмотря на богатство реки, жители часто нуждаются. Те же купцы ведут здесь торговлю мануфактурными товарами и продуктами южных округов, следовательно, и в этом отношении промышленник находится в полной зависимости от них.

Характерно, что на Енисее до сих пор не умеют готовить икры впрок. Летом свежая икра — 12 рублей пуд, зимой ни за какие деньги не достанете ни свежей, ни паюсной. Передавали, будто местные купцы давно уж поговаривают, что надо бы выписать из Астрахани мастеров; но сколько ещё столетий будут продолжаться эти разговоры — неизвестно.

Около 6 часов вечера подошли к Плахинскому, где «Игнатъев» грузился дровами. Здесь «Овцын» и «Игнатъев» обменялись буксирами, так как Богатков отказывался от барж и просил дать ему «Скуратова» только на время, пока не пройдем Дудинки, где река теряет свой бурный полуморской характер.

На «Малыгин» приезжали два мужика с берега и просили «хоть малый кусочек земляного угля».

— Зачем вам?

— Сказывают, больно хорошо, как ежели корова заскучает, в нутро давать.

Подивились неслыханному лекарству, но просьбу удовлетворили. Не знаю, как будут чувствовать себя коровы, — мужики уехали довольными и благодарили.

Погода исправилась. Тучи рассеялись; взошла полная луна. Берега были видны совершенно ясно. В 9 часов вечера снялись и всю ночь шли полным ходом.

Утром 17-го видели лебедей, которые здесь ещё не отлетели. Около полудня первый раз прошли через 4-хсаженную глубину.

Накануне утром, когда я жаловался на худую погоду, дед утешал меня, суля обетованную землю за Ермаковой лукой, где река, делая крутой изгиб, пересекает невысокий горный кряж.

— Сразу нельзя, — говорил он, — сами видите: пошла тайга — пропал снег, а вот таперича скоро и вовсе тепло станет.

Дед оказался счастливым пророком. В 6-м часу вечера, когда мы проходили Ермакову луку, температура +9°R. Солнце только что село, и на противоположной стороне горизонта всплыла серебристая луна. Наступили чудные сумерки. Запад не горел ярким золотом; с востока не надвигалась ночная тьма, но всё небо было охвачено мягким розовато-фиолетовым светом северной зари. Бледные краски, нежные, едва уловимые переливы тонов... Не шумит, не плещет великая река о крутые откосы берегов, изрытых весенними потоками... Наперерез нашего курса спешит лодка с двумя гребцами. «Дров не надо ли?» — Нет!.. И странно звучит человеческий голос среди безмолвия наступающей ночи. Как тихо и мирно вокруг. Смолкла даже говорливая команда, собравшаяся на баке. Прислонившись спиной к рубке, стоит на мостике командир и пристально смотрит куда-то вдаль. О чём он думает?.. что ему грезится?.. может быть, годы молодости, может быть, родина, семья, дети... которых ему не суждено больше увидеть, радость свидания, которого уж не будет на этой земле...

Какая-то тихая, ласкающая грусть сходит на сердце. Словно чего-то жалеешь невозвратного, словно что-то любишь далёкое, неясное, чего-то просишь и ждёшь невозможного... Да, именно в такой обстановке, на такой же великой и пустынной в былое время реке родилась наша песня

тихая, вдумчивая, грустная... Не в годах рабства и тяжелой борьбы, а в этом величавом спокойствии природы, в загадочном молчании северной ночи кроется тайна характера русской поэзии.

В потемневшем небе ярче прорезалась луна; за кормой блестящим мостом протянулось отражение её лучей; облака в вышине сделались пепельного цвета; закат чуть алел; робко затеплились первые звёзды... Мы идём совсем близко к левому берегу. Над его гребнем зубчатой стеной стоит, не шелохнётся, еловый лес. Вот мелькнули огни: показались приземистые избы — это Ермаково. «Овцын» делает сигнал: «отдать якорь!» — и мы останавливаемся.

С берега приехали остяки — целое семейство. По-русски говорят довольно правильно; голос гортанный, но симпатичный; лица открытые и приветливые. Одеты по-зимнему в олени шкуры, но платье того же покроя, как и у нашего деда. Баба — совсем калмычка — повязана ярко-красным с разводами платком. Привезли на продажу осетра, кедровых орехов и брусники.

— Птица была! Не знал, что придёшь — сам съел, — говорил молодой парень, широко улыбаясь и вынимая из-за пазухи, как вещественное доказательство, пару крыльев. Неисправимый Индрис снова пытался пустить в ход татарский язык, но так же безуспешно, как и в Югорском шаре.

18-го сентября в 5½ часов утра пошли дальше. Погода как у нас в начале сентября — тихий, мягкий день бабьего лета. Фарватер держался под правым берегом с глубинами не меньше 5 сажен. Дед посвящал меня в своеобразную терминологию местных лоцманов.

Слово «перекат», столь употребительное на Волге, здесь совершенно неизвестно. Длинная мель, идущая посередине реки, называется «осередыш», если от неё поперёк течения отделяются подводные грядки — это «заструги» или «наструги». Обширная отмель у берега — «лещадь». Подводная коса — «карга». Отдельная, небольшая мель — «опечка». Каменная гряда параллельно берегу — «луда». И много других очень метких и образных. Здесь, между прочим, никогда не говорят течение, а «быстрая» или «тихая» вода.

За эти дни я мог убедиться, что наш лоцман — один из лучших на Енисее — плавая постоянно на пароходах, не употребляющих лота, а намётывающих шестом и, следовательно, меряющих глубину только меньше двух сажен, прекрасно знает, где мель, где нельзя, где можно пройти, но где настоящий глубокий фарватер — ему неизвестно. Меж

тем этот вопрос является существенно важным для прохода в реку глубоко сидящих морских судов

Дальше, ближе к Енисейску мы не раз после 5-6 сажен вдруг попадали на 12 футов, а затем снова сходили на глубину. Вёл дед, уверявший, что все и всегда здесь ходят. Но если бы подобный бар тянулся через всю реку, то, несомненно, на нём существовало бы усиленное течение; на деле же наблюдалось даже уменьшение его скорости. Отсюда являлась почти уверенность, что где-нибудь в стороне имеется глубокое русло, никому не известное, никем не разыскиваемое просто за ненужностью, так как для парохода осадкой в 6 футов глубина 12 футов совершенно достаточна.

Около полудня миновали устье реки Курейки, где зимовал Виггинс на «Темзе». Он рассказывал, что тогда весенний разлив достиг высоты 120 футов(!). «Темзу» пронесло над затопленными деревьями, и при убыли воды она оказалась в тайге, причём изрядно поломалась. Сняться и спасти пароход удалось только благодаря тому обстоятельству, что в Енисее вода прибывает два раза: первый — когда идёт Енисей, а второй — когда вскрывается Ангара, дней через 10 после первого.

Здесь на мысу стоит небольшой домик, в котором живёт круглый год курейский вахтёр — самый северный пункт постоянного местопребывания власти

В 7 часов вечера прошли через 12-тифутовую мель. Небо заволкло тучами, но тепло — даже ночью $+8^{\circ}\text{R}$. 19-го сентября в 6 часов утра отдали якорь у села Селивановского против устья реки Турухана, на которой в 15 верстах вверх по течению стоит город Туруханск. В настоящее время его собираются перенести на берег Енисея.

Селивановское, 6-7 дворов, рассыпавшихся по гребню крутого нагорного берега, населено последователями известного толка. Мне впервые приходилось видеть этих сектантов, и на меня они произвели самое отталкивающее впечатление. Их совсем нельзя назвать женоподобными, как это обыкновенно делают. Всё сходство с женщиной ограничивается отсутствием усов и бороды. Скорей это живые мертвецы. Матово-бледный цвет дряблой, обвисшей кожи, преждевременно собравшейся в мелкие морщинки, обострившийся нос, тусклые, словно выцветшие, глаза, безжизненный взгляд, голос тонкий и слабый — робкие обиженные дети говорят так — движения автомата, — всё возбуждает какое-то странное чувство — смесь жалости и гадливости. Среди местных жителей они не пользуются уважением. Мальчишки над ними открыто

глумятся, а бабы просто ненавидят. Среди продавцов, привёзших свежее мясо, лук, картофель, репу и тому подобное, оказались на двух соседних шлюпках селивановец и толстая краснощёкая баба, так и пышущая здоровьем. Что произошло между ними — не знаю, но она вдруг разразилась таким потоком бешеной брани, что даже матросы и те пятились. Это не был обычный бабий визг, на который мужики досадливо машут рукой, приговаривая: «ну, ну! закатилась!» В её словах слышалась прочувствованная злоба, глубокое презрение и ненависть. Она выбирала самые обидные, самые унижительные выражения. Ей, видимо, хотелось не обругать, а оскорбить и как можно больнее. Сектант только ёжился и пробовал улыбаться, оглядываясь кругом, словно загнанный зверь, уверенный, что пощады не будет. Он имел такой приниженный, несчастный вид, что я не выдержал, строго прикрикнул на бабу, чтобы она не шумела у борта, не то прогонят, и скорее отошёл прочь.

Ввиду того, что все советовали нам торопиться, страдая близкой зимой и возможностью не попасть в этом году в Енисейск, решено было идти под углём, пока его хватит. Мы подтянулись к борту «Скуратова» и, в то время, как «Игнатъев» принимал дрова, перегружали к себе уголь. Пользуясь стоянкой, измерили скорость течения, она достигала под берегом $1\frac{3}{4}$ узла. т.е. около 3-х вёрст в час, посредине же фарватера была, вероятно, ещё больше. В полдень тронулись дальше, дружески распростившись с Н.И. Чуевским, которого у нас в шутку прозвали «roi de Touroukhansk». Добытая сегодня свежая провизия была его последняя услуга.

В 2 часа пополудни прошли Нижнюю Тунгуску. Этой реки мы изрядно побаивались. Протекая по каменистому ложу, она очень рано — случается в первой половине сентября — выпускает в Енисей «шугу»¹. Надежда добраться до Енисейска раньше ледохода значительно окрепла.

Выше Туруханска берега реки становились всё более и более оживлёнными. Посёлки и зимовья, щедро нанесённые на карту по всему берегу, даже севернее Гольчихи, в большинстве случаев вовсе не существовали; к югу от мыса Караульного они состояли из 2-3 дворов, здесь же мы часто видели многолюдные деревни и сёла.

¹ Шуга — сибирское название смеси ледяного сала и мелких льдин, составляющей осенний ледоход.

Под вечер проходили мимо села Мироединского — странное название! — красиво раскинувшегося по возвышенности правого берега. Избы высокие, большие, с тесовыми кровлями; многочисленные сараи, навесы, клетушки; лес кругом вырублен; среди пожелтевшей листвы молодого березняка белело здание часовни; по отлогому скату бродили коровы, пощипывая ещё зеленевшую травку; шли бабы в пёстрых подоткнутых сарафанах с коромыслом и вёдрами на плече; по завалинкам сидели старики; на неширокой низменной полосе, у самой реки, дымилась юрты кочевых остяков; бродили олени, были привязанные собаки; в размытом дождями чернозёме копались жирные свиньи; босоногие ребяташки с криком и визгом бежали взапуски, шлёпая по воде и пробуя не отстать от парохода. Родная, знакомая картина, дорогая сердцу.

— Шабаш, братцы! пришли в Рассею! — говорили матросы.

Дед, нашедший во мне любознательного слушателя его рассказов, болтал без умолку и, разумеется, хвалил старину, сокрушаясь о добром старом времени.

— Нынче што! так ли жили... Бывало, плохой мужик, коли у него 10-20 коней, по 30 и больше держали! По эфтим местам хлебушко-то не родится, ну, значит, река, да тайга — они кормилицы. Зимой почти содержат, летом на прииски сено да хлеб возят; а ноне и зверя, и рыбы всё будто в умалении.

— Да отчего же? Ведь никто их не трогает, порядки старые — живут на своей воле...

— Так-то оно так, а всё супротив прежнего куда слабже...

— Зверя лютого у нас мало, — продолжал он, отвечая на мой вопрос об охоте, — только что медведь. Медведи действительно страшные попадают. От носу до хвоста по 20 четвертей бывают! Прочий зверь смирный — песец, лисица, соболь, белка... А что, ваше благородие, никак я порядки ваши не упомяну — чаю теперича получить можно? — неожиданно заявлял дед.

Старый плут отлично знал судовое расписание, но был уверен, что я не откажу ему в просьбе и пошлю вестового за чаем в кают-компанию. Чай он пил в огромном количестве, кладя в кружку обыкновенное солёное масло и закусывая белым сухарём.

В 7-м часу вечера наступила такая тьма, что, как говорится, хоть глаз выколи. Свет полной луны не в силах был пробиться сквозь густые, тяжёлые тучи. Стали на якорь. Тёплая тихая ночь. В окружающем мраке

ярко и весело горят огни судов. «Овцын» принимает уголь со «Скура-това». Как-то даже не верится — неужто кончились наши мытарства?

20-го сентября снялись на рассвете. С утра погода хмурилась; барометр скачками шёл книзу, но всё разрешилось крупным, тёплым, совсем летним дождём. После полудня обогнали собачью почту. Три пса довольно бойко тянули бичевой шлюпку; за ними, подгоняя их палкой, бежал «ямщик». В шлюпке сидел почтальон и вторая смена собак со своим погонщиком. В то время, как мы поравнялись с ними, разгорелось почтовое самолюбие, учащённые удары посыпались на спины удалой тройки, и с полчаса шлюпка не отставала от парохода. Однако, собаки, видимо, не понимали причины такой горячности и вовсе её не одобряли. Коренник — большой белый пёс — раза три внезапно поворачивался и кидался на почтаря, заставляя его поспешно ретироваться. Ездовые собаки — это необычайно смыхлённые животные. Они покорны, усердны, но до известной степени. Привыкнув к определённому порядку, зная дело и старательно исполняя свои обязанности, они возмущаются всяким насилием, считая его как бы нарушением своих прав. Среди них существует прирождённое чувство справедливости, выражающееся часто весьма резко и своеобразно.

Если в упряжке из 16 собак одна вздумает лентяйничать и будет бежать, только делая вид, что везёт, то это не пройдёт ей даром. Все прочие разом останавливаются, кидаются на неё, задают хорошую трёпку — затем порядок восстанавливается, и возница никогда не мешает подобной расправе. Иногда эта ненависть к бездельникам превращается даже в жестокость. Так, например, если хозяин пустит бежать вне упряжки больную собаку — с ушибленной или стёртой лапой, — то опытный старый пёс всегда держится от саней на благоразумном расстоянии, потому что стоит ему приблизиться к своим везущим, работающим товарищам — и он будет загрызлен насмерть. Хорошие коренники выбираются ещё щенками по особым приметам, тщательно воспитываются отдельно от других собак, дрессируются и ценятся до 150-200 рублей.

Ночь провели на якоре.

21-го сентября кончились наши красные дни. Зима видимо гонится следом за экспедицией. В 10 часов утра, при свежем юго-восточном ветре началась метель, временами вовсе скрывавшая берега. Дед утешал, говоря, что такая метель ещё ничего, что это «завируха» — сухая метель, а вот коли понесёт «залепиха» — мокрая, тогда хоть и не пробуй

идти вперёд — всё равно ничего не увидишь. После полдня немного разъяснило. Дед в валенках и оленьей шубе шерстью наружу, надеваемой через голову — «сокуй» — недоступный никаким атмосферным влияниям, благодушно повествовал мне о жестокости здешних нравов.

— Озорной народ, ваше благородие! Его не задень — ён лютый. Да и то сказать — до начальства далеко... ну, и того... больше своим судом, ежели что... Вот, к примеру, Ямское, указал он рукой на село, прятавшееся в лесу, здесь одного мужика уходили. Хороший мужик был. Я в те поры ещё мальчонкой годов пятнадцати в рыбаках ходил. Про пароходы ещё и не слышали. Хлеб казённый на барках сплавляли. Пригонят в Туруханск что-ли, сдадут по начальству, а потом домой-от берегом; где на собаках, где на лошадях, а где и пешком. Вот и он так. За старшего шёл... знавал я его, Николаем звали.

— Как же уходили-то? — спросил я и услышал бесхитростный рассказ о такой зверской казни, до которой не додумывались даже и американские линчисты... у меня по спине мурашки забегали.

— За что же?

— За что — известно, за баб...

Около 2-х часов пополудни шли довольно ровной, хорошей глубиной. «Овцын», снайтовившись борт о борт со «Скуратовым», держал нам в кильватер. Вдруг видим: они разделились и смотрят носами в разные стороны. Оказалось, что «Овцын» вылетел на 7-мифутую «опечку». Благодаря мягкому грунту, на пароходе почти не ощутили удара, но «Скуратов», на половину разгруженный и сидевший меньше 6-ти футов, следовательно, не задержавшийся, силой инерции порвал восемь здоровых швартовов, как тонкие нитки, и выскочил далеко вперёд. Не получая никакого сигнала, мы продолжали идти вперёд малым ходом. Вскоре «Овцын» снялся, снова забрал «Скуратова» и догнал нас.

В 8 часов вечера стали на якорь, а в 5 часов утра снялись и продолжали плавание. День прошёл без всяких приключений. Шли всё время под правым берегом. Здесь он утрачивает свой скалистый характер и местами очень красив. Высокая земляная стена с глубокими падами, вырытыми внешними потоками; груды поломанного и вырванного с корнем леса: кое-где уцелела ещё трава; зеленеет мелкий кустарник. Правый берег покрыт исключительно хвойным лесом и составляет резкий контраст с противоположным, левым и его низкими намывными островами, которые горят на солнце всеми оттенками красного и жёлтого цвета увядающих листьев.

В 9-м часу вечера в непроглядной тьме подошли к селу Верхне-Имбатскому. «Овцын» сделал сигнал: «Малыгину» принимать дрова. Руководствуясь светом разложенных на берегу костров, бросили якорь саженьях в 20-ти от него о борт с нашими баржами. Течение 2 узла, т.е. 3½ версты в час. Грунт галька — якорь не держит. Пришлось заводить перлиня на берег. Кое-как устроились, принялись за работу. Южный ветер сменился северным; температура упала ниже 0°.

В 5 часов начали сниматься. Светало. Побледнели огни костров; в утреннем тумане обрисовалась на горе красивая белая церковь с 5 зелёными куполами и колокольной; всё ещё спало; только петухи нарушали безмолвие, перекликаясь друг с другом; от церкви тянулся ряд изб с обширными дворами и службами

— Что, дед, Енисейск больше Имбатского? спрашивал я, ёжась от холода.

— А ну вас, — обиделся тот за свой родной город, — у нас собор, четыре церкви приходския, два монастыря, каменных домов 24 обывательских, oprичь казённых! А вы — Имбатское!..

Дед не на шутку озлился и весь день со мной не разговаривал. Даже усиленные порции чая и масла не могли рассеять его мрачного расположения духа.

К вечеру стали на якорь. Дорогой попадались замёрзшие мелкие ручьи и речки. Ночью первый раз видели северное сияние при безоблачном небе.

Не обидно ли? Были в Ледовитом океане, поднимались под 74° широты и увидели северное сияние, находясь на 3° севернее Петербурга! Тёмных ночей было вполне достаточно. Это интересное явление столько раз описано и в стихах, и в прозе, что говорить о нём не буду. К тому же оно не отличалось особенной силой.

По обычаю, снялись на рассвете. «Игнатъев» ушёл вперёд, но скоро мы его догнали — он стоял на мели и тщетно работал назад то обеими колёсами сразу, то поочерёдно. «Овцын» весьма быстро и удачно стащил его на свободную воду, но пока переводили баржи и восстанавливали должный порядок, было потеряно немало драгоценного светлого времени. Этот день, неудачно начавшийся, неудачно и кончился. В 7-м часу попали на «заструги» — переменные глубины от 18 до 10 футов. Дед повёл искать фарватера под правым берегом, но там оказалось 6 фу-

тов. Путались между мелями словно у недоброй памяти Матте-Сале. По минутно со всех сторон неслись сигнальные свистки: «Мелко! Мелко!» Наконец под левым берегом нашли глубину и отдали якорь.

25-го сентября видели несколько остяцких шлюпок. При первой встрече с ними все офицеры выскочили наверх. Казалось, мы каким-то чудом перенеслись в Японию, и перед нами тихо плывут характерные нагасакские «фунэ». Та же лёгкость постройки, тонкий, круто загнутый кверху нос, низкая продолговатая рубка с раздвижными стенками. Чем объяснить эту полную тождественность типа шлюпки здесь, в центре Сибири, и на островах Тихого океана, отделённых от Енисея огромным материком и Японским морем, когда во Владивостоке, в Татарском проливе и на Амуре, несравненно более близких, не замечается ничего подобного?

После полудня остановились у Сумарокова грузить дрова и здесь заночевали. Большое, богатое село. Много изб совсем новых с вычурными резными коньками и крыльцами; конечно, есть и бедные, покосившиеся хаты, но таких две-три. В виде странного исключения постройки беспорядочно разбросаны по гребню берега; нет широкой, сквозной улицы, необходимой принадлежности всякой деревни. К югу от села находится глубокий овраг, на дне которого блестит лёд замёрзшего ручейка, впадающего в Енисей. Весной этот ручеёк превращается в бурную реку. По двум брёвнам, брошенным через овраг, мы перебрались на другой его берег. Здесь среди зелёной чащи молодого ельника возвышалась скромная церковь, а за ней ряд холмиков и простых деревянных крестов. Постоянного священника нет; он приезжает несколько раз в год, — не помню откуда — для совершения необходимых треб. Зато существует кабак и его владелец, местный богач и кулак, Иван Захарыч. Увидев гуляющих офицеров, он зазвал их к себе и кроме обычного угощения подчивал елисеевской мадерой и коньяком, которые после наших вывезенных из-за границы вин становились поперёк горла, — в Сибири повсюду ещё держится елисеевское царство. Затем, как бы отдавая визит, он явился с сыном на пароход. «Сам», одетый в шубу на великолепном белом баране, с жидкой полуседой бородкой и неприятными, беспокойными глазами, держался почтительно, но довольно непринуждённо, говорил о высоте воды, о погоде, советовал торопиться. Сын, здоровый малый, с глуповатым лицом, стоял неподвижно, не решаясь сесть, словно прирос к косяку двери. Предложенное вино выпивал зал-

пом, на вопросы отвечал односложно, испуганно косясь на отца, и видимо почувствовал большое облегчение, когда тот приказал ему бежать куда-то. Вообще эти типы не оставили во мне благоприятного впечатления.

За обедом у нас был Валтасаров пир: ни одного блюда из консервов! блины с икрой и сметаной, сливочное масло, пшеничные лепёшки... Как только мы остались живы!

26-го сентября «Овцын» пошёл впереди, взяв к себе деда. Пасмурно, сверху сыплется что-то неопределённое, не то дождь, не то снег; по крайней мере тихо.

В 11 часов утра прошли устье Средней Тунгуски или Подкаменной. Выше её Енисей пробивает себе дорогу в «камне» (сибирское название небольшого горного хребта). Местами он суживается до 200-300 сажен. По бокам круто вздымаются чёрные стены, сверху покрытые сосновым лесом. Вода кипит, как в котле. При полном ходе вперёд мы движемся очень медленно. Дикие, но красивые берега. Они напоминают живописнейшие места норвежских шхер и, пожалуй, даже превосходят их своей оригинальностью. Поразительно хорош единственный здесь островок-скала, круто поднимающийся с большой глубины на высоту около 30 сажен почти посредине русла. Он невелик, продолговатой формы. Угол, обращённый к течению, изъеденный волнами, разбивает на две части речные струи, которые бешено несутся вдоль его отвесных боков, взбрасывая буруны у каждого выступа и покрываясь пеной, среди которой чернеют воронки водоворотов. Кажется, что не вода бежит, а сам остров стремится к ней навстречу. Вероятно, в силу этого местные жители дали ему меткое название Кораблика. Налететь на него в пасмурную погоду значит погибнуть — завертит, разобьёт, разнесёт в клочья прежде, чем вы успеете подумать о спасении. Трудно себе представить, что творится здесь весной во время половодья. Рассказывают, однажды несколько человек промышленников были каким-то образом застигнуты на Кораблике ледоходом и просидели на нём довольно долго — неделю или две. Кроме недостатка в пище они натерпелись такого ужаса, о котором после боялись и вспомнить. Несмолкающий грохот и треск ломающихся льдин не давал ни минуты покоя; льдины, задержанные в своём движении, громоздились одна на другую, образуя горы в несколько сажен вышины, грозя стереть, снести несчастных, ютившихся на не залитой вершине; каменная громада вся содрогалась под их могучим напором.

За камнем местность внезапно понижается; берега раздаются в ширину, и Енисей принимает обычный вид. Хотя течение ещё весьма сильно, но на это есть другая причина — мы подходим к Осиновскому порогу.

В 4½ часа пополудни отдали якорь в довольно тихой заводи, где уже стоял «Игнатъев», ушедший из Сумарокова накануне вместе с «Бардом». Последний отсутствовал — З. отправился на нём за лоцманом.

27-го на рассвете «Игнатъев» первым пошёл через порог, «Бард», в помощь ему, снайтовился со второй баржей.

От места нашей стоянки до порога было не более двух миль. Мы заметили, как они, уже пройдя его, вдруг, словно остановились... Но в это время пошёл дождь, набежал туман, и всё скрылось из виду. В 3-м часу вернулся «Бард». Оказывается, «Игнатъев» выше порога сел на мель, к счастью на мягкий грунт, благополучно снялся и теперь стоит на якоре.

Ввиду скорого наступления сумерек было решено, что в этот день пойдёт только «Малыгин», «Овцын» же останется ждать до следующего утра.

В 3½ часа, приняв обоих лоцманов — нового Нестера Лазарева и деда — мы снялись с якоря. «Бард» снайтовился с нашей баржей. Сделав около 1½ мили, увидели впереди в беспорядке разбросанные камни, чуть поднимающиеся над поверхностью воды. Самый полный ход! Сто фунтов пара, — и регулятор открыт вовсю. На беду, как раз в это время, налетел от Sud'a, т.е. прямо в лоб, шквал с дождём. «Малыгин» вступил в порог узким фарватером между камнями. Какое зловещее и вместе красивое зрелище представляли собой эти выпуклые, словно полированные, тёмные пятна, окружённые вспененными, клокочущими струями, в нескольких саженях от борта. Тут и там беспорядочно толкущиеся, невысокие, остроконечные волны и чёрные воронки указывали на существование незримых, но тем более грозных, подводных опасностей. Миновав первую гряду, следовало на пространстве 150 саженей круто изменить курс вправо, чтобы не попасть на вторую. Машина работала, как на пробе, давая 30-31 оборот; удары лопастей сливались в глухой гул, и странно было, чувствуя это напряжение, взглядывая на быстро несущуюся вдоль борта воду, видеть, как медленно двигаемся мы вперёд относительно берегов. Течение достигало скорости не менее шести узлов, т.е. 10-11 вёрст в час. Но вот пройдены самые трудные 200-300 сажен. Стало полегче. Я оглянулся — за кормой не видно ни одного камня. Они были совершенно скрыты вздувшейся позади них волной.

Мы пошли скорее. Меж тем, благодаря ненастной погоде, быстро смеркалось. Лоцмана заспорили. Нестер, только что посадивший на мель «Игнатьева» и боявшийся за свою репутацию, доказывал, что надо стать на якорь немедленно; дед рекомендовал дойти до какой-то заводи, где течение слабее.

— Да вы говорите толком! — вмешался командир, видя, что даром уходит время, — успеем ли мы добраться до заводи?

— Отчего не добраться, — заявил невозмутимо дед.

— Отемняем! — восклицал Нестер, более молодой и горячий.

— Ежели отемняем — не дойдём, это точно.

— Ах, анафемы! — не выдержал командир, — говори ты, обратился он к Нестеру, какой здесь грунт?

— Песок.

— А дальше? по дороге в заводь? можно ли стать, где придётся, где «отемняем»?

— Нельзя, нельзя! — почти закричал тот, обрадованный, что нашёл довод, — там «луда», ваше благородие!

Значит, и спорить нечего. Отдали один якорь, потом другой — дрейфует. Якоря тащит по дну; нос парохода весь дрожит; канаты вытянулись и гудят, как басовые струны. Готовились уже отдать верп, но в это время задержались. Глубина 5 сажен; течение $4\frac{1}{4}$ узла ($7\frac{1}{2}$ вёрст). Хорошо, что стали. Темь наступила непроглядная. Ночь прошла спокойно. Обыкновенно определяют, дрейфует судно или нет, по лоту, спущенному на дно, но при течении $4\frac{1}{4}$ узла мы были лишены этого простого и удобного способа — давлением воды на линь лот «выносило». Заменили тросовый линь проволокой, лот трёх пудовым грузом — безуспешно. Оставалось одно — слушать, не гудят ли канаты. К счастью после полночи ветер начал стихать, а к утру совсем заштилело. Чуть забрезжил рассвет, снялись с якоря. В $8\frac{1}{2}$ часов утра подошли к заводи, где нашли «Игнатьева», и стали тут же в ожидании «Овцына», за которым отправился «Бард», взяв с собой Нестера.

В первом часу показался «Овцын». Итак, Осиповский порог пройден благополучно, и до Енисейска остаётся только 450 вёрст — вздорное расстояние.

Мы дивились и расспрашивали, как мог пройти через эту быстрину тихоходный «Минусинск». Лоцмана объяснили, что он выждал свежего попутного ветра и поднялся, пользуясь своими большими парусами. Выше порога река, задержанная им, широко разливается и образует

огромный архипелаг. Дед сообщил, что тут 77 островов, но насколько точно это кабалистическое число, не знаю. Большинство из них низменные, заливные и после весеннего половодья покрываются роскошной растительностью. Окрестные жители пользуются ими как пастбищами, притом довольно своеобразным способом. Так как по здешним местам главная работа лошади зимою, летом же она почти не нужна, то, едва спадёт вода, крестьяне переправляют своих лошадей на острова, выбирая такие, вокруг которых поглубже. До поздней осени, пока ещё держится подножный корм, лошади пасутся на полной свободе, не требуя никакого ухода со стороны владельцев, и до известной степени дичают, особенно молодые, подрастающие жеребья. Проходя архипелагом, мы были свидетелями картин в духе Купера и Майн-Рида. Вот крупной рысью выбегает к самой воде табун в 20-30 голов. Завидев пароходы, они внезапно останавливаются; передние вытягивают шеи, нюхают воздух, фыркают... и вдруг разом, словно по команде, все круто поворачивают назад, бешеным галопом скрываются в чаще кустарника, и только издали доносится звонкое ржанье, да мелькают развевающиеся на бегу хвосты и гривы. Любоваться всем этим немного мешал надоедливый снег, сыпавший целый день с небольшими перерывами.

«Овцын», имевший у себя Нестера — знатока порога и островов — шёл впереди; за ним «Малыгин» с дедом, а позади «Малыгина» — «Игнатьев». Во 2-м часу, только что пообедав после вахты, я сидел в кают-компании, зевая взапуски с командиром и собираясь идти к себе, — наверстать вчерашнюю бессонную ночь, как вдруг «Малыгин» подпрыгнул, закачался, и что-то гулко три раза громыхнуло по его днищу. Мы оба вылетели на мостик. Впереди — «Овцын», позади — «Игнатьев»; глубина 12-13 футов. Очевидно, перескочили через какой-то камень. Вахтенный начальник яростно отчитывал деда, но тот стойко выдерживал нападение, разводил руками и невозмутимо отвечал на все обвинения: — А кто ж его знает! Нешто я в воде вижу..

Облазили все трюмы — слава Богу, нигде никаких признаков течи, счастливо отделались без повреждений.

Стемнело очень рано. В 6 часов должны были стать на якорь.

29-го сентября, пройдя несколько вёрст, остановились у Ворогова и начали грузиться дровами. Офицеры компанией отправились на берег поразмять ноги и закупить свежей провизии. Ворогово большое село с хорошей каменной церковью о пяти куполах. Кабака нет. Избы располо-

жены двумя улицами, параллельными реке. По бокам их тянутся деревянные мостки, зато посредине — невылазная грязь. Глядя на неё, я поверил, что в распутицу почта идёт целые сутки через деревню Залинде-ево близ Красноярска, раскинувшуюся на 7 вёрст по тракту. В данное время эта трясина была скована морозом, и мы, смеясь, прыгали через глубокие колеи и рытвины, на образование которых вероятно потратилось немало лошадиных сил. Мужики встречали нас очень приветливо, с охотой указывали, у кого что есть, провожали. В одном дворе, где мы стояли в ожидании, пока молодая бабёнка вероломно подманивала кур, предназначавшихся на убой, в ворота быстро вошёл хозяин и радушно обратился к нам:

— Милости прошу, пока что зайти в горницу.

Мы вошли в избу, причём в дверях хозяин пропустил нас вперёд, и очутились в просторной высокой угловой комнате с четырьмя окнами, на которых стояли горшки каких-то цветов. Вдоль выбеленных стен тянулись лавки; в переднем углу помещался большой стол, а в противоположном — русская печь. Всюду голландская чистота и порядок. Под столом разостлан холщовый домотканый ковёр, по остальному пространству пола раскидано свежее сено. Нас усадили под образа, поставили неизменное сибирское угощение — кедровые орехи, и началась степенная беседа. Разговор поддерживали только «сам» и его старший сын, статный красавец лет тридцати. Остальные сидели молча и чинно слушали. Хозяйка, пожилая, видная женщина в горностаевой шубке, вязала что-то на спицах и тоже не проронила ни слова. У дверей жались две бабёнки. При входе в избу, «сам» познакомил нас со своей семьёй.

— Это будет моя хозяйка, а это — старшóй сын. Прочие тоже мои, добавил он, неопределённо махнув рукой в сторону. «Прочие» низко поклонились. Видимо, здесь авторитет отцовской власти держался ещё довольно крепко.

— Касаемо провизии будьте спокойны, чего ежели у нас нет — мои парни сбегают.

Просидев минут 10-15, закусив ржаным хлебом и свежей, даже не совсем очищенной, икрой, тем же порядком распростились и вышли на улицу.

Ворогово лежит как раз на границе произрастания злаков. Здесь уже сеют овёс, но урожаи плохи, и многие крестьяне предпочитают покупать доставляемый из хлебородного Минусинского округа. Вороны в большинстве чёрного цвета, но попадаются ещё и серые — полярные.

Возвращаясь на пароход, увидели в центре села высокий столб с доской и надписью:

«Село Ворогово, жителей мужска пола 104, женска — 98. От Енисейска 390 вёрст». Чувствовалась близость административных центров.

На берегу я нечаянно подслушал, как один из наших рабочих рассказывал о плавании и описывал порядки военных судов:

— Плохо, братец ты мой! наши пароходы, поколе, значит, глубина боле осадки, валят себе полным ходом, а тут нет, шалишь! чуть тебе 10 фут — сичас малый ход. Потому — «дисциплина»!

Во 2-м часу пошли дальше. «Овцын» впереди, взяв деда к себе. В 6 часов наступила темнота. Мы изготовили якорь и только ждали сигнала, как вдруг «Овцын» засвистал: «мелко!» и вслед затем мы увидели, что он стоит на месте. Стали неподалёку и мы. Оказалось, дед слишком придержался к берегу и высадил его на мель.

Полдня 30-го потеряли на стаскивание, потом пошли в старом порядке — «Малыгин» впереди. Почтенный Семён Алексеич был мрачен и молчалив.

— Дедушка! а дедушка! — окликали его матросы, когда он проходил по палубе, — ты это куда «Овцына»-то завёл? на каргу, аль на опечку?

— Ну, вы! зубоскалы... сердито ворчал тот, поспешно взбираясь на мостик под защиту офицера.

1-е октября. Вот он — Покров — крайний срок навигации по Енисею. Однако мы идём, хотя и не Бог весть как хорошо. За день сделали всего 70 вёрст. Глубины неровные; шли даже по 9 футов, что для «Овцына» только-только достаточно. Берега покрыты снегом; лист на деревьях окончательно осыпался, но довольно тепло — в полдень 0°.

2-го октября встретили длинную полосу шуги, шедшую под правым берегом. Ночевали у села Назимова в 175 верстах от Енисейска. Здесь живут некоторые золотопромышленники и их доверенные. Вдоль берега горят фонари! — правда, на значительном расстоянии друг от друга — Слышны трещотки ночных сторожей.

3-го октября у села Пономарева видели первые пашни.

4-го октября река заметно оживилась. Чаше и чаще попадаются деревни большие с хорошими церквями. По течению сплавляются запоздалые барки с сеном и зерном. Вдоль берега, буксируемые лошадьми, поднимаются шлюпки с народом. Перед вечером прошли мимо какого-

то парохода, уже расположившегося на зимовку. Ночевали в тихой заводи за Комаровской косой. До Енисейска всего 18 вёрст! Даже не верится.

Торжественный день 5-го октября 1893 года начался отвратительной погодой. С утра мела «залепиха», та самая, про которую рассказывал дед. Временами берега скрывались из виду, но Семён Алексеич храбрился и ворчал на лотового.

— Чего он «намётывает?!» сам знаю, сколько фут, по эфтим местам, закрывши глаза, проведу!

Однако, наученные горьким опытом, мы двигались тихо и осторожно, опасаясь недоразумения с какой-нибудь опечкой или каргой. Стать на мель, задержаться на несколько часов было бы слишком обидно. Мы знали, что нас ждут, что ночью из Комарова ускакал нарочный с известием о нашем прибытии.

В конце 11-го часа недалеко впереди смутно обрисовались очертания барок и пароходов. Вслед затем снег начал быстро редеть; метель внезапно прекратилась, и перед нами открылся Енисейск. Признаюсь, он превзошёл мои ожидания. Я думал увидеть большую деревню — а увидел город. Вдоль гребня крутого обрыва берега тянулся длинный ряд двух- и трёхэтажных домов, то деревянных, то каменных; над ними поднимались многочисленные купола церквей и неизбежная пожарная каланча. Повсюду развевались флаги; толпы народа теснились на набережной и бульваре перед собором. Оттуда несло дружное русское «ура!», на которое радостно отвечала наша команда, стоя на вантах и размахивая фуражками... Пережитые невзгоды и опасности, штормы, мели, морозы — всё было забыто, всё исчезло в счастливом сознании, что мы первые приносим в этот далёкий город флаг русского военного флота.

Местные власти и представители города приехали на «Овцын». Городской голова передал начальнику экспедиции хлеб-соль и в короткой прочувствованной речи поздравил нас с благополучным прибытием.

На следующий день состоялось торжественное молебствие в соборе, парадный обед, вечером иллюминация. Со всех концов России и даже из заграницы, где только были наши прежние командиры и товарищи, моряки, сыпались поздравительные телеграммы; начался ряд приёмов и вечеров, которыми радушно встретил нас гостеприимный и хлебосольный Енисейск, но рассказывать о них, перебирать эти отрадные сердцу воспоминания не входит в программу настоящего труда. Об одном не

могу умолчать: только что став на якорь, мы получили извещение, что золотопромышленник И.Д. Черепных приглашает нас вечером в баню. Тогда же малыгинская кают-компания дала торжественный обет до конца жизни не забывать этого истинно дружеского угощения.

OCR Андрей Дуглас, 2023

